

Александр Потёмкин

Русский пациент

Москва
Издательский дом «Порог»
2012

УДК 821.161.1312.2
ББК 84(2Рос=Рус)644
П64

П64 **Потёмкин, Александр**
Русский пациент : Роман. — М. : ИД «ПоРог», 2012. —
272 с.

ISBN 978-5-902377-41-2

УДК 821.161.1312.2
ББК 84(2Рос=Рус)644

Лев Аннинский

ВЫСШИЕ И НИЗШИЕ ТВАРИ В МЕГАПОЛИСЕ

В мегаполисе жизнь насекомых и прочих низших тварей ничтожна и незаметна.

А. Потёмкин. «Русский пациент»

Можно спорить о писателе Потёмкине как о стилисте, портретисте, пейзажисте и т.д. — по школьной схеме художественных особенностей. Но как эксперт, знающий теперешнюю реальность в её скрытых, затаённых, притенённых контурах, Потёмкин — вне конкуренции. Его романы — это диагнозы общего состояния современной действительности, так что «Русский пациент» достойно становится в общий ряд. А там — «Изгой», «Я», «Человек отменяется», «Кабала»... И это «я» — отнюдь не чистое самоуглубление, не отрешение, не спасение от реальности, где бесы дурачат изгоев и за столом собираются игроки, которым в утешение обещана разве что ностальгия. Проза Потёмкина насыщена конкретными приметам круто меняющейся современности, эти приметы торчат и колотятся сквозь традиционную интеллектуальную сеть смыслов, натянутую Достоевским и Ницше над нашей судорожной суетой.

В данном случае мысль бьётся между тем, сколь страдание неотвратимо-сладостно для русской души, и тем, что стремление этой души к идеалу так и тянет свершить бросок в противоположный край. Эти неистребимые крайности обозначены в «Русском пациенте» в первом же абзаце, сразу после поставленной мною в эпиграф фразы о ничтожности нашего муравейника:

«В городской сутолоке, в мире политических амбиций и карьерных страстей, транспортных коллапсов и ироничном движении денежных потоков она (жизнь насекомых и прочих низших тварей. — Л. А.) почти никого не интересуется. Даже на более существенные вещи у столичных жителей никогда не хватает времени. Всех поглощает забота о заработке. Одни, кроме того, носятся за глотком секса, другие спешат на тусовки, третьи торопятся в бутки, четвёртые рукоплещут в концертных залах, пятые томятся в печали на одиноких парковых скамейках».

© А. Потёмкин, 2012
© Издательский дом «ПоРог», 2012
© И. Резников, оформление, 2012

ISBN 978-5-902377-41-2

В этой беглой картинке, вроде бы укладывающейся в стандарт неустрашаемой беллетристики последних двух десятилетий, я ищу чисто потёмкинские разъяснения, уточнения, изобличения.

И нахожу их.

Первое, что поражает, — неслыханная прозрачность того, что творится в кабинетах и коридорах, а точнее, в кошельках и карманах лиц, действующих в социальной иерархии.

Во времена Гоголя и Щедрина принято было всё-таки стесняться: чиновник берёт свое кувшинное рыло от гласности, всё неофициальное делалось намёками.

Теперь всё расписано. Всё уложено в ясный стереотип успешности. Рынок человеческих услуг окончательно сложился. С помощью посредников и без них на этом рынке можно найти всё — от начальника управы, участкового или инспектора миграционной службы до мэров крупных городов, депутатов любого уровня и министров. Ты не взятку даёшь, а человека покупаешь. И по той же таксе покупателю предлагаешь: нужна земля под долгосрочную аренду или под мизерный выкуп в пойме рек, в лесных массивах, в зонах месторождений золота, нефти, газа, угля, да чего угодно, ведь край наш богатый — всё тут же будет выполнено. Берите в управление любой комбинат, фабрики, банки, железные дороги, каскадные сети электропередач. Всё ваше!

Всё — сверху донизу. До самого низа: известно, сколько стоит снять тёлку на ночь, сколько на месяц, да хоть бы на год, расписав её услуги по часам в распорядке дня. А при первом снюхивании на крутой тусовке — сколько официанту за то, что отнесёт записку, сколько гардеробщику за бирку, сколько парковщику за автомобиль, сколь дежурной команде ментов за охрану. Покупка людей в современной России стала банальной процедурой.

И всё это фиксируется на бумаге! И бумага — хранится (теперь в этой роли ещё и компьютер). Диву даёшься, до чего дошла реальность в жизни народа, который последние два века считал себя «народом Книги», — теперь в «книгу» пишется всё, что ни сладится на рынке продаж и покупок, услуг и псевдоуслуг. До чего же надо дойти в ожидании обмана и подвоха, до чего же потерять веру в реальность, чтобы дублировать её в параллельном многотонном бумажном потоке, фиксируя все извивы и кувырки!

«Теория кувырка» — из той же потёмкинской диспозиции. Это явление можно назвать смешением полюсов. Переменилась конъюнктура — и начальник смылился в ничто, а удачливый игрок взлетел из ничтожества в начальство. Надо только угадать момент кувырка. И сумму оплаты.

Что ещё любопытно: «банальная процедура» фиксируется в числительных. Потёмкин последовательно высвечивает цифры, сияющие нулями. Я их не привожу (не фиксирую в своём читательском сознании), во-первых, потому, что для моего личного жизненного опыта они полная абстракция, а во-вторых, потому, что для моего общественного опыта они совершенная условность: повернись какой-нибудь шатун или кривошип в мировой экономике с её кризисами и дефолтами — цифры либо обрастут такими же декоративными нулями, либо растеряют свои нули, оставив услугу голенькой.

В голеньком-то виде, то есть в естественно-природном, услуги теперь особенно охотно фиксируются в тех же договорах. Например, срывается контракт, и, помимо отступных, с провинившегося чиновника требуется компенсация натурой: «голышом сесть на пивную бутылку и просидеть так десять минут». Прошу прощения за технологию этой экзекуции, меня от неё тошнит, но — такова натуральная такса на нынешнем рынке удовольствий.

Одна натуральная повинность поразила меня с особой силой. Устраняя возможного конкурента, олигарх решает изъять его из сферы предпринимательства и приказывает... нет, не угробить в лифте, не закатать в асфальт и даже не упечь в тюрьму, а — купить с потрохами, взять на обеспечение, запереть на домашнем аресте (если надо, то и пожизненно), поить и кормить...

Внимание! Вот тут находочка почище сидения на бутылке. Не просто кормить и поить, а... «посадить на стакан»! То есть предлагать ежеутренне стакан водки. Выпьет — дать еды. Упрётся — пусть сидит на подсосе. Чем больше заложит за воротник, тем больше еды получит...

А сам олигарх, обрекающий своего конкурента на такое насильственное водкопитие, — трезвенник, что ли, желающий прочесть пьяницу? Нет, он тоже не дурак выпить, но не сивуху из стакана, а что-нибудь вроде «Бароло» от Гаяя или шотландского виски под немецкие свиные ножки. Оргия потребления, разумеется, включает в себя выпивку, но до каких же высот вырастает у нас, оказывается, эта выпивка! Я-то привык думать, что пьянство, как чёрная зараза, растёт в народе «снизу», от работяг, которым иначе не сдюжить в таёжной тьме или на степной жаре, и что власть традиционно зовёт народ к трезвости.

Увы. Кувырок полюсов. Власть зовёт к тому, чтобы народ косел. Сажает народ на стакан. И сама на стакан садится — при перемене рыночной конъюнктуры. Или даже без перемены. А от общего ощущения судьбы, от которой не укроешься. Как и от диагноза, которого не изменишь.

Диагнозы в романе ставит психиатр с насмешливой фамилией Райский (о фамилиях чуть позже, это потёмкинский конёк). А драматургия тут в том, что к райски вежливому доктору тянется из ада реальности поток пациентов разной степени помешательства и доктор любящей рукой выписывает им лекарства: р...ин, а...ан, г...ол... Я чувствую в этой рецептуре не только медицинские реалии, но и изящную издёвку... ради которой и цитирую орнамент — «нигилистический бред с мегаломистическими фантазиями», рядом с коими: попин и смесь трипсина с химотрипсином, а также липосакция, лифтинг и рекордные показатели докторской оснащённости: игольчатое колесо Варгенберга и молоточек Тейлора, коими компенсируются гипероновые извращения, фельчинг, йогорема ситаги, танатофилия, зоофилия и т.д.

Под стать этому букету — фамилии пациентов, являющихся к доктору из новой российской реальности. Тут Самодранов (этот явно из крутых), а также Гулькин, Неяскин, Захлёбкин и прочие прихожане, возможно, уже посидевшие на бутылке. Хочу воздать должное Потёмкину: в ономастической изобретательности, то есть в умении придумывать действующим лицам ярко-звучные фамилии, он явный ученик Достоевского...

А теперь возвращаюсь к общей характеристике нашей текущей действительности у Потёмкина и тому, что её породило. Габитус: внешний вид, общий облик, стиль поведения. При первом приближении — праздничное единоборство матерщинников. При более внимательном вслушивании — и слепая ненависть, и жгучая злоба, и ненавистное презрение, и остервенелое безрассудство, и маниакальное своеобразие... При успехе современного перевоспитания облик обновляется: новый русский человек, встав, прежде всего должен принять ванну, обогащённую ароматами фирмы «Кристиан Диор», побриться лезвием «Жиллетт», освежить себя туалетной водой «Армани», надеть бельё от «Черутти»... (опускаю детали), завязать галстук фирмы «Брутти», нацепить костюм от «Бриони», влезть в обувь марки «Джон Гальяно»... И притом чтобы этот красавец не поленился выбросить на помойку домашнюю библиотеку, унаследованную от умерших родителей.

Примечание: «Наш человек и в хамстве, насилии, издевательствах талантлив, даже гениален, но безумно ленив».

Или так: «В кабале свободен».

Или так: «В башке лишь три пункта: полное пренебрежение к духовности, необузданная жажда роскоши и пошлая мания величия».

Как бы это найти решающий пункт в таком наборе качеств и решить, что с ним делать?

Мнения экспертов из воображаемого консилиума:

- Страна жива, она дрейфует к выздоровлению.
- Нет. Скорый развал страны очевиден!
- Пропадает народ. Внутренний мир треснул. Жаль.
- Русский мир поражён порчей.
- Зачем плодить такой бездарный народ?

Зачем плодить, искусственно поднимая рождаемость? Русский этнос проще спасти извне. Добавить в страну недостающее население из Индонезии, Шри-Ланки, Индии, Вьетнама, Камбоджи (следует калькуляция: откуда сколько миллионов и по какой цене). В России воцарятся мир, благодать и единение народов. Возникнет прелестный афро-азиатско-европейский тип нового русского человека — мощного, красивого, трудолюбивого...

Любо! Макар Нагульнов, шолоховский казак, мечтавший об исчезновении национальностей при коммунизме, определял нового человека ещё и как «смуглявенького». В шолоховские времена от нацвопроса можно было отдултиться («Любушка ты наш, Осип Давыдович!» — и все дела), и дела, и перспективы выстраивались тогда не на этническом, а на классовом основании. Потёмкин, однако, выстраивает свои анамнезы в другую эпоху. В эпоху, когда все идеи пронизаны магнетизмом национальных страстей. И всё происходит, как он сам формулирует, в «этнической бичевальне». Так что эпитет «русский» у Потёмкина отдаёт по неизбежности не строкой в паспорте, а духом рокового выбора. Иногда это аромат катастрофы. Или ожидание чудесного спасения, в которое верят только чудаки. Поможет ли нам модер-

низация русского человека? А вдруг? «Что только не придумает русский человек, утоляя свою необузданную страсть к постижению мира — внутреннего и внешнего!»

Этот «русский дух», пронизывающий у Потёмкина текст его романа, обсуждается уже далеко от контекста целины, поднятой в год великого перелома, — а в контексте тысячелетней пахоты, в ходе которой характер народа вырабатывается в условиях, от коих некуда деться, в климате, сулящем голод, на земле, не имеющей ни естественных границ расселения, ни торных дорог, в поле, где сцепляются и сталкиваются племена, дотоле друг друга не знавшие, и лишь святая дурь спасает всех от законной взаимобреждённости.

Вот в *этом* контексте обсуждение русской темы приобретает огнюдь не паспортный, а сущностный смысл, и доктор Райский уже не отделается в графе «История болезни» школьным ответом: «Крепостное право».

Разумеется, это и крепостное право — в рамках внятно описанной истории. А за рамками? А в контексте вечности, которую мы так любим? А в тисках судьбы, которую мы так клянём и на которую так полагаемся?

«Другой судьбы у русского человека и быть не должно. Ведь мы всегда упиваемся насилием — над собственной персоной или над кем-то другим, но обязательно соотечественником. С унижением мы свыклись, как с плохой погодой. Какая-то чёрная иррациональная тяга к нему таится у нас в сердце — идея быть и чувствовать себя постоянно оскорблённым. И это не от ненависти к миру, это проекция национальной ментальности. Русский человек ищет себя в разгадках своей истории...»

Быть постоянно оскорбляемым другими и постоянно оскорблять других — это не одно и то же? Нельзя ли как-нибудь развести эти кувыркающиеся полюса? Уравновесить их? Искупить одно другим...

В этом-то и состоит главный психологический эксперимент Потёмкина и главный сюжетный узел романа.

В роли хозяина жизни, распоряжающегося подчинёнными, выведен олигарх по имени Андрей Антонович. На него работают несколько сот тысяч человек. До каждого он, понятно, добраться не может, но с теми, до кого добирается, говорит в таком стиле:

— Ещё по тысяче долларов получите, если проучите этих мерзавцев. Нужно как можно жестче их выпороть. Особенно этого смазливового... По морде, по почкам, по печени. Так, чтобы рожи их стали похожи на физиономию Каддафи после расправы над ним повстанцев.

«Смазливово» оценил бы Нагульнов. Каддафи помогает оценить политическую осведомлённость олигарха. Суть его отношения к подчинённым и зависимым — согнуть их до ничтожности, растереть в пыль, унижить до положения рабов. Этот стиль общения — всеобщ. Хамское барство. Сверху до низу. То есть до самых низших слоёв доставшегося нам мегаполиса. Унизительное положение — у всех, это общий закон. Чтобы закрепить этот «низ» в сознании читателя, Потёмкин устами одного из подчинённых демонстрирует нам «нормальный базар» (тюремный):

— Что ты гонишь, вертухай печорский? Что за феня? Переходи на нормальный базар. Забыл я ваш язык: пять лет на киче — срок немалый. Неужели так поменялась вольная житуха, что на ней только колпаки встречаются? Что, менты тоже на этой фене трут? А? Как тогда с ними разругивать вазялово на приходе? Какими словами теперь шепнуть мусору: «Тормози, начальник, я готов дрыкнуть бабло, чтобы запел баян»? Ты-то, чистильщик, меня понял?

Чтобы понять, вовсе необязательно ботать по фене бесперечь. Достаточно Андрею (Андрею Антоновичу) сказать собеседнику в ответ на предложение услуг неких посредников: «Засунь их себе в задницу! Ты или больной, или негодяй!» — и становится ясно, в каком мире мыслит себя этот герой (70 процентов народа — олигофрены, то есть больные; 30 процентов — олигархи или их прихлебатели — то есть негодяи). Форма общения — непрерывные оскорбления, принимаемые и теми, и этими.

От имени «этих» (хамящих) представляет олигарх Андрей Антонович. От имени «тех» (кому хамят) выдвинута личность без постоянных занятий — Антон Антонович. Одно время нанимается чистильщиком обуви на вокзал, терпит хамство вокзальных ментов. Терпит с удовольствием. Терпеть хамство и есть его главная жизненная задача.

Вот самохарактеристика, предъявленная им доктору Райскому:

— Мир охвачен иступленными поисками блага. У меня же, уважаемый доктор, всё наоборот. Я ежесекундно стремлюсь к чувствам, которые враждебны человеческой природе. Человечество во все времена стремится к абсолютному благу, а я, микроскопическая частица этого человечества, стражду получить *не-благо*, или благо со знаком минус...

Этот минус на языке материального комфорта означает: «ни автомобиля, ни денег на его заправку, ни гаража, ни дома, ни света». А на языке высших ценностей — ни мига без унижения. В любой форме. От скользящего толчка случайного встречного до того, что кто-нибудь старательно обольёт свинячьим дерьмом. «И не просто брызгами в лицо, а с головы до ног, чтобы от меня вонь шла на всю Россию».

Значит, эксперимент — со всероссийским прицелом. А то и со всемирным. Хамство повально? А если на всеобщее хамство ответить... наслаждением от этого хамства? Принести себя в жертву насилию. Довести это состояние до сумасбродной прихоти. Довести до предела и вывернуть! Испытать пик удовольствия от максимального унижения. Душевный подъём — от испытываемых истязаний. Сладостное самобичевание — от надругательства, от придавленности, от бесправия... и т.д. по русскому вековому списку...

«Мазохист, что ли?» — догадливо предполагаю я, входя в роль райского доктора, но Антон Антонович предупреждает меня: он вовсе не мазохист, а человек, «чьи нравственные страдания дают силы жить в стране предков». В родном мегаполисе.

То есть речь идёт ни мало ни много о спасении народа, да и всего человечества.

Задача грандиозная. Средства — чисто психологические. Соединить вместе собственное убожество и собственное величие. Ощутить убожество как счастье. Вывернуть зло — вдруг получится добро?

Так что пока Андрей Антонович приказывает засунуть что-то в задницу непонятливому собеседнику, Антон Антонович просит как милости: «Избей меня!»

Где у того кулак, там у этого дыра, — шутили в прошлом веке.

В такой зеркальности есть что-то умозрительное. Такое переглядывание половинок рассечённого надвое сознания. Оно и сюжетно подкреплено: Андрей Антонович и Антон Антонович — братья-близнецы, внешне абсолютно неразличимые. Как бы исчезающие друг в друге.

Эксперимент по спасению человека от полного исчезновения заканчивается полным его исчезновением. Завершая рассечение образа (и осеняя себя, наверное, толстовским «Отцом Сергием»), нынешний Русский пациент берёт электропилу и отчекрывает у себя мизинец. Потом устраивается в ванной поудобнее и продолжает процедуру «сокращения самого себя», отпиливая пальцы ног...

Эксперимент по излечению человечества через самоуничтожение русского хамства завершается летальным исходом.

«В смерти смысла больше, чем в жизни».

В финале человеческой истории — «какая-то мистическая катастрофа».

Итог: «Человек сам всё запутал, и корни этой глобальной путаницы уже обросли мощными побегими. Остаётся двигаться по этому порочному кругу и ждать естественного конца».

Конец — скорее метафорический, достойно венчающий образную попытку исчерпать хамство всеобщего потребительства доведением его до выворота наизнанку.

Естественный конец этой истории предполагает точку зрения реальности: а что, если чужак человек не иссечёт себя символической электропиллой, а попробует всё-таки прожить в родном мегаполисе?

Ох, не дадут ему прожить. Дело ведь не ограничится словесными надругательствами и ласкающими душу затрепинами, а забьют до крови в виповском вагоне (чтобы не лез в калашный ряд) и выкинут из поезда на полном ходу. Побредёт бедняга до ближайшей станции, наслаждаясь своим унижением.

Ну, ладно, как близнец олигарха (живущий на тайные подачки олигарха) этот герой достойно продолжает свой символический маршрут. Но как жить такому представителю «низших тварей» в реальности современного мегаполиса... в сутолоке амбиций и страстей?

Есть и на этот вопрос ответ, а если не ответ, то намёк на ответ. Не хочешь, чтоб тебя изловили, как бабочку, вытравили, как муху, растёрли подошвой, как таракана? Стань чем-то ещё менее заметным, совсем малюсеньким, нематериальным, почти бесплотным. Будь если не как червячок или букашка, то как... клеточка мочевого пузыря...

Что и продекларировано в первой же строчке романа, которую я взял в эпиграф: «В мегаполисе жизнь насекомых и прочих низших тварей...»

Reacularis — с латыни «искупительный, очистительный, умилоствительный»...

Из этого букета значений Потёмкин выбирает самое жёсткое — «неудачная личность».

Это про нас.

Трепыхаемся дальше, соотечественники! Диагноз есть. Лекарство — мы сами. Конца страданиям не будет, а значит, не будет и конца жизни.

РУССКИЙ ПАЦИЕНТ

роман

Чем сильнее мы развиваем в себе
стремление к идеалу, тем
привлекательнее становится
бросок в его противоположность.

Фридрих Ницше

В мегаполисе жизнь насекомых и прочих низших тварей ничтожна и незаметна. В городской сутолоке, в мире политических амбиций и карьерных страстей, транспортных коллапсов и ироничном движении денежных потоков она почти никого не интересует. Даже на более существенные вещи у столичных жителей никогда не хватает времени. Всех поглощает забота о зарботке. Одни, кроме того, носятся за толикой секса, другие спешат на тусовки, третьи торопятся в бутки, четвёртые рукоплещут кому-то в концертных залах, пятые томятся в печали на одиноких парковых скамейках. Впрочем, чрезвычайно редко, но встречается нечто совсем нетипичное для городской суеты.

Так, в один из ранних весенних дней 2012 года москвич Антон Антонович Пузырьков, тридцати лет от роду, вдруг проснулся с настойчивой мыслью: ему ещё ни разу не удалось встретиться с муравьями. Или хотя бы с одним из них! Это неожиданное обстоятельство потрясло молодого человека. Он фыркнул, пожал плечами, огорчился своему невезению и решил выйти на поиски скромного существа. Антон Антонович медленно побрёл по улицам в надежде увидеть невыразительное создание и присмотреться к нему. Но ни на асфальте, ни на стволах деревьев, ни на жидких растительности газонах муравьёв не было. Пузырьков даже засомневался: а знает ли он, как выглядит разыскиваемое насекомое? Едва он поднял голову, вспоминая изображение данной мелкой твари, как взгляд его упёрся в вывеску: «Психоневрологический диспансер». Сознание нашего героя озарила новая мысль, которая полностью вытеснила предыдущие намерения. Усмехнувшись, молодой человек радостно воскликнул:

— Муравей привёл меня к психиатру! Ай да молодец! Я давно хотел пообщаться с врачом. Вот и выдался случай...

На втором этаже столичной частной клиники «Гармония» расположился кабинет психиатра Наума Львовича Райского. Этот пятидесятилетний тучный, рыжеволосый доктор с вечно усталым, в морщинах, лицом и пронизательным взглядом был довольно известен в столице. На приём к нему старались попасть многие наши граждане.

Двадцать первого мая двенадцатого года, впрочем, как обычно, по заведённому правилу перед кабинетом собралось около двадцати человек. Больше Наум Львович в один день не принимал, чтобы иметь время на изучение историй болезней пациентов и выписывание рецептов. Исключение составляли лишь экстренные случаи. А они встречались довольно часто.

Трудно сказать, получал ли доктор Райский некое тайное удовольствие от общения со своими больными или искренне переживал по поводу ухудшения у них нарушений психики. Кстати, насчёт помешательства: у нас многие граждане ревностно стараются записать себя в сумасшедшие. Поэтому и в долгие очереди к психиатрам выстраиваются. Немудрено, что Наум Львович, при всем своём богатом врачебном опыте, частенько без какой-либо злонамеренности не желал отличать настоящего дурака от шизика, понимая, что оба в этой парочке остро нуждаются друг в друге.

Доктор Райский никогда не пытался занять одну из сторон, а в общении с больными руководствовался лишь стремлением оказывать им посильную медицинскую помощь. Впрочем, как искуситель никогда не открывает жертве всей тайны предстоящего спектакля, так и Наум Львович упорно скрывал от больных ясный ему диагноз. Более того, пресловутая «докторская пауза», когда перед объявлением окончательного вердикта врач артистично задумывается над результатами обследования, доставляла нашему психиатру истинное наслаждение. Поэтому он искал любую возможность затягивать аудиенцию, а порой даже с некоторым любопытством наблюдал за развитием маниакального состояния своих больных. Но вот что странно, неожиданно и мало чем объяснимо: доктор принимал не только симулянтов, душевнобольных с бредовыми расстройствами и безучастных аутистов, а ещё вёл по средам в своём кабинете, что было совершенно не к месту, приём исключительно мёртвых. И не только недавно переселившихся в мир иной, от которых уже смердело на весь второй этаж, но и давно ушедших, громыхающих своими костяшками. Поразительные пациенты являлись в этот день к доктору Райскому. Впрочем, как и в другие приёмные часы недели. Известно, что нынешний российский люд в любом состоянии, даже испустив дух, тянется к знаменитостям. Довольно часто, едва отправившись в мир иной, наши люди чуть ли не каждую ночь навязчиво являются не только к своим родственникам, но и к важным персонам высшей власти — с мольбой составить протекцию для постоянной прописки в Новодевичьей усыпальнице. Ведь каждый человек у нас считает, что заслуживает высшей почести, что он знаменит своими талантами, но оттеснён ревностными соперниками, воинственными конкурентами

и совершенно бездушными бюрократами. Сопричастность, общение, пусть даже виртуальное, с богатейшими и известнейшими персонами мира сего дарят согражданам миг душевного подъёма, иллюзию некой вселенской защищённости. Этот феномен прекрасно знал московский психиатр.

Всех пациентов доктора Райского объединяла озлобленность на окружающий мир, ненависть ко всем, включая самих себя, и отчаяние, оказывающее давление на психику. «С такими больными, чьё сознание постоянно обжигает протестный огонь, — частенько повторял про себя психиатр Наум Львович, — легко работать. В качестве плацебо, смягчающего агрессивность пациентов и ослабляющего их чувство роковой подавленности, я запатентовал способ лечения, защищающий моих больных. Уже после первой, в крайнем случае второй встречи со мной они, восхищённые моим ноу-хау, начинают исцеляться от ощущения социальной несправедливости и впадают в безмятежность. Гнев сменяется азартом и даже страстью пожить в роскоши. Им видятся красивая, в согласии с законом, жизнь, соблазны обширного рынка потребления, высокие доходы и гламурное времяпрепровождение. Bravo, Наум!»

Тут необходимо заметить, что для упорядочения очереди в его врачебный кабинет доктор Райский выписал из Европы специальную установку, выдающую пациентам талон с номером. Таким образом, на привычный вопрос вновь прибывшего больного «Кто последний?» очередь ухмылялась и указывала на западную новинку.

Антон Антонович вошёл в подъезд «Гармонии» и поднялся на второй этаж. «Д. м. н. Наум Львович Райский», — прочёл он на внушительной двери кабинета. Пузырьков взял талон и стал ждать. Он перебирал мысли, всколыхнувшие сознание. Постепенно их рой заполнил всю его воспалённую голову, так что он почти забылся.

«Прошу следующего!» — раздался голос в динамике.

— Вам идти, — услышал молодой человек со всех сторон. Он очнулся, торопливо встал и вошёл в приоткрытую дверь.

После нескольких формальных вопросов доктор Райский спросил:

— На что жалуетесь, господин... Пузырьков?

— Люди вокруг меня повсеместно находятся в поиске собственного блага, — неуверенно начал молодой человек. — Оно влечёт к себе с неимоверной силой. На достижение блага затрачивается колоссальная энергия. Мир охвачен этим стремлением. У меня же, уважаемый доктор, все наоборот. Я ежесекундно стремлюсь к чувствам, которые враждебны человеческой природе. Я всей душой стараюсь вызвать в себе радость жизни из ощущений, противоположных тем, что оболь-

щают весь род человеческий. Разве возможно такое? Чтобы из признанного всеми рождались чувства, враждебные общим канонам? Если человечество во все времена стремится к абсолютному благу, то почему я, микроскопическая частица этого человечества, страдаю получить *не-благо*, или благо со знаком минус? Может, я некое существо с антисознанием? И если это именно так, напрашивается потрясающий вывод: отдельное сущее никак не связано с общим, массовым сущим. Но тогда почему столь ничтожно мало людей (хочу верить, что я не совсем одинок в среде человеческой) с похожим на моё сознанием, мечтающих получить *другое* благо? Ведь благо состоит из частей, обеспечивающих в совокупности целостное ощущение комфорта. Коли в цепи сущего не хватает лишь одного звена, то счастья не испытать! Например, если у тебя есть гараж, исправный автомобиль, водительские права, но нет денег на бензин, ты ощущаешь себя несчастным человеком. Или у тебя есть дом, жена, дети, продукты, но нет огня — и ты обливаешься горькими слезами. У меня всё иначе. Я категорически не хочу ни автомобиля, ни денег на его заправку, ни гаража, ни дома, ни света. Люди стремятся создавать вокруг себя исключительно сущее, чтобы жить в мире материальных вещей. А моя повседневная забота — жить среди *не-сущего*, в атмосфере жестокости по отношению к самому себе. В этом смысле я всё больше убеждаюсь, что единство homo sapiens — весьма сомнительная гипотеза. Впрочем, тут следует добавить: если нет единого, а есть исключение, значит, существует множественное. Другого и быть не может. Потому что любая субстанция делима. Человек является субстанцией, но и всё человечество — тоже субстанция. Как первое, так и второе дробится на множество частей и в своём делении бесконечно образует новые формы и образы нового содержания. Так что я как часть делимого не могу быть одиноким в этом мире. Это обстоятельство меня успокаивает, но оно и привело меня к вам. А нашёл я вас совершенно неожиданно. Муравей помог мне...

Пока молодой человек долго говорил, доктор Райский отметил болезненную утомлённость в его взгляде, свойственную пациентам, обречённым на душевное страдание. «Жаль парня», — подумал психиатр и мягко произнёс:

— Пожалуйста, продолжайте.

— Я не вижу причин, из которых вытекает, что я должен существовать или что моё присутствие на Земле служит какой-то конкретной цели. Что оно вообще необходимо. А если таких причин и оснований нет, то почему я не могу себе позволить обитать в пространстве собственных иллюзий, а в моменты сомнений утешать себя оригинальной, выношенной идеей? Ведь что такое жизнь, в которой нет необходимости? Думаю, это, прежде всего, удовольствие сознания. Сама

природа дала сознанию способности, качественно отличающие одного человека от другого. Мой верный или неверный скачок от желания к действию, влекущий за собой познание радости от полученного удовольствия, является лишь отличительной функцией моего рассудка. Готов согласиться, что качество моего сознания слабое, если оно удовлетворяется категорическим постулатом: желаемое благо — это грубейшее надругательство над собственной личностью. И в этом смысле нет никакого резона пересматривать собственное миропонимание. Мне достаточно выкрикнуть: «Ах, мир, не чую я своего Творца!» Ведь я абсолютно не понимаю телесного восторга и не стремлюсь к нему, а реальность у меня искривлённая. Пузырькова успокаивает мысль, что массы непознаваемы в своих желаниях, им подавай всё и самое разное — от гнусного до великого. Так что я окончательно определился. Мной полностью руководит потребность получать все блага лишь, так сказать, шиворот-навыворот, то есть в самых унижительных формах. И если миропонимание есть некое законченное непротиворечивое представление, то какой смысл ставить под сомнение мой выбор? Мир, в котором я существую, зависит, прежде всего, от моего представления о нём. Этой логикой можно оправдать все свои поступки. Тем более желания плоти — этой постоянно напоминающей о себе субстанции. А сознание, или душа, не являясь плотью, позиционируется как независимая мистическая материя, предшествующая сущностному. Ведь если два — это один плюс один, то есть три минус один, тогда два никогда не будет равно одному или трём. Доктор Райский, взгляните на меня повнимательнее, погрузитесь в академические размышления: большое я существо или здоровое? Я-то сам преотлично понимаю, что имею несхожую с другими, довольно странную психику, способную вызывать у обычных людей предельный ужас или, наоборот, священный восторг.

— В своих рассуждениях, — осторожно вставил Райский, — вы опираетесь на метафизику и даже на мистику, а я привык работать с реальностью. Хочу заметить, что пока, кроме некоторого психического перевозбуждения, я у вас ничего не нахожу. Впрочем, общение с вами вызывает не только профессиональный интерес... — И Наум Львович придвинул своё кресло поближе к Пузырькову.

Тот с жаром продолжил:

— Я обнаружил у себя странную особенность, но подозреваю, что похожими свойствами может обладать весь род людской. Поэтому пребываю в беспокойстве и скверном настроении. Хочу признаться: мои органы подвластны химерам. Если мне видится во сне, что я бегу за девушкой, это вовсе не означает, что мои конечности находятся в движении. Или грезится, что я мочусь, но утром нижнее бельё и про-

стыни, к моему удивлению, абсолютно сухие. Как такое может быть, доктор? Кто научит меня понимать, в каком пространстве я нахожусь — реальном или вымышленном? Где явь, а где грёзы? Эти размышления усугубляет одно престранное обстоятельство. Ночные часы для моего воображения более реальны, чем дневные. Поэтому я до хрипоты готов спорить, что дневные события мелькают в сознании как некая призрачность, туманный образ в чёрно-белых тонах. А в ночные часы сверкает невероятно богатая палитра чувств и событий, размышлений и переживаний. Однако при этом свербит гадкий вопрос: почему, уважаемый доктор Райский, ночные трусы у меня всегда сухие, а дневные если не мокрые, то сыроватые, да ещё и с лёгким душком? Этот парадокс замучил меня: кто из Пузырькова вылезает ночью, а кто днём? Когда реальность, а когда сновидения? Может быть, я запутался между солнцем и звёздным небом? Для всех ночь, а для меня день?..

— Прошу прощения, а как у вас с половым влечением?

— Я увлечён игрой своего сознания. Эта влюблённость нередко доводит меня до оргазмов разума. Такие необыкновенные минуты дарят мне единственный праздник жизни. От другого влечения я категорически отрекаюсь.

— Уважаемый господин Пузырьков! Сейчас апрель, а весна отличается от других времён года бурной вегетацией. Этот сезон сильно влияет на талантливых людей, увлекает их сверхценными идеями, захватывающими сюжетами и фантазмагорическими представлениями. Прежде всего, надо воспитывать в себе способность сохранять безмятежность. Конечно, это непросто. Я бы рекомендовал вам в течение месяца принимать три раза в день по одной таблетке и...ла. Препарат снизит возбуждение, переселит, фигурально говоря, вас в другие пояса, в которых царит умиротворённость. Всё встанет на свои места. Через неделю-две приходите опять. К этому времени ваша голова будет занята совсем другими мыслями. И вы мне о них подробно расскажете. Прощайте! Касса на первом этаже. А вот вам рецепт. До скорого...

Доктор Райский встал, открыл дверь кабинета и про себя заключил: «Симптомы хронического паранойального синдрома. Если и...ел поможет, на следующей встрече надо прописать ему р...ин. Если нет — остаётся с...ин. Есть опасение развития парафрении».

Неудовлетворённый и даже рассерженный, Антон Антонович Пузырьков молча вышел из кабинета. Какое-то странное выражение исказило его лицо.

«Прошу следующего!» — раздался над его ухом голос Райского из динамика.

2

Антон Антонович Пузырьков, невзрачный, коротко стриженный субъект, поездом прибыл из столицы в захолустный городок Вельск. Одет Антон Антонович был подчёркнуто неряшливо. Впрочем, именно так «прикидывается» нынешняя андеграундная молодёжь. На Пузырькове были порванные в нескольких местах джинсы, стоптанные кроссовки, потерявшая изначальный цвет безрукавка и лёгкая куртка в ярких заплатках. Тощие угловатые плечи, впалые щеки и беспокойный, шарящий по сторонам взгляд больших выразительных глаз выдавали в Антоне Антоновиче болезненную личность. Сам он глубоко презирал себя за безотрадную внешность и постоянно мрачный настрой.

Цель приезда в Вельск была ему ясна. Но почему было выбрано именно это забытое богом местечко на карте отечества, он прочно запамятовал или вообще не знал, поскольку ему было всё равно, в каком пространстве пребывать. Молодого человека, в отличие от его сограждан, увлекали совершенно иные вещи. Его интерес был не совсем обычный, а пожалуй, даже чрезвычайно редкий для европейского обывателя. Имея прямой доступ к неограниченным финансовым ресурсам, Антон Пузырьков не обращал никакого внимания на материальную сторону мира. Этого чудака целиком занимали другие идеи и сокровенные чувства. Погружение в них составляло для него высший смысл существования. Что только не придумает русский человек, утоляя свою необузданную страсть к постижению мира — внутреннего и внешнего!

Итак, едва наш герой сошёл с поезда, как заметил табло со множеством указателей и, сориентировавшись, направился к отделу внутренних дел. Антон Антонович преотлично знал, что всё *его дело* начинается именно с этого ведомства. Переступив порог строения, в котором размещалось ОВД, Пузырьков лоб в лоб столкнулся с майором и оробел. Затем, пугливо оглядываясь, всё же пробормотал:

— Мне бы с начальником... поговорить... Как его застать?..

— Начальник в отпуске. Я за него. Чего надо? — бросил зычно майор. Его рябое толстое лицо скривилось в гримасе недовольства.

Пузырьков, собираясь с духом, продолжил:

— Хочу предложить вам тысячу долларов в месяц за местечко в полтора квадратных метра у самого вокзала, напротив главного входа...

— Любопытно... — протянул недоверчиво майор. Затем решительно скомандовал: — Пойдём погуляем.

Они вышли на вокзальную площадь, и страж порядка стал допытываться:

— Чем хочешь торговать, парень? Пирожки, сигареты, шашлык, бахча? Да откуда будешь, не иностранец ли? Если не россиянин, придётся доплачивать за нелегалку... Рассказывай!

— Я москвич, а по специальности — чистильщик обуви. Хочу раскинуть своё нехитрое хозяйство и обслуживать местных клиентов. Всё...

— В Вельске чистить обувь? Что-то новое... Впрочем, не моё дело, ты же платишь вперёд?

— Конечно!

— Устанавливай свою точку. Никто тебя не тронет. Если вокзальные шавки станут приставать с арендным договором, скажи им: Сан Саныч Шадрыгин в курсе. Дал, мол, разрешение. Да, я вот что подумал: а не легенда ли эта твоя чистка обуви? Может, втихую наркотой начнёшь торговать? А? Смотри мне! Мои агенты круглые сутки по вокзалу шастают, за обман пощады не будет. Все конфискую, а тебя в Архангельское СИЗО этапом направлю. Даже думать не смей дурить Шадрыгина. Говори мне всё как на духу.

— Нет-нет, никаких сюрпризов не будет. Только чистка обуви... — смущённо заметил молодой человек.

— Где деньги?

— Вот, возьмите!.. — Большие глаза Пузырькова вспыхнули, он несколько раз сухо кашлянул, что обычно свидетельствовало о нервном напряжении, и передал майору заготовленный заранее конверт.

— Начинай, я не против, — кивнул Сан Саныч. — Но не шали. У меня руки длинные, а уши чуткие. И платежи не задерживай, я пенью начисляю...

— Прошу прощения, ещё вопрос. Не подскажите, где мне хранить свой небольшой инвентарь?

— Будешь держать его в нашем гараже. Там места достаточно. Дежурный подскажет, как пройти. Сошлись на меня.

— А спать там можно?

— Сколько платишь?

— Сколько скажете...

— Давай ещё сто долларов в месяц и устраивай себе ночлежку в левом углу у батареи. Гараж тёплый, сухой. Кстати, будешь его убирать. Купи себе матрас и постельное бельё. Впрочем, не маленький, сам должен знать, как обустраиваться. Гони ещё столыжник.

Пузырьков торопливо вытащил из кармана купюру. Сан Саныч молча сунул её в карман, постоял, видимо соображая, не запомнил ли чего-то важного, но, ничего не вспомнив, с важностью повернулся и скрылся в здании вокзала.

Антон Антонович улыбнулся. Жизнь, которую он всё больше познавал на практике, доставляла ему огромное удовольствие. Перед ним была площадь совершенно незнакомого городка. Для оборудования рабочего места нужно было приобрести подержанные креслица, одно обычной высоты, другое — для себя, со скошенными ножками, щётки, набор кремов, кусок бархатной ткани, картон, низкую тумбу. И ещё требовались матрас и бельё для ночлега. Пузырьков развезжал по стране без поклажи, всякий раз выдумывая для своего очередного экзотического эксперимента причудливые занятия.

Он двинулся наугад и скоро оказался на улице Воровского. На одном из домиков, крыша которого упрямо сползала к тротуару, высвечивалась вывеска: «Всякая всячина». «О-о-о-о, как раз то, что мне нужно!» — обрадовался Антон Антонович. Лавка походила на блошинный рынок в миниатюре. Медные тазы и алюминиевые кружки соседствовали с портретами пролетарских вождей, часовыми механизмами, изношенной обувью и струнными инструментами.

Не успел наш герой осмотреться, как к нему подошёл продавец — дядька средних лет. Козырёк кепки сидел на кончике его носа, удивительно напоминая сползающую крышу ветхого строения. «О! Вот ещё! Что за чертовское совпадение! Как он ухитряется ещё что-то видеть? — про себя фыркнул Пузырьков. — Но ведь я смог прочесть вывеску под самой крышей».

— Вам помочь? — светски поинтересовался продавец; он говорил с южным акцентом.

— Спасибо. А у вас торговаться можно?

— Конечно, можно. Скажу больше, — продавец усмехнулся, — можно и сыграть...

— Сыграть? О-о-о-о! Это как? — удивился Пузырьков.

— Вы выбираете, допустим, вот эту тарелку, — хозяин лавки взял тарелку с витрины, — и спрашиваете о стоимости. Я называю цифру — допустим, сто рублей. Вы торгуетесь, цена опускается до девятности. Тут я раскладываю карты для покера или тасую, чтобы перекинуться в «очко». Если вы выиграли, то получаете тарелку в счёт

погашения моего проигрыша. Если я — платите девянсто рублей, а тарелочка остаётся на прилавке. Или бросаем монетку на удачу. Впрочем, я готов на любой вариант, который вы предложите. Даже на кулачок — я прячу, а вы отгадываете, в какой руке. Все просто и по-честному! Есть риск, скажете? Но он и у вас, и у меня — ровно по пятьдесят процентов. Поняли?

— Да-да! Только у меня нет никакого опыта азартных игр, — смущённо признался господин Пузырьков. — А вступать в игру без сноровки, видимо, небезопасно.

— Не хочу вас соблазнять, но напомним старую поговорку: кому в любви не везёт, тот в картах счастливчик. Давайте на пробу, как будто мы решили потренироваться, без обязательств. Я брошу монету, а вы угадывайте... Начнём? Ведь это лишь разминка. Не понравится — займёмся торговлей, понравится — испытаем удачу. Так я бросаю... Что скажете?

— Ладно, давайте решку!

Монета с руки торговца подскочила вверх и упала на подгнивший пол.

— Ты смотри, точно решка! — громко удивился продавец, причём кепка его сдвинулась ещё ниже. — Давайте ещё разок... Что?

— Теперь орёл, — неуверенно произнёс Антон Антонович.

Монета опять взлетела, упала и покатила по полу.

— Орёл! Опять ваша взяла. Не скрываете ли вы свои способности? С таким счастливчиком можно и без портков остаться. Я уже побаиваюсь. Пора перейти к торговле. Мне, скромному работяге, будет спокойнее. Так что бы вы хотели приобрести?

Молодой человек стал перечислять нужный ему инвентарь.

— Чудесно, три пары ещё свежих щёток — это со скидкой четырёста рублей. Приличное высокое кресло и это, с короткими ножками, — тысяча рублей. Два, правда потёртых, небольших шкафчика, я оцениваю их по триста рублей каждый. Итого две тысячи рублей. Платите и забирайте. Впрочем, минутку... Может, всё же рискнуть? Сыграем? Бог с ним, давайте сыграем. Если проиграю, забуду это дело до конца жизни. Вы только меня, молодой человек, не жалейте, не останавливайте. Забирайте всё! Даже негодную мелочь. Проучите дурака-старьевщика! Мне уж за пятьдесят, а всё стараюсь ухватиться за удачу и хоть что-то, но выиграть. Местная публика со мной не играет: что с меня взять? Лишь старые вещи. Так брошу-ка, попытаю счастья... Что вы загадываете?

— Решку! — в лёгком волнении сказал господин Пузырьков.

— Решка... Значит, орёл мой? Дай орла, Господи! — крикнул торговец и запустил вверх монету. — Вот, так! Пришёл всё же орёл.

Пришёл наконец! Пришёл... Взгляни, молодой человек, на монетку, на гордую, насмешливую птицу! Она как будто смотрит на меня и смеётся. Дескать, я пришла в надежде страсть твою взбудоражить, с желанием стать свидетельницей твоего краха, полного разорения. Ты, дружок, — давай уж переходить на «ты» — веришь ей? Поддерживаешь ли её чертовский план? А? Молчишь? Ладно, продолжим, посмотрим, чья возьмёт, кому улыбнётся монетка, но пока с тебя две тысячи рублей. Расплачивайся. Таков закон игры! — Не давая Антону Антоновичу одуматься, торговец энергично продолжал: — Когда я был в твоём возрасте, молодой, красивый, полный идей, мечтал стать очень богатым и всё грезил о двенадцатибалльном торнадо. Представлялось мне, как Бог поднимает все ассигнации главного хранилища Центрального банка в Москве и переносит их в родной посёлок Дидорколь под Сочи, прямо в отцовский сад. Купюры осыпают меня, вначале я не вижу своей обуви, аромат денег дурманит разум, потом уже ноги утопают в банковских билетах, я перестаю видеть свой ремень на поясе, грудь, разноцветные бумажки заполняют весь участок, один нос торчит, томящийся от запахов рублей, долларов, евро... А сердце распирает от восторга... Я, Димос Адамидис, становлюсь богачейшим в мире человеком... Правда же, прекрасная идея — враз овладеть всем земным богатством? Платон, мой давний этнический предок, говорил: высшее наслаждение достигается лишь управлением чужой собственностью. Бог создал мир, а Димос им управляет... Bravo! Bravo! Я не потерял ещё убеждения, что грек должен быть властителем мира! А ты, паренёк, слушай-слушай, но рассчитывать начинать. Помнишь... как тебя?

— Антон, — глухо ответил Пузырьков.

— Итак, Антон, с тебя две тысячи рублей. Выложи, милоч! Давай ещё разок, говори быстрее, монетка жжёт руки, не терпится ей одному из нас улыбнуться. Но кому? Да-да! Кому из нас? Может, тому, кто не дождался торнадо? Послать ему скромное утешение? Или моему первому нынешнему покупателю Антону? Чтобы он сэкономил небольшой капитал, покупая всякую всячину? Ну-ну, испытай свой дар предвидения, способность угадывать удачу. Бросаю, бросаю... Ну? Ну? — требовательно наступал грек.

— Орёл! Пусть будет орёл! — Неуверенная улыбка промелькнула на лице господина Пузырькова, и его вдруг осенило: «О-о-о-о! Да этот тип намерен дурить меня! Но как?»

Мысленно Антон Антонович аплодировал шулеру. В молодом человеке начал активизироваться особый компонент сознания, определяющий его мировоззренческую систему. Незаметно, чтобы проверить своё предположение, он стал приглядываться к рукам торговца.

Грек подбросил монету. Решка! «Вроде всё чисто! — мелькнуло в голове Пузырькова. — Но какой-то трюк всё же есть. Тайна должна быть».

— Давай ещё!

— Орёл! — твёрдо заявил Антон Антонович.

— Вначале рассчитайся.

— Пожалуйста, — Пузырьков протянул две тысячи рублей.

— Орла заказал? Так? — с прищуром взглянул Адамидис. Потом сказал: — Ты, может, голову ломаешь, почему господин Адамидис так низко кепку носит? Да? Да? Ведь ломаешь?

— Нет, не ломаю, впрочем, хотел бы знать!

— Вот так! Знаю-знаю, это всем интересно. Уверен, с такой манерой носить головной убор ты впервые встретился. Ведь так? А объяснение тут простое: великую память собственного обоняния стерегу. Козырьком её защищаю. Боюсь, что тот самый запах, тот самый несравненный аромат, исходящий от отцовского участка, усыпанного купюрами хранилища Центрального банка, тридцать лет будоражащий сознание, вдруг исчезнет. Улетучится! Я уверен, тогда и жизнь Димоса Адамидиса закончится. Этот запах, эта оригинальная мечта только и удерживает стержень моей жизни. Без мечты нет никакого смысла просыпаться, открывать лавку «Всякая всячина», играть с тобой, рисковать медной посудой или выигрывать пару тысяч рублей. Неужели для этого жив такой человек, как я? Или ты? Ведь деньги, большие деньги, — это прежде всего фантазии больших дел, реализация неуёмных амбиций... Эх! Хочется страстью жить, а не иллюзиями! Значит, ждёшь орла? — почему-то открыто хихикнул торговец. Он подбросил монету, и в этот самый момент Пузырьков заметил, что в кулаке Адамидиса блеснул второй медяк. — Ну, милоч, мне пока везёт. Решка! Моя взяла! Первый раз в жизни счастье улыбается! С тебя ещё две штуки! — Грек залился довольным смехом.

«О! Зачем ему две монеты? — размышлял Антон Антонович. — Понятно — чтобы обморочить меня. Но как? Способ-то какой? Думать, думать надо!»

— Теперь пусть будет решка! — решительно заявил он.

Грек ловко подкинул пятирублёвую монету, закрутив её. Молодой человек опять заметил, что в кулаке партнёра пряталась другая монета.

— К сожалению, милоч, орёл! Везёт мне сегодня! Такого везучего дня не припомню! — улыбался ему в лицо торговец.

Антон Антонович протянул ещё две тысячи рублей. «Видимо, — догадался он, — одна монета всегда показывает орла, а другая — решку. Как это сделать? Мозгуй, мозгуй... Взять две монеты, обточить их

на орле, снимая вес и толщину, потом припать друг к другу. Тогда всегда будет решка. То же самое проделать с другими двумя монетами, обтачивая решку. Кроме орла, никогда ничего не выпадет. Вот и вся хитрость. Мужик смотрит мне в глаза, общается, рассказывает разные байки. Интересно, как долго продлится этот спектакль? Пока у меня деньги не закончатся? Или пока в нём не проснётся совесть? Если на десятом выигрыше не остановится, значит, будет играть до конца. В этом случае надо самому прервать игру. А пока продолжу прикидываться, что ничего не понимаю. На десятом раунде встаю, оплачиваю свои покупки и прощаюсь».

— Орёл! — бросил Пузырьков.

— Нет, решка! — возразил Адамидис.

— Решка! — заявил молодой человек.

— Нет, орёл! — парировал торговец.

— Ещё раз решка! — с надрывом воскликнул Антон Антонович.

— Опять орёл! — жуликовато хихикнул грек. Забава продолжалась.

На десятый раз молодой человек замолчал. Было ясно, что торговец пойдёт до конца. Ситуация перестала занимать Пузырькова. Чувства его были задеты, но не так глубоко, как он рассчитывал. Ему хотелось пережить настоящее унижение, какой-нибудь дьявольский розыгрыш. Антон Антонович надеялся получить шок, взрыв воспалённых эмоций. Но рана, нанесённая греком, была лёгкой, пожалуй, наилегчайшей, похожей на царапинку, пустячок, из неё даже кровь не успела просочиться. «Пресновато, — сделал вывод Пузырьков. — Скучно. Пора заканчивать. Этот опыт больше двадцати тысяч рублей никак не стоит. А если уж платить, платить по-настоящему, то и ожидать надо чего-то невероятного». Однако благодаря эпизоду в лавке Антон Антонович поверил своему предчувствию: в Вельске он найдёт возможность испытать шик крайнего унижения.

— Послушайте, любезный, — обратился он к кепке. — Вот вам две тысячи рублей. Соберите мои покупки, я подгоню тачку и увезу их. Спасибо за компанию.

— Как, уже уходишь? — огорчился торговец. — Надо продолжить. Удача приходит неожиданно. Ещё пару раз...

— Всё-всё, через пару минут я вернусь. Пожалуйста, соберите всё...

Пузырьков выскочил из лавки и помчался к вокзальной площади за автомобилем.

— Лапуся ты моя, лошок ненаглядный, жаль, что соскочил... — бурчал ему вслед Адамидис. — Надеюсь, не за ментами побежал. На всякий случай бабки и волшебные монетки лучше припрятать. Кто

докажет, ведь нас только и было двое... Что куплено, за то заплачено. Пару баночек из-под конфет я ему дам в подарок. Товар дожидается покупателя. Никаких других событий не происходило...

Несколько минут спустя подъехало такси. Водитель открыл багажник, и Пузырьков стал переносить свои покупки.

— Кто вы? Откуда? — досаждал тем временем грек.

— Приезжий, издалека. Я тороплюсь.

— Как жаль, что такие симпатичные люди редко заезжают в наш уютный городок. Если заглянете ещё разок, не забудьте наведаться к старому приятелю. Милок, я вас всегда жду...

— Так же, как торнадо? — усмехнулся Антон Антонович.

— Нет-нет, как доброго приятеля. А торнадо — это лишь несбыточные мечты.

Адамидис приподнял козырёк кепки, обнажив ожоговый шрам, проходящий ото лба к затылку. «Видно, кто-то наказал шулера». Молодой человек сел в такси и отбыл к вокзалу.

К полудню Пузырьков наконец обустроил своё рабочее место и установил табличку «Чистка обуви: 10 рублей». Затем уселся в пыльное креслице и стал ждать клиентов. Прохожие женщины косились на него с жалостью, мужчины — с усмешкой, дескать, до чего докатился. Антон Антонович выдерживал недоумённые, а порой недовольные и злые взгляды с кротким молчанием. Время от времени он деликатно постукивал щётками, призывая желающих стать клиентами. Пару раз воззвал ломким, писклявым, словно не устоявшимся ещё голосом: «Граждане! Носить чистую обувь — признак хорошего воспитания!» Так просидел он час, другой. Ни один клиент не появился, касса была пуста. Впрочем, уже известно, что деньги молодого человека совершенно не интересовали. Вдруг бугай лет двадцати пяти, с толстой золотой цепью на шее, величественно, как и положено хозяевам жизни, опустился в кресло и наказал:

— Чтобы блестели! Понял? Спрашиваю, понял?

— Понял. Будут блестеть... — не дрогнув, ответил Пузырьков.

— Чем гарантируешь?

— Профессиональным опытом и набором первосортных чистящих средств... Других гарантий нет!

— Как нет? — вскинулся бугай. — Если не понравится, будешь языком мою подошву очищать. Не щёткой, а языком! Уразумел? Я тут в дерьмо давеча наступил, но не помню, какой ногой. На, принюхайся, левая это или правая? — Он задрал ноги и упёрся ими прямо в лицо Пузырькова. — Что молчишь, определяйся, какая нога больше воняет? Может, тебе нос вымазать, чтобы быстрее принюхался? Здесь все мои приказы выполняют!

«О-о-о-о! Вот тот, кого я ждал! — пронеслось в голове у Антона Антоновича. — Этот точно раскалит моё сознание, унижением доставит мне превеликое удовольствие. Надо провоцировать его, раздражать, вызвать его сумасшедшую жестокость... Пусть раскроется как суший изверг».

— Ваши подошвы пахнут ароматами парфюмерных брендов, а не дерьмом, — улыбнулся чистильщик. Впрочем, его улыбку можно было заметить лишь в уголках глаз: лицо было закрыто грязными башмаками. — В праздничные дни, — продолжал Пузырьков, — я нередко попиваю одеколоны. Так что с чувством искренней благодарности вылижу языком вашу обувь. Эта услуга не указана в прейскуранте, но стоит она не много. Всего-то ещё одну десятку. Сказать вам откровенно, из каких частей вашего тела исходит запах, мешающий вам с удовольствием дышать? — Не дожидаясь ответа изумлённого клиента, молодой человек закончил: — Это руки. Ваши руки действительно, простите, воняют. И не дерьмом, как вам кажется. Они расстачают смрад трупного распада. Едкий запах. Ф-ф-фу-у-у-у! Так вам вылизать подошвы, руки или что ещё? Я ведь чистильщик не только обуви, а всего дерьма человеческого, что снаружи, и чужого, липнущего к вам. Чем больше ярости ко мне ощутите, тем уважительнее я буду относиться к вам. Не упрекайте себя за крайнюю жестокость, отпустите тормоза приличия, воспримите застенчивость и уважение к ближнему как самые отвратительные грехи. Смелее! Отвращение к себе я приму как должное. И можно ли относиться ко мне иначе чем с презрением? Я ведь такой жалкий и ничтожный... Сознательно принося себя в жертву насилию, все глубже убеждаюсь: потребность в страдании связана с моей страстью к познанию мира. Размеренная, спокойная жизнь мне противна. Она до безумия приторна, она порочно сентиментальна, она оскорбляет мои инстинкты своей безнадёжной предсказуемостью... — В больших глазах Пузырькова вспыхнули искры.

— Ах ты мразь поганая! — взревел наконец атлет, и его ноги слетели с плеч Антона Антоновича. — Я тебя в порошок сотру, отделаю, как кусок отбивной перед прожаркой! Ты будешь харкать кровью, рыдать мочой, станешь зайкой, забудешь, как родная мать выглядит. Нет, взгляни, этот сучонок надо мной посмеяться захотел!..

Пузырьков с восторгом вслушивался в эти поэтичные угрозы, втайне предвкушая восхитительные сцены. Что-то в душе его начало точно приплясывать от приближения заветных удовольствий. Но тут произошёл некий конфуз. Ситуация приняла неожиданный оборот. То ли бугай слишком торопился и не хотел тратить время на чистильщика, то ли посчитал, что уже выиграл поединок, но внезапно

он примолк. А затем и вовсе ретировался, бурча что-то невнятное. Это обстоятельство вызвало лёгкий смешок у чистильщика.

«Начал прекрасно, как гений унижения, а закончил бездарно, словно испуганный безбилетный пассажир после появления ведомственного контроля, — усмехнулся про себя Пузырьков. — Крикуны почти все такие. Пользы от них никакой. Не помню, чтобы они понастоящему занимали моё сознание. Чтобы в ответ на их агрессивность моему «я» захотелось совершить что-то необыкновенное. Чтобы в полную меру заиграли фантазии моего сумасбродного ума. Увы! Это стиль гибели разума, свинства увядшего бытового комфорта. Почти все сцены с ними, как правило, напоминают безвкусные короткометражные ленты для узколобых с копеечным бюджетом. А я продолжаю ждать встречу с истинным негодяем зла, извращенцем со вкусом, способным унижить даже самое жалкое, ничтожное, копеечное человеческое достоинство, каким обладает Антон Антонович Пузырьков».

В этот момент к чистильщику подошла молодая женщина. Она была среднего роста, статная, с влажными, словно заплаканными, глазами.

— Я могу вам дать два рубля, не больше, — сказала она. — Мне нужна лишь мокрая тряпка. Хочу сама протереть туфли. Без крема...

— Садитесь в кресло. Вы моя первая клиентка. За два рубля я сам вымою ваши туфельки руками. Тряпки у меня нет, а вода, желание вам помочь и заработать есть.

— Как же это руками? — удивилась она.

— Искусно и опрятно, — заверил Пузырьков.

— Только вы их сильно не смачивайте, а то швы разъедутся. Все же единственная пара, — попросила женщина со смущённой улыбкой.

— Не волнуйтесь. Где вы так вымазались? Вроде грязи вокруг не так много...

— Я аккуратная, обхожу лужи и помойки. Но люди! Люди! С каким-то азартом наступают друг другу на ноги. И не только не извиняются, а даже гордятся своим хамством. Да-да, именно с удовольствием наступают на ноги и пачкают, пачкают чужую обувь. А наступать на ноги — это ведь так же оскорбительно, как плюнуть в лицо, унижить бранью, лезть в душу с непристойностями. Но наш вельский народ привык к грубостям, не видит в этом ничего дурного. Вы сами не заметили эту странную человеческую особенность?

— О-о-о-о! Я со многими человеческими странностями знаком. Более того, сам представляю собой большую странность. Она выра-

жена во мне предельно ярко. — Глаза Антона Антоновича Пузырькова вновь вспыхнули каким-то болезненным восторгом.

— Что это за странность? — заинтересованно спросила молодая женщина, усаживаясь напротив.

— Где обещанные два рубля? — ушёл от ответа Пузырьков. — Хочу приступить к работе, но, когда касса пуста, энтузиазм гаснет.

Женщина протянула монетку, которую он бросил в металлическую банку от леденцов, полученную во «Всякой всячине». После этого смочил ладони и стал старательно смывать грязь с туфель.

— Вы не похожи на профессионального чистильщика обуви, — пристально всматриваясь в него, заметила молодая женщина. — Скажу честно, я их услугами не пользуюсь, но... чистильщик представляется мне совсем другим человеком.

— О-о-о-о! Но почему? — деланно удивился Антон Антонович.

— За два рубля, то есть за восемь центов, никто обувь руками мыть не станет. Ваши глаза, разговор, манера общаться подсказывают: вы не тот, за кого себя выдаёте. У вас на уме что-то другое. Не хотели бы поделиться? Меня зовут Евгения Головина. А вас как величать?

— Антон Антонович Пузырьков. Можно просто Антон.

— Так что, Антон, признайтесь? Что занесло вас в Вельск? Ремесло чистильщика обуви, видимо, востребовано в столице, в Питере, где у людей есть деньги на такой цивилизный сервис. Но в нашем городе, где население буквально копейки считает, выложить вам десять рублей... Простите, не верю, что такое возможно. Нищие не чистят свою обувь, она у них в таком разваленном состоянии, что чистить придётся не обувь, а остатки сапог или туфель. Заштопанные, а то и в дырках носки, ноги, покрытые грибок или буграми подагры... Жизнь в нашем городке мрачна, в ней стоны и слёзы. Так почему, дружок-чистильщик, ты прибыл к нам? Не ошибся ли? Не сузятся ли у тебя зрачки, когда откроются картины быта грязного и пошлого? И вообще, можно ли мне называть вас господин Ч.?

— Я не против. Даже любопытно: господин Ч. Но взгляните на ваши туфельки, они заблестели. Можно узнать, чем вы занимаетесь? Какому поприщу отдали свой талант? — вновь уклонился от расспросов господин Пузырьков.

В ответ Головина разразилась целой речью:

— Я человек без комплексов, давно уже ничего не стесняюсь, поэтому говорю правду. Ведь люди лгут из желания представить себя вписанными в социальный стереотип успешности. Мне это чуждо. Какая тут, в провинции, может быть карьера? Вокруг повальная

нищета, рабочих мест нет. Хозяева небольших фирмочек трахают своих работниц, когда захотят, и не за отдельную плату. Секс-услуги входят в производственную нагрузку. Вот я и подумала: зачем мне горбатиться на фирмача и держать себя в постоянной готовности поднять подол, когда ему вздумается? Уж лучше стать проституткой. Заниматься этим древним ремеслом честно и открыто. И главное, не стесняться, не прятаться за профессией учительницы, почтальона, вокзального кассира или помощницы местного депутата. Цена моего сервиса скромная, но других денег у клиентов нет: один доллар плюс пять рублей за презерватив. Эта защита обязательна. Без неё не соглашаюсь! Даже за миллион! Меня пугает не только то, что отец может быть неизвестным, но и качество самого будущего плода. Каким он окажется? Ведь я принимаю заказы от любого, национальность, цвет кожи и внешний вид не имеют значения. Плати вперёд, всегда вперёд, — и получай минутку плотской радости. У меня самой *в этой деле* никаких чувств нет. Когда меня имеют, я думаю о самых разных вещах, например, о том, что солнце поднимает воду в состоянии пара из рек и океанов, что ветры гонят облака в разные точки мира. Если бы я продолжала заниматься наукой — а я выпускница физико-энергетического факультета Северного университета, — то посвятила бы себя проблеме управления потоками воздушных масс и извлечению максимальной пользы из солнечной энергии. Представьте, Головина создаёт механизмы, способные направлять облака в засушливые места, орошать бесплодные пустыни. Африканский континент так нуждается в этом. И человечество снизило бы цены на продукты питания. Или другая мысль преследует меня (почему-то как раз *в это самое* время): развитие интеллекта всегда сопровождается соперничеством слабого и сильного. Это закон мироздания. Я понимаю, что нахожусь вне этого процесса. Там, где я оказалась, действуют лишь законы физиологии. От этого обстоятельства мне всегда скверно, духота никчемного общения угнетает меня, интеллект тускнеет, а постепенно, видимо, вообще сотрётся. И ещё мысль, приходящая на ум почему-то в *это самое* время: Герберт Спенсер пришёл к заключению, что во всём, что нас окружает, — в движениях планет, реверберации воздуха, развитии и усыхании, сердцебиении, во всех явлениях органической жизни, рождении, возмужании, старости и смерти, — присутствует ритмика. Ритм — это и есть пульс жизни. Без него нет энергии, а значит, нет и существования. Так вот, сексуальные ритмы клиентов я воспринимаю отвлечённо от чувств. Для меня это ещё одно подтверждение, что я жива, пусть и страдаю, но жива, и есть надежда осуществить мечту, жив мой этнос, хоть и убывающий, жива

моя страна, больная, но дрейфующая к выздоровлению. Однако что меня гложет? То, что мой собственный интеллект не увеличивается. Согласно законам физики, это означает, что скорость моего осмысления мира не растёт, а снижается.

Она говорила уверенно и спокойно, явно желая воздействовать на молодого человека своей научной эрудицией. Пузырьков легко распознал её наигранный пафос и искусственность иронично-поучительного тона. С некоторым недоумением он слушал провинциальную жрицу любви, отважно отрешившуюся от убогого быта. Пузырьков восхищался сочетанием в ней самых разных смыслов и мировоззрений.

— Ох, как я была бы счастлива, если бы смогла заняться тем делом, которое ведёт к увеличению массы знаний, — увлечённо продолжала Головина. — Но пока у моей жизни отвратительный вкус! Меня буквально преследует ощущение непреходящей тошноты. Это гадкое чувство особенно усиливается в одиночестве, по утрам, в моей коммунальной комнатёнке. Жизнь постоянно делит мою сущность на две-три составляющие... Ладно, хватит! А теперь расскажи о себе. Ведь можно на «ты», правда? Как ты здесь оказался, почему решил заняться чисткой обуви в нашей дыре? Наводить блеск на нищих! Ха-ха! И ты хочешь меня убедить, что не прячешься от мира и от самого себя за этой сумасбродной прихотью? Я-то тебе открыто сказала, что проституция заслонила меня от безысходности. Маска не совсем удачная, но практичная при нищенском существовании. Три-четыре клиента дают мне возможность оплачивать коммуналку, а иногда и съесть горячее. А в твоём решении я чувствую признаки намеренного отшельничества. Ухода от реальности. Поэтому можно только посмеяться над твоей попыткой выдать себя за чистильщика обуви. Не обязательно иметь богатое воображение, чтобы усомниться в такой примитивной легенде. Но тут передо мной встаёт вопрос: зачем? Для чего тебе это? Пора рассказать о себе, господин Пузырьков, удовлетворить моё любопытство. У нас общее место работы — вокзал. Мои клиенты — командировочные, военные под хмельком или местные. Твои будут из тех же групп. Наше знакомство, а то и дружба, может привести к обоюдной выгоде. Начнём обмениваться клиентурой, рекомендовать друг друга нужным людям. Я похвалю твои умелые руки и мази, ты — мою молодость и опрятность. В наши дни прожить без связей тяжело и найти себя без влиятельного лица в русском мире невозможно. Итак, выкладывай свою историю...

— Мне не в чем признаваться, — сухо кашлянул Антон Антонович. — Я неудачник. Такому жалкому существу, как я, невзрачному

на вид, низкорослому и никчёмному, намного легче прожить в глухомани, чем в столице или крупном городе. Ты-то везде пристроишься. А что я? Обиженный Богом человек! Ни одна красивая женщина... или даже не так, ни одна женщина, способная мне понравиться, никогда не отзовется всем сердцем на моё предложение, не вступит в близкие отношения со мной, не решится и на замужество. Она будет встречаться со мной в лучшем случае в потёмках, в закоулках, на тайных квартирах, при условии приличного материального вознаграждения, за покровительство в карьере, учёбе, быту. То есть будет встречаться не со мной, а с моими возможностями, с моей щедростью! И так же, как и ты, во время *этого самого* станет мечтать об одном: как быстрее улизнуть от меня с оговорённым гонораром. Она будет приходиться ко мне на интимные встречи, прячась под париком, захватив с собой песочные часы, точнейший секундомер, громогласный колокольчик и будильник с пронзительным воем... И с беспрекословным желанием ни при каких там форс-мажорных обстоятельствах не задержится со мной даже на лишнюю долю секунды. Она беспощадно прервёт мой оргазм, отстранит губы в момент жаркого поцелуя, грубо сбросит мою руку со своего плеча. Наше соитие будет для неё не торжеством жизни, не знамение приливов и отливов любовных страстей, а прелюдией смертной тоски и напоминанием о мучительных обязательствах. Когда я представляю, как после интимной встречи со мной она жёсткой колхидской мочалкой оттирает со своего лица, груди, всего тела следы моих поцелуев, свирепо смывает волосы, чтобы в них не въелся запах моих рук, выкорчёвывает из памяти мою уродскую физиономию, мне хочется посвятить себя именно чистке обуви — и обуви не элиты, не толстосумов, а бедняков провинциалов. Каждому созданию, исходя из его внешних данных и психологических особенностей, положено своё место обитания. Кажется, я его нашёл. Чистильщик сапог, ботинок и туфель — вполне удачный выбор. О-о-о-о! Почему, собственно, это занятие, профессия не может способствовать торжеству моего разума? И главное, милейшая госпожа Головина, меня это несколько не коробит, никак не смущает. Не мучают меня угрызения совести, не бунтуют во мне амбиции, не страдает самолюбие. Мне необходимы лишь новые дороги — чтобы найти то, что меня по-настоящему волнует, приводит в экстаз. Ведь я проецирую будущее, опираясь на фундамент собственного миропонимания, а оно предполагает максимум: если уж я прибыл в Вельск, то, конечно, мечтаю раскрыть горизонты своей страсти в крайних формах. Так что я совершенно спокоен. Более того, мне кажется, я смогу быть вполне счастливым: *a* — без женщины; *b* — со скромным

содержанием, то есть даже в нищете; *v* — без карьеры; *z* — без мест, к которым я привязан; *d* — без друзей; *e* — без внешних признаков свободы, я должен ощутить ее исключительно в себе самом; *ж* — будучи вполне асоциальным субъектом. Содержание жизни и миропонимание каждый выбирает сам. Тут нет и не может быть никакого шаблона или диктата. Как трансформируются мои представления в дальнейшем, мне пока неясно. Но, уверен, изменения будут, и, вполне возможно, радикальные.

— Всё, что ты сказал, похоже на правду, — задумчиво кивнула Евгения Головина. — Однако чувствую, что в твоей биографии остаётся нечто сокровенное, скрытое за плотной завесой. Не тороплю. Только дружба строится на доверии. Пока не откроешься мне полностью, отношения у нас будут хромыми.

Головина встала, взглянула на свои туфли и усмехнулась:

— Неплохо получилось, господин Ч. Кому ты заплатил за место под сомнительным вельским солнцем? Успокойся, через пару дней этот секрет станет известен всем. Я, например, плачу Сан Санычу натурой. Одно свидание в неделю. И раз-два в месяц — его шефу. Об этом многие знают. Не потому, что он или я рассказываем наши секреты, а потому, что так принято. Проститутки платят натурой. Торговцы в основном деньгами, а бывает, фруктами. Спросом пользуются бананы и гранаты. Твой ответ мне нужен не ради сплетен, а для исследования рынка. Я жду момента, чтобы поднять цену. Один доллар за услугу — слабо, Антоша. С другой стороны, не спешу, потому что побаиваюсь резко увеличить ставку. Так можно куска хлеба лишиться. Кризис. Тут нужен глаз да глаз. Наметился подъёмчик, спрос на услуги пополз вверх — тогда и я свой преёскурант изменю. Ведь цена моего сервиса выглядит оскорбительно. Один доллар! По законам рынка надо жить, Пузырьков. А взятка у нас — вполне рыночная категория. Если взятки не растут, значит, и мне рано поднимать цену. Так сколько ты платишь Шадрыгину?

— Женечка, голубка, — взмолился Антон Антонович, — вопрос очень деликатный. Я не прошу тебя делиться со мной такой информацией. Она мне неинтересна. Без обид, но, сказав тебе правду, я выдам не себя, а незнакомого мне человека, который оказал мне помощь. Предав огласке детали сделки, я косвенно его подставлю. Понятно, тебе известно, что получить рабочее место у главного входа на вокзал без взятки невозможно. Да вообще в нашем отечестве без этого смазочного средства не обойтись. Давай разговор на эту тему отложим. Может, у тебя пропадёт к ней интерес. Если хочешь со мной дружить, а я высоко ценю твоё расположение, знай: моё главное требование к

себе и другим — никогда не ломать человека. Жди откровений без насилия. А насилие порой бывает неявное, под прикрытием дружеских чувств и обязательств.

— Ладно-ладно, перестань разводить свои столичные туры на колёсах. Я борюсь за свой достаток, мне не на что купить билет в столицу, попытаться изменить жизнь, а ты с нравоучениями. В наше рыночное время они совершенно неуместны. Антоша, взгляни на меня, да вообще на человека, шире, дай ему возможность проявить себя. Ты думаешь, я единственная из представительниц древнейшей профессии способна на научные исследования? Нет! Нет! Убеждена: таких людей множество. Одни способны сконструировать двигатель с возбуждающим механизмом, чтобы тормозящие факторы всегда были равны прикладному усилию центростремительного регулятора. Ведь для стабильного движения сила сопротивления должна быть равна движущей силе. Я смогу в уме вычислить объём человеческой массы, в которой заложены высшие творческие свойства. Очень интересная тема. Количество такой массы постоянно меняется. Творческую массу меняет не только отдельный человек, но и человечество в целом. Это удивительное свойство увеличивать или уменьшать скорость движения с помощью способности усваивать чужую энергию, превращать её в скорость движения собственной мысли можно определить следующей формулой: энергия мысли равна одной пятой от произведённой интеллектуальной массы на куб предполагаемой скорости этой мысли. Почему одной пятой? Лишь около двадцати процентов населения способны совокупным интеллектом осмыслить научные достижения в каждую единицу времени. Так что, прошу тебя, не гони пургу о нравственных обязательствах. У раба, то есть, по-современному, пролетария, материально зависимого человечка, при перманентно увеличивающемся агрессивном товарном и сервисном соблазне не может быть никаких нравственных обязательств! Богатые соблазняют нищих, пробуждают в них алчность, а потом их же осуждают за пробуждённые инстинкты собственника. Впрочем, не только моральных обязательств быть не может, но и конституционных, уголовных. Деньги — вот самая востребованная реальность нынешнего мира. Постепенно я пришла к убеждению: житейские невзгоды, неустроенность и прозябание на грани нищеты дают мне превосходство над пленниками налаженного быта. Милосердие у богатых всегда в дефиците. Успокаиваю себя тем, что мои взгляды разделяют более семидесяти процентов соотечественников, вынужденных жить в мире безнравственном и лицемерном. Теперь давай вернёмся в Вельск,

в здание железнодорожного вокзала. Скажи, приятель, как тебе удаётся решать вопрос половой жизни? Или на этой теме тоже лежит табу? Ты так живописал неудачные встречи с женщинами, что спровоцировал меня на неудобный вопрос. Я бы тебя страшилой не назвала. Да, ты не красавец, сам знаешь. Вдавленный носик, едва заметны бровки, редкие волосы, какие-то вялые, свисающие уши, бледный с желтизной цвет лица. Но у тебя чрезвычайно выразительные глаза. Они отлично передают твои бурные чувства. От радости и восторга вспыхивают, как поленья в камине. При апатии гаснут, сереют, словно зола. Злость или смирение, любопытство или безразличие — глаза выдают каждое твоё переживание. Я бы не хотела быть такой, как ты, — чувства в наше время лучше тщательно скрывать. Короче, найти пару по душе не так сложно. Свободных женщин нынче много. Мужики спиваются, создать семью не хватает средств. А ты, случайно, не альтернативщик? Сегодня это повальное явление. Мода! Мне это по фигуре, но я, если ко мне подойдёт баба с такими наклонностями, наверное, ни за какие деньги не соглашусь. Впрочем... Чтобы отчалить от проклятого Вельска, можно удовлетворить любые причуды заказчика... Признавайся, господин Ч.! Я тебя не осужу.

— О-о-о-о! Ничего себе! Вопросы у тебя... Я не привык к таким скорым откровениям. В больших городах люди сходятся не так быстро, как в провинции. Прости, но всему своё время...

В этот момент господин Пузырьков заметил, что к нему дружно маршируют трое плечистых парней. В середине шагал тот самый атлет, который предлагал вылизывать его подошвы. «Ну и громилы, — обомлел Антон Антонович. — Да ещё с ведрами в руках. Может, наконец начнётся что-то серьёзное?»

— Почему у тебя глаза вдруг вспыхнули, Антоша? — удивилась Евгения.

— Не знаю. Видно, что-то любопытное должно произойти. Я, честно говоря, уже заждался.

— Что ты вякал давеча в мой адрес? — заревел подошедший бугай с золотой цепью. — Повтори, гадёныш!

— Эй-эй, молодцы, успокойтесь, — начала было Головина, но бугай перебил её:

— А ты заглохни, падаль паршивая, без тебя разберёмся!

— Закрой рот, потаскуха вокзальная, — поддакнул второй, с ведром.

— Девушка тут ни при чём. А вас я ничем не оскорбил. Я вообще не позволяю себе сквернословить, — быстро вставил Антон Антонович.

— Да что ты с такой мерзопакостной рожей можешь себе позволять? — кипел первый, с цепью. — Кто тебе даст хоть какие-нибудь права? Ты ничто, понял, олух? Тебя, идиота, надо отжать и сделать публичной подстилкой, чтобы ноги вытирать. А пока мы обмажем тебя с ног до головы дерьмом из вокзального сортира. Если не учуял кашку на моей обуви, хочу тебя одарить этим душистым запахом. Слышь, братва, — обратился он к друзьям с ведрами, — этот паскуда отказался убрать с моих ботинок дерьмо, в которое я случайно наступил. Это, говорит, вовсе не дерьмо, ваши, мол, подошвы пахнут высококачественной парфюмерией! Так ополоснём его этой парфюмерией по полной. И так каждый день. Два ведра дерьма с ног до головы. Поглядим, станет ли он отличать его от парфюмерии.

— Какой клиент к нему после этого подойдёт... — хихикнул второй грома с ведром.

— О-о-о-о! Это действительно интересная затея. Bravo! — поклонился Пузырьков. — Спасибо, друзья. Такой паршивец, как я, начнёт привлекать к себе внимание оригинальным отечественным ароматом. Это так по-русски, так модно и востребованно! Есть тысячи известных людей, которые проделывают эти замечательные процедуры, опорожня на головы соотечественников не только скромные ведра, а целые ассенизаторские цистерны. И общество принимает этих вполне уважаемых господ с почтением, встречает их продолжительными аплодисментами, даже награждает орденами и должностями в нижней палате. Разрешите развить вашу прекрасную идею! Если фекалии прилипнут к моей отвратительной голове, к моей, как вы определили, мерзопакостной роже, убогой одежде, повиснут на ушах, позвольте, господа, щёткой растереть это содержимое выгребных ям по всему моему гнусному телу. Тогда ваша благородная цель будет достигнута. Я начну источать аромат национальной атмосферы, в которой процветает типичный русский человек современной эпохи.

Пузырьков побледнел, его губы и морщинки у глаз резко очертились. У него начинался приступ, при котором желание испытать жестокое надругательство над собой становилось непреодолимым. Презрение к себе обрело высшую форму, в которой поиск высшего наслаждения соизмерялся со степенью чудовищного унижения.

— Что с тобой, Антон? — в страхе закричала Головина. — Эй, да он сумасшедший...

— Ничего подобного, я здоров! Обливайте меня нечистотами, друзья. Я с нетерпением и удовольствием жду вашей награды. С ароматным брендом отечественного стиля я днями и ночами начну гулять по улицам города, соблазняя сограждан современным образом

жизни русского человека. О-о-о-о-о! Жду! Жду! Опорожните на меня ведра с дерьмом! Не скупитесь! Готов вам бесплатно месяц чистить обувь... Заключить с вами договор о крышевании. Оплатить ваш спектакль...

— Гонит... — растерянно произнёс первый бугай с ведром.

— Действительно гонит, — подтвердил атлет с цепью.

— Оставьте его, мужики, он больной, — вмешался третий. — Псих. Взгляните, как горят его глаза. Так они перед приступом падуцей сверкают. Может ещё захлебнуться дерьмом. Держитесь от греха подальше...

— Поставим ведра рядом. Если что, не только помоями окатим, а ведром двинем по затылку.

— О-о-о-о-о! Оставляйте, оставляйте! — вопил Антон Антонович. — Я сам себя оболую! Вот это, полное, первым делом опорожню, а густой осадок по голове размажу. Здорово! Мне ваша идея пришлась по душе! О-о-о-о-о! Пузырьков, пахнувший национальным ароматом, — это звучит.

— Унесите эти ведра... — сквозь зубы приказал своим молодцам атлет с цепью. — Зачем с колпаком связываться?

Парни, с опаской оглядываясь, взяли ведро и ушли.

— Куда вы, друзья? Минутку!

Антон Антонович хотел было броситься за ними, но Головина подставила ему ножку, и он плюхнулся наземь, ободрав ладони. Надежда усладить себя с помощью местных головорезов не сбылась. Раздражению молодого человека не было предела. Скверное чувство опустошённости, даже отчаяния охватило его.

— Ты гастролирующий артист театра или пациент жёлтого дома? — встала над Пузырьковым Евгения. — Поднимайся. Посмотри мне в глаза. Потухли... Приступ закончился?

— О-о-о-о-о! Восторг, едва начавшись, так предательски прервался, — жалобно произнёс господин Ч. — Кажется, мало кто готов идти до конца. Неужели это и есть нынешний русский характер? Все претотлично было задумано, я даже получил некоторое удовольствие. И вдруг герои, на которых я возлагал такие надежды, отступили... А кулак, который был направлен в морду Пузырькова, разжался, так и не нанеся удара. В чём дело, Головина? Ведь они не похожи на трусов. — Молодой человек поднялся и в негодовании стал топтаться на месте. — А тебя, Женечка, в будущем прошу за меня не заступаться. Ты мне, как говорится, кайф ломаешь. Я так хотел продолжения и развития этой замечательной истории, надеялся, что она наконец реализуется в вашем Вельске... Эх, добрая ты душа, прошу, не мешай

мне. Развивай в себе выдержку! Я имею право на всякие причуды. Это мой стиль, вызывающий восторг моего сознания, моё своего рода жизнетворчество. Понимаешь? Что касается Вельска, то пока меня здесь всё радует. Люди, лица, ветхие постройки, местные нравы, просторы близкой тайги, её дыхание...

— Ты искренне говоришь? — пристально взглянула на чистильщика Головина.

Молодой человек съёжился, притих, но вдруг раздражённо, даже в гневе, громко заявил:

— Нет! Нет! Соврал я, наговорил нелепостей! Чушь! Прости! Прости! Никакая другая жизнь, кроме собственной, меня абсолютно не интересует. Ко всему другому я не только равнодушен, я окружающий меня мир вообще не вижу и не замечаю. Он мне по фигу! Погода, здания, политика, социальная обстановка, культурные новости — всё мне по-фиолетовому. Интересен мне только я сам — Антон Антонович Пузырьков. Мое параноидальное воображение усиливает лишь мир реальности, из которого я всякий раз стараюсь выскочить. Такая у меня ненормальная натура. Всё! Всё! Прости, Женечка! Конечно, истинная цель моего пребывания в Вельске другая... Всё! Не стану спорить, коли будешь считать меня умалишённым. Если возникнет похожая ситуация, пожалуйста, уйди в сторонку. Я не против, чтобы ты наблюдала за мной на расстоянии, может, тогда поймёшь меня. Ничего опасного в моём поведении нет. Я, наверное, сумасшедший, но не буйный! И форма моего безумия вполне определённая: я достигаю пика удовольствия от максимального унижения. Это случается при некоторых обстоятельствах. А я по возможности стараюсь их моделировать. Исподволь подсказывать партнёрам нужный мне сценарий. И всё тут! Всё! И ты должна знать, что я ни в одной идее, известной мне, не нахожу столько удовольствий, сколько в собственной конструкции получения восторга. Поняла? Вот тебе моё признание, которого ты давеча так настойчиво требовала!

— Станный ты человек. Я тебя не понимаю. Скажу больше, даже возникло какое-то опасение: продолжать ли общение с тобой? — огорчённо пожала плечами Головина. — Сейчас я пойду. После обеда самое время искать клиентов. Не знаю, повидаемся мы ещё или нет. Пожалуй, с тобой общаться непросто. Я бы даже сказала, опасно. А мне и без того тошно жить... Впрочем, я подумаю, может быть, не всё так однозначно.

Она как-то странно усмехнулась, взглянула в упор на Пузырькова, и мысли, донимавшие её в последнее время, опять оттеснили всё

прочее. «Жаль, — подумала она, — но в Вельске нет жизни, нет и будущего. Надо пробиваться в столице. Если и там, кроме панели, ничего не найду, отправлюсь за рубеж. Но у кого остановиться в Москве? Ведь я там ни души не знаю, а денег едва на билет наберу. Первый знакомый москвич оказался довольно странной личностью. Вроде незлой, культурный. Но поменять столицу на Вельск? Получать удовольствие от грошовой чистки обуви? Испытывать восторг при собственном унижении? Невольно возникает вопрос о его психической полноценности. Так что на его помощь рассчитывать никак нельзя. Надо активно работать каждый день, соглашаться на самые низкие предложения и копить деньги на дорогу в Москву. Когда же я громко и радостно брошу «прощай, Вельск»?!

Мозг Андрея Пузырькова просыпался раньше, чем его владелец готов был взглянуть на окружающий мир. Господин Пузырьков открывал глаза лишь после того, как ещё и ещё раз в деталях отработывал стратегию развития своего бизнеса и дела на предстоящий день. Разлепив наконец веки, справа и слева от себя на подушках роскошной кровати фирмы «Валькалепио» он увидел две очаровательные белокурые головки. Одна из блондинок безмятежно спала. Другая, поймав взгляд пробудившегося молодого человека, радостно сверкнула тёмными глазами и раскрыла ему объятия. Андрей Антонович вспомнил, что по вторникам и субботам у него сексуально активные ночи, которые он проводит со звёздами подиума — моделями из Дома высокой моды господина Чублукова. Впрочем, ночь прошла, а начинать день с эротических забав было не в правилах молодого человека. Поэтому Андрей Антонович без особой деликатности отстранил красотку.

— Хватит, хватит, отвали, — процедил он. — Затёрли меня, пенис дымится от палёной резины. Не пойму, член или бабки сводят вас с ума. Слышишь? Не я для вас, а вы для меня! Понятно?

— В субботу прийти? — услужливо улыбнулась девица.

— Кто заказал? Спрашиваю, кто дал такое распоряжение?

— Хм-хм, никто... Я просто думаю, нужно ли освобождать субботу.

— Откуда тебе известны мои привычки? — повысил голос Андрей Антонович.

— Наши девочки рассказывают...

«Необходимо срочно поменять поставщика телок! С такой вот мелкой информации личного характера могут начаться серьёзные проблемы», — недовольно подумал Пузырьков. И, уже окончательно проснувшись, отрезал:

— Не в моих правилах пялить одних и тех же, не приставай с вопросами. Ты у меня не для бесед. Иначе сокращу гонорар... Пока не уйдёшь, оставайтесь в кровати. Потом сваливайте.

Он встал и направился в ванную. Блондинки и все события прошедшей ночи были вычеркнуты из сознания, как одним кликом стираются абзацы на экране ноутбука. Молодой человек привёл себя в идеальный порядок, в соответствии с его статусом богатейшего человека, и величественно спустился к автомобилю. Охранник и водитель, оба в белых сорочках, тёмно-красных галстуках и чёрных костюмах, под пиджаками которых сидели по две кобуры со стволами «Беретты», стояли навтыжку перед чёрным «Майбахом» с номерным знаком 009. Хозяин был чрезвычайно требовательным к своему персоналу. При его появлении охранник тут же открыл правую заднюю дверь. Андрей Антонович вальяжно уселся, и машина понеслась к центру Москвы. Впереди «Майбаха» и после него шли два чёрных охранных «Ленд Крузера».

Сегодня, как, впрочем, очень часто, господин Пузырьков приступал к новому бизнес-проекту. Каждый раз для начала инвестиционной деятельности ему необходимо было прежде всего закупать людей. Кого именно и по какой цене, он прекрасно знал. За полтора десятка лет рынок человеческого ресурса в основном сложился, стал высокорентабельным, приобрёл национальные особенности и традиции. В год объём сделок рос примерно на двадцать процентов. Товар перепродавался по несколько раз. С помощью посредников и без них на этом рынке можно было найти всё — от начальника управы, участкового или инспектора миграционной службы до мэров крупных городов, депутатов любого уровня и министров. Андрей Антонович утверждался в экономическом пространстве родной страны около десяти лет. Он отменно знал этот рынок, был его участником, успешно выступал в роли продавца и в роли покупателя, всегда торгуясь до цента. В последние годы он позволял себе работать без консультантов, и, надо сказать, действовал довольно эффективно.

Итак, первым в его списке, который он держал исключительно в собственной голове, был глава К-кого муниципального образования господин Олег Львович Колпаков. Этого государственного деятеля среднего возраста природа не обделила ростом, весом и аппетитом. Со слухом у него тоже всё было в порядке. После третьей поллитровки господин Колпаков мог просвистеть любые мелодии советского кинематографа. С интеллектом дело обстояло скромнее. То ли он плохо учился, то ли Господь при развитии плода в материнской утробе не обратил на таинственный процесс никакого внимания. Так или иначе, Колпаков был человек как человек, не блистал умом и душевными качествами. Таких крупных телом, но мелких мыслями людей в провинции нередко называют «сараями». И в этом, конечно, нет ничего оскорбительного. Сарай — вещь весьма полезная в хозяйстве.

Смета на покупку господина Колпакова выглядела следующим образом. Триста тысяч зелёных Андрей Антонович отводил на покупку самого чиновника. К-кое муниципальное образование находилось в глухой провинции Северо-Западного федерального округа, так что цены здесь были довольно низкими. Двести тысяч должны были полгода оставаться наготове на тот случай, если купленный человек через месяц-другой перестанет в полной мере подчиняться хозяину, то есть заболеет, не дай бог, плюрализмом или западной демократией. Тогда резервная сумма пойдёт вышестоящему должностному лицу — на снятие с должности *своего человека* или другим структурам — на его полное устранение. Если же глава К-кой администрации будет служить своему хозяину безропотно и преданно, та же сумма депозита станет барскими премиальными. Помимо этого, с начала хозяйственной деятельности создаваемой структуры господина Пузырькова приобретённое лицо получало бы ежемесячный доход в размере пятнадцати тысяч долларов. По искреннему убеждению столичного бизнесмена, сделка выглядела обоюдовыгодной. Купленный человек жил бы в достатке, его должность охранялась бы субъектом хозяйствования, то есть самим Андреем Антоновичем. Жизнь фирмы шла бы стабильно и предсказуемо, и госбюджет исправно бы пополнялся. На командировочные расходы, рестораны и мелкие подарки господин Пузырьков выделял ещё пятьдесят тысяч долларов. Итого цена вопроса составит семьсот пятьдесят тысяч.

Вторым в списке значился Николай Николаевич Чапанов — министр экономики и промышленности местного правительства. Выпускник Задвинской лесотехнической академии, Чапанов был чуть моложе Колпакова. Министр оценивался Пузырьковым в два миллиона зелёных баксов. По составленному экспертной группой плану необходима была ещё покупка самого губернатора. Это требовало пяти-шести миллионов в той же валюте. Кроме того, за преданность и послушание губернатору ежегодно полагался приличный бонус — один миллион зелёных. Четвёртым числился один из руководителей департамента федерального министерства. Покупка этого важного лица оценивалась в три миллиона долларов. Дополнительные расходы на приватизацию означенных четырёх чиновников могли составить чуть больше миллиона. Таким образом, четырнадцать-пятнадцать миллионов предстояло направить непосредственно на покупку людей, а около тридцати — на капитальные затраты и оформление лицензий. Общий инвестиционный пакет должен составить сорок пять миллионов долларов. Доход Пузырькова по разработанной схеме приближался к пятнадцати миллионам долларов ежегодно. Проект

выглядел не ахти каким интересным — вложенный капитал отбивался только за три года. По российским стандартам весьма долгий срок. Ведь у наших предпринимателей жизнь как у мотыльков — однодневная. Но тёртый московский олигарх знал: если всё задуманное пойдёт как намечено, деньги возвратятся уже через десять-двенадцать месяцев. Думать так у него были свои резоны. Потому молодой человек решился на солидные траты времени и средств.

«Майбах» в сопровождении двух джипов подъехал к офису на бывшей улице Грановского. Это было здание в стиле советского ампира. По заведённому регламенту помощники господина Пузырькова в полном составе — семеро прекрасно образованных молодых женщин и двое мужчин с опытом работы на номенклатурных должностях в советских структурах — ждали в фойе, чтобы приветствовать своего кормильца. Едва хозяин переступил порог офиса, как встретившие его дружно зааплодировали, а затем с восторженным выражением лиц воскликнули почти нараспев: «Добрый день, дорогой, любимый шеф! Желаем вам, чтобы вы были здоровы, богаты и всеми любимы! Мы будем служить вашему делу верой и правдой! За процветание Пузырькова! Ура-а-а!»

После этого привычного церемониала Андрей Антонович небрежно, но как бы по-приятельски хлопнул по плечу двух-трёх сотрудников и направился в свой по-королевски обставленный кабинет. Впрочем, слово «кабинет» было не совсем точным. Вряд ли оно подходило к помещению в двести пятьдесят квадратных метров с мебелью эпохи Реставрации, бронзовыми изваяниями времён Франциска Первого, чудесными консолями из материалов мраморного карьера Марми де Каррара, с копиями шедевров самого Микеланджело, украшающих залы Двенадцати коллегий во Флоренции.

Едва глава компании сел в кресло, как секретарь, безупречно одетая и вышколенная молодая дама, принесла ему завтрак. Отвар из лучших сортов женьшеня, сухие ягоды зизифуса, известные на юге России под названием унаби, ломтики сочного помело и три-четыре ложки мякоти агавы, смешанной с алоэ и мёдом. Всё было заправлено несколькими капельками эвкалиптового масла, придающего блюду аристократический аромат. Малокалорийный стол положительно влиял на самочувствие олигарха, чей внешний вид никак не отражал его отменное здоровье.

Пора прояснить, что Антон и Андрей Пузырьковы были братьями-близнецами. Антон родился на несколько минут раньше и считался в семье старшим. Оба молодых человека походили друг на друга как две капли воды. Поэтому нет никакой надобности описы-

вать внешность младшего из братьев. Он был таким же, как и старший, невзрачным, малорослым, с печатью болезненности в облике.

После завтрака секретарь напомнила, что в приёмной Андрея Антоновича ожидает школьный приятель, который уже более месяца добивался встречи, — записан как Борис Филиппович Крапивин.

— Ничего не отменяется? — спросила она. — Он несколько раз уже ожидал, но в последний момент вы из-за большой занятости отменяли встречу. Как сегодня?

— Сколько раз я отказывал? — осведомился Андрей Антонович.

— Шесть, любезный господин Пузырьков.

— Ну что ж, на седьмой можно принять. Чтобы не создавать иллюзию, будто я всем и в любой момент доступен. Нет-нет, у меня бизнес, серьёзный бизнес, и предаваться школьным воспоминаниям нет ни желания, ни времени. Понятно?

— Слушаюсь, уважаемый господин Пузырьков.

— Валяй, пусть заходит. Предупреди, что времени на истории о пропавших Нюркиных галошах и синяках под глазом на школьных карнавалах у меня нет.

— Слушаюсь!

— Привет, Андрюха, пока до тебя доберёшься — состаришься, — дружеским тоном громко воскликнул вошедший Крапивин. — Дай тебя обниму...

— Успокойтесь, садитесь, у меня мало времени. Слушаю. Что привело вас ко мне?

— Мы что, на «вы»?

— Я со всеми на вы.

— Мы же с тобой с детского сада до выпускного бала были вместе. Теперь это не в счёт?

— С чем пришли?

— Вначале — как Антон?

— У Антона Антоновича своя жизнь. Мы общаемся редко. Что ещё?

— Что, поболтать о том о сём нельзя?

— Нет времени. Вы пришли ко мне по делу?

— Так! — Крапивин побагровел и явно растерялся.

— Рассказывайте. Время ограничено.

— Да... Не ожидал. Ну что ж, начну. Есть на Урале крупнейший комбинат по добыче нефти. После бурения скапливаются миллионы тонн нефтяного шлама, в котором содержится до восьмидесяти процентов ценнейшей нефти. Я владею технологией переработки и рекультивации промышленных отходов. Если создать фирму, которая проведёт паспортизацию шламовых амбаров, то на этих шламах

можно ежегодно зарабатывать сотни миллионов долларов. Как? Я не предприниматель, а учёный. Отдал разработке этой технологии семь лет исследовательских работ. Долгие годы безденежья, полугодной жизни. Для безотходного производства нужны песок, торф и вода. Что скажешь?

— Кому принадлежат авторские права?

— Мне.

— Чем это подтверждается?

— Моими расчётами. Вся проектная документация у меня в портфеле. Взглянешь?

— У меня другие вопросы. К этому, может быть, ещё вернёмся. Скажите, патентная регистрация у вас есть? Право на научное открытие зарегистрировано?

— Регистрация стоит огромных денег. У меня их нет, но есть сама уникальная технология. Её надёжность и эффективность могу доказать экспериментально в присутствии учёных и экспертов. А цена на этот продукт указана в Интернете.

— Как вы представляете себе организацию бизнеса?

— Как? Моя технология, твои деньги. Прибыль пополам...

— Разговор закончен. Спасибо. До свидания...

— Подожди, подожди, Андрюха. Если я не прав, предлагай свой вариант.

— Всю затратную часть эксперимента я беру на себя. Проводим его публично. Если рентабельность подтверждается, я нанимаю вас на работу в должности руководителя проекта, а патент регистрирую на себя. Будете получать несколько тысяч долларов в месяц плюс автомобиль — например, «Рено» — и ежегодные премиальные, по старому — тринадцатая зарплата.

— И всё?

— Да. Что, недостаточно?

— Послушай, я предлагаю идею, реализация которой даст миллиарды долларов. А ты суешь мне «Рено» и тринадцатую зарплату сулишь. Засунь её себе в задницу! Ты или больной, или негодяй. Я размещу свой проект в Интернете, инвесторы у меня в очередь выстроятся. Я пришёл к тебе первому по старой дружбе. По этой же причине предложил работать пятьдесят на пятьдесят. Другим я такого предложения не сделаю. Семьдесят пять на двадцать пять, а то и восемьдесят на двадцать. И найду не русских партнёров, а иностранцев. У них совесть есть. Тьфу! Ну и козлом же ты стал... А был приличным парнем! Правда, у меня всегда защиты просил, если кто надрать хотел... Ладно, прощай! Я к тебе больше не хожу. Забудь нашу встречу так же быстро, как вычеркнул из памяти нашу дружбу.

Пузырьков промолчал, а Крапивин быстрым тяжёлым шагом вышел из кабинета. Едва дверь за ним закрылась, как Андрей Антонович позвонил начальнику охраны и приказал:

— Сейчас на выходе окажется человек с портфелем. Высокий, плотный. Его имя Борис Крапивин. Арестуй и в наручниках отправь в камеру. Сутки никаких контактов. Ни еды, ни воды, ни света. Приглядывай за ним. По этому делу несёшь персональную ответственность. Отберёшь портфель, мобильник, документы и всё доставишь лично мне. Понял?

— Будет сделано, любезный господин Пузырьков, — услужливо ответили на другом конце провода.

«Заманчивая перспектива, — размышлял Андрей Антонович. — Действительно, у этого продукта стабильный рынок сбыта. Его цена находится в динамике роста, а за превышение лимитов на отвалы любое предприятие штрафуют. Строить могильники — дорогое удовольствие, перемещать к ним отходы тоже затратно. Так что можно не только бесплатно забирать сырьё, но ещё получать от комбината различные преференции за сокращение его утилизируемых объёмов. Борис говорил, будто доход составит около миллиарда долларов. Неплохо! Совсем неплохо! Но он не предприниматель. Надо рассчитать сумму инвестиций. Подготовить бизнес-план. При обороте в один миллиард какой процент составит чистую прибыль? Если 10—12 процентов — это отличный бизнес. Необходимо за сутки выяснить, что это за проект. Если идея того стоит, я могу взять на себя несколько ролей: становлюсь владельцем или, на крайний случай, совладельцем патентного права на технологию. Далее, выступаю как инвестор или соинвестор новой компании, перерабатывающей промышленные отходы. Кроме того, можно неплохо зарабатывать на франчайзинге — продавать технологию переработки крупнейшим структурам отраслевого бизнеса. И надо обязательно договориться с министерством, чтобы оказывать административное давление на хозяев отвалов. Это обстоятельство даст мне дополнительные плюсы в раздувании бизнеса. Итак, необходимо связаться с руководством крапивинского института и начать экспертизу его технологии. Затем пригласить на ужин кого-нибудь влиятельного из Госпатента, чтобы изучить, а по возможности и срочно зарегистрировать на своё имя ноу-хау переработки отходов для получения чистейшего углеводорода. На гонорар экспертам можно потратить двадцать тысяч долларов. Институтские крысы зарабатывают копейки. Двадцать тысяч на троих — царский подарок. Вот патентоведы — совсем другой народ. Шакалюги! За срочную ре-

гистрацию могут потребовать сто тысяч долларов, даже сто пятьдесят. Но я и двести, а то и триста готов отвалить. Торговаться — моя страсть. Особенно при покупке человека. Не купишь его — бизнес не построишь! Это у нас главный фактор успешности».

Андрей Антонович снял трубку:

— Вызови ко мне юристов. Свяжись с директором института НИИГА, скажи, что высылаем «мерседес» за двумя-тремя лучшими специалистами по переработке промышленных отходов. Нужна, мол, экстренная экспертиза. За оперативность платим наличными. Пусть бухгалтер подготовит три конверта. Директорскую долю передадим отдельно. Потом звони нашим друзьям-патентоведам. Жду их во второй половине дня. До встречи с ними мне необходимо заключение институтских учёных. Насчёт машин разберись сама — кому и по какому адресу их направить. Дальше, по К-кой области. Подготовь досье на каждого из моих агентов. Укажи, когда, по какой цене я их покупал, для какой цели. Необходимо подобрать из них кандидата на важный пост. Скажем, заместителя губернатора по экономике или даже самого шефа области... Пусть к этому подключится кадровый департамент. Ещё! Сейчас ко мне поднимется начальник охраны. Пропусти его. Да, скажи повару, чтобы на обед приготовил мне камбалу со спаржей и стакан «Бароло» от Гайя. Очень симпатичен этот винопроизводитель Гайя!

«Теперь надо подумать, что делать с Крапивиным. Сентиментальные истории о годах, проведённых вместе, были бы неуместны. Бизнес — это страсть, а ей в русской душе нет ни преграды, ни конца. Она никогда не бывает вчера или завтра. Она плоть, дух, восторги настоящего! Национальный двигатель, мчащий нас во времени... Так всё же что делать с Крапивиным? Залить его бетоном на стройплощадке? Закатать в асфальт Третьего кольца на участке одной из моих фирм? Или купить с потрохами? Но не просто купить, а выторговать с извращённым умыслом. Вначале посадить на стакан, но не на месяц или два, а на год, а при необходимости — и на более долгий срок. Чтобы основательнее на спирт бывший кореш уселся. Одним словом, залить его по горло пивом и водкой. После такого купажу гремучей смеси абстиненция его сожжёт. Синим пламенем запылет! А потом, когда интеллект треснет, разрушится в прах, дать ему домишко где-нибудь на Смоленщине, подставить телку с тем же пороком и платить тысячу зелёных в месяц на жительство-бытьё, как школьному товарищу. Пусть знает, чем заканчивается попытка давить на Андрея Пузырькова. Надумал долю в пятьдесят процентов мне предлагать. Дурень! Бизнес в России — это битва личностей и ресурсов, а не законопослушание да налоговые платежи. И не дай бог здесь полагаться на инструкции и

постановления. Бизнес враз отберут! А на войне как на войне — или ты, или тебя! Зато на стакане, да с доходом в зелени, можно легко ещё лет десять-пятнадцать прожить. А зачем ему больше? Так и сделаем. Бориса ждёт предначертанная мною судьба, может, не блестящая, но в добрых национальных традициях. Дом есть, баба есть, водка и кусок хлеба тоже имеется. Да, детей нет. Но и у меня нет. У многих нет. Вся Россия бедна детьми. Что тут поделаешь? Так что покупаю тебя, Крапивин, за копейки беру. Платить много не хочу, невыгодно в кризис лишние затраты нести, вот исхитрюсь на русский манер. Аминь!»

«К вам начальник охраны!» — проинформировала секретарь по микрофону.

— Пусть входит! — разрешил Андрей Антонович.

В кабинете беззвучно появился начальник службы безопасности.

— Вот что у этого мужчины найдено: портфель, паспорт, сто двадцать рублей, записная книжка и мобильный телефон. Но он выключен.

— В портфель заглядывал? — Пузырьков внимательно посмотрел на охранника.

— Прошу прощения, такого приказа не получал...

— Ладно. Теперь запоминай, как с ним дальше поступать. После моей команды отправишь его на долгий срок в наш спецучасток в Крёкшино. Если выпьет водки — даёшь еду, не выпьет — пусть сидит на подсосе. Выпил водку — утром пивцом побалуи с солёным огурцом, всё как положено. Чем больше заложит за воротник, тем больше еды получит. С этим делом ты знаком. На чём ездешь?

— Третий год, как вы распорядились, у меня джип «Вольво».

— Передай его своему заместителю, а себе возьми в гараже новый. Пошёл!

— Спасибочки, милейший Андрей Антонович...

— Пошёл, пошёл, меня юристы ждут. Пусть через пару минут ходят.

Когда охранник вышел, Пузырьков открыл портфель, достал документы и бегло пролистал их. Портфель бросил в шкаф, телефон и записную книжку прикрыл газетой, а сто двадцать рублей сунул в карман. Вошли юристы. Он пригласил их к столу и без обиняков начал:

— Девочки и мальчики! Я купил за наличные, а значит, без юридического оформления, технологию переработки промышленных отходов. Даю вам пару часов на правовую экспертизу этих документов. Прежде всего меня интересует, зарегистрировано ли в Госпатенте что-либо похожее на это изобретение. Второе: если ничего похожего нет, достаточно ли у нас документов для получения патентного права

на моё имя? К шестнадцати часам ко мне. За работу. Скажите секретарю, пусть зайдёт.

Вошла секретарь с лёгким ноутбуком в руках:

— Слушаю вас, любезный Андрей Антонович.

— Пригласи ко мне зама по специальным поручениям.

— Конечно. Сейчас же, любезный Андрей Антонович.

Через пару минут вошёл Никита Петрович Барский. Он тяжело дышал — видно, нёсся к хозяину со всех ног.

— Слушаю вас, любезный Андрей Антонович! Что прикажете?..

— У меня намечается интересный проект в Д-ской области. Как обычно, начинаем с покупки людей, то есть с решения кадровых вопросов. Запоминай, какая очерёдность, сколько платим и за что. Впрочем, требование у нас всегда неизменное: полное подчинение. И так...

Господин Пузырьков в деталях обрисовал суть предстоящих сделок в Северо-Западном округе. Под конец разговора он вызвал главного бухгалтера — единственного человека в своём сложном хозяйстве, к которому относился уважительно.

— Дорогая Ольга Валерьевна, пожалуйста, пообщайся с Барским и завтра же собери наличность, необходимую для продвижения нового проекта. Никита отбывает с финансовым ресурсом в командировку.

— Андрей Антонович, есть ваша инструкция, — напомнила главный бухгалтер. — Каждый купленный человек, или, как мы его называем, агент, даёт расписку. В ней указывается, когда и какую сумму он получил и какой срок — лучше, конечно, пожизненно — готов добровольно и беспрекословно выполнять все ваши поручения. Барский ещё пять лет назад был ознакомлен с этим документом. Без таких расписок мы не можем контролировать движение наличных средств. А Никита Петрович из последней командировки в С-ский округ на пять... привлечённых госслужащих, то есть ваших агентов, привёз лишь три расписки. А как мне перед вами отчитываться? В балансах образуются дыры. Три миллиона семьсот тысяч долларов не закрыты. Тратим на кадровые решения сотни тысяч, миллионы долларов, а где документация?

— Ты что, Барский, кретин? Почему мои распоряжения не выполняешь? — обрушился на зама Пузырьков. — Закроешь проект в К-кой области и назад, в С-ский округ, кровь из носа добывай расписки. Без них денег никому не давать! Сколько раз я об этом заявлял!

— Любезный Андрей Антонович, бесценный вы наш, как мне губернатора-то за горло брать? Например, Н-кой области? Догова-

риваемся, цена определена, а на передачу денег он присылает жену с тещей. Сам якобы занят. Как тут быть?

— Ещё раз, Барский: взятки ушли в прошлое. Ты не взятку даёшь, а человека покупаешь! Разницу понял? Это важнейший принцип новой предпринимательской политики. Для развития бизнеса человека надо покупать с потрохами! Покупать! А если он идейный, хотя мы знаем, что такого днём с огнём не сыщешь, и не желает продаваться, находи пути его срочной замены. Слава богу, желающих занять хорошую должность чиновника в стране миллионы. Россия отличается от других государств тем, что у нас каждый мечтает занять высокий или очень высокий пост. Не хочет подписывать купчую — пошёл вон! Ни жёнам, ни тещам, ни сыновьям денег не давать. Только из рук в руки и после письменного подтверждения своих обязательств. Ещё раз спрашиваю, понял? Оленька, ты с ними будь строже. Твоя дубина — депозит, открытый по купчей на их имена. Не выполняет свои обязанности — гони в шею. Купчая человека отменяется, деньги возвращаются владельцу движимого товара. Всё! Случай на прошлой неделе должен стать для моих людей уроком. Помнишь? Иностранцу мы купили за семьдесят пять тысяч долларов, плюс зарплата две тысячи долларов с условием, что она качественно выполняет свои служебные обязательства. Так?

— Да, но семидесятипяти тысячный депозит был распisan на двадцать лет, — напомнила главбух. — Каждые четыре года с нашего счёта на её банковский реквизит должны перечисляться двадцать процентов от указанной суммы. То есть каждые четыре года она получала бы по пятнадцать тысяч долларов...

— Да-да, — продолжал Пузырьков. — Первые четыре года мы закрыли, а потом за постоянную небрежность в работе вытурили её и перепродали. Потеряли, правда, немного на этом. Но я лишил кадровый отдел премиальных и возместил убытки. Отныне каждая купчая должна подтверждаться системой обязательств, штрафных санкций и возмещений возможных убытков. Нерентабельный человек Пузырькова не интересует. Сбрасывайте его на вторичный рынок. Каждый должен генерировать прибыль. Деньги! И необходимо увеличить набор средств, ускоряющих нравственную деградацию каждой из приобретённых человеко-единиц. Доминантой сознания нашего агента должен стать изощрённый соблазн потребления и комфорта. Интеллект человека, его культура, какие-то там знания и способности, кроме таланта зарабатывать деньги, Андрея Антоновича не интересуют, более того возмущают. Я убеждён: у каждого моего чиновника надо целенаправленно, агрессивно развивать гипертрофи-

рованное накопительство как страсть. Время мудрецов с их жалкой интеллектуальщиной, слава богу, прошло. Сегодня до очевидности ясно, что лишь в этих условиях можно рассчитывать на успех в бизнесе. Разделяете мои взгляды?

— Конечно, любезный Андрей Антонович, — с жаром согласилась Ольга Валерьевна. — Я полагаюсь только на вас, когда учусь из хаоса и произвола жизни извлекать возможность счастливого существования.

— Да-да, — услужливо поддакнул Барский. — Я полностью согласен. Жить полноценно и счастливо можно, лишь находясь под нашим крылом.

— Ольга Валерьевна, скажи секретарю, что я жду зама по кадрам и старшую ассистентку из департамента социальной политики. Всё!

После общения с подчинёнными Пузырьков встал и потянулся. В окно он видел знакомый городской пейзаж и оживлённый людской поток. Острое желание взять всё видимое под личный контроль, сделать своей собственностью опять охватило его. Большие, как у брата, голубые глаза с белёсыми ресницами вспыхнули, тонкие, бледные губы затвердели. Невыразительное лицо его преобразилось в порыве неподдельной страсти. «Боже, когда же всё это будет моим?» — пронеслось в голове. В такие мгновения Андрей Антонович готов был на всё ради достижения своей цели. Голова шла кругом, он бормотал что-то несвязное вроде молитвы: «Господи, дай мне силы покорить если не весь мир, то его добрую половину».

Раздался голос секретаря: «Любезный Андрей Антонович! В приёмной кадровый департамент. Можно им войти?»

— Давай... — распорядился он.

В кабинет вошли две женщины приблизительно одного возраста — лет тридцати. Одна из них была замом Пузырькова. Изысканно одетая, с пышными белокурыми волосами, высокой грудью, она шла первая, сияя порозовевшим лицом. Её дорогое, но строгое платье искрилось под лампами разноцветными огоньками. Она старалась — но из этого мало что получалось — скрывать свою трепещущую от переизбытка чувств восторженности или покорности грудь. Если бы в другое время и в другой России такая великолепная женщина составила план атаки на мужчину, ни один из самых отборных кавалеров не был бы способен перед ней устоять. Но ныне она понимала, что время не сулит ей головокружительного успеха. Её смущённый, будто вопрошающий взгляд особенно нравился господину Пузырькову. Но молодая женщина не ведала о предпочтениях своего босса. Вторая вошедшая лицом и манерами была очень похожа на одну из ведущих

телевизионного канала «Доброе утро»: милая, аккуратная, гладко причёсанная, с умеренным лоском и профессиональной выдержкой.

— Итак, девчонки, проводим мозговую атаку, — бодро начал Андрей Антонович. — Необходимо составить план мероприятий, способствующих развитию в людях потребительского спроса. Годится всё — изыски в кулинарии, моде, времяпрепровождении, сексе. Словом, поощряется курс на безудержный гедонизм. Чем дальше будут люди от разных умствований, религии, науки, искусства, тем успешнее мы продвинемся на отечественном и мировом рынках. Тем масштабнее окажутся наши предпринимательские программы, а значит, тем прочнее станет наша финансовая и экономическая поступь. Для того чтобы каждый купленный чин был у меня рентабельным, приносил доход, улучшал консолидированный баланс, мне необходим человек нового типа. Пусть в нём господствуют устремлённость на чувственное обладание, жажда жить легко, свободно, шикарно, эгоистично, на подиуме разгула и славы. Именно таких людей необходимо разыскивать, воспитывать их для себя, отсекав у них прошлые, пошлые, ложные мировоззренческие идеи. С мифами о ценности нравственности пора навсегда покончить. Свобода — это, прежде всего, доступность чувственного. Силу денег способен ощутить каждый. Но найдите мне того, кому с помощью религии удалось построить дом, раскрутить бизнес! Кому с помощью морали удалось накормить или одеть себя, с помощью нравственных постулатов — обеспечить приличный уровень жизни для своей семьи! В этой связи возникает главный вопрос: что больше всего мы должны ценить в человеке? Что он должен ценить в самом себе? Чем гордиться? Скажу сразу: какие-то особые умственные способности соотечественника меня, да и бизнес в целом, нисколько не интересуют. Человек прежде всего должен гордиться своей стройной фигурой, ухоженной кожей, первоклассной одеждой. Он должен выделяться своими предпочтениями парфюмерных брендов, проведением свободного времени, шопингами, посещением теннисных турниров, членством в гольф- и покер-клубах, объёмом груди и неустанно функционирующим пенисом. Форсить марками автомобилей, земельными участками, известными любовницами, особенно если они жены крупных политиков, солидными банковскими счетами, пакетами акций высокорентабельных предприятий. В этом случае национальный бизнес начнёт расцветать, экономика страны — бурно расти. Напомню: некоторое время назад за мадридский «Реал» предложили один миллиард долларов. Вы слышали, чтобы за какой-нибудь Институт высоких энергий или Центр физических исследований предложили хотя бы полмиллиона долларов? Найдётся ли

желающий купить пару академических гуманитарных богаделен за такую же скромную сумму? Наличными или по перечислению? Нет! Таких дураков в предпринимательском сословии нет! Какие-то там супермозги физиков и ботаников нам не нужны! Что с них взять? На чём с ними заработаешь? А ведь необходимо реализовать социальные программы! Кто даст на них деньги, кроме бизнес-сообщества? Роскошная жизнь предпринимательского сословия каждый год формирует новые массовые потребительские запросы. Именно бизнес-элита кормит, одевает, обувает миллионы сограждан, оплачивает медицинскую помощь и так далее. Не учёность способствует развитию бизнеса, а безграмотность и повышенная чувствительность. Мне эта истина открылась только после того, как в кармане появились первые деньги. И чем больше их накапливалось, тем более я проникался этой идеей. Она прочертила для меня чёткую грань между домашним и школьным воспитанием и мировоззренческой формулой, жёсткой практикой жизни. Но самое безобразное здесь то, что некоторые типы совершенно не ценят наш вклад в развитие многоотраслевой цивилизации и ратуют за империю разума отдельных личностей, которых по пальцам можно перечислить. Так называемая интеллигенция пинает бизнес на каждом шагу. Глупцы! Не хотят или не в состоянии понять: наука должна быть приземлённой, а искусство — массовым. Впрочем, можно называть его элитарным... — Он перевёл дух и взглянул на строчивших за ним сотрудиц. — Ну, выпускницы Гарварда, Кембриджа и Боккони — про МГУ я и не вспоминаю, — шевелите мозгами. Начинаем атаку на сознание человека переходного периода, на его разум, застрявший между старыми постулатами о морали и нравственности и новыми, ещё не окрепшими вызовами свободы предложений и потребления, услуг и соблазнов. Давай, Леночка, мой талантливый заместитель. Тебе слово. Помни: главное, нам нужно вылепить людей, легко сбивающихся в массу, иначе не пополним нашу кассу!

Женщины переглянулись в некотором смущении. Хозяин ждал от них не экспромта, а деловых предложений. В вузах таких вопросов не изучают. С одной стороны, это обстоятельство способствовало активизации ума, с другой — опасность, что они не осилят поставленные задачи, была вполне реальной. Босс мог высмеять их за банальные идеи — в этом случае можно забыть о карьерном росте. Наконец старшая по должности Елена Мазурина негромко заговорила, поглядывая в свой ноутбук:

— Думаю, необходимо начать с мотивации. Первое: берём в штат культуролога, знатока модернистских теорий и механизмов творче-

ства, которые лежат в основе сочинений таких одиозных авторов, как Ерофейкин, Яркевилов, Елизаркин, Сорокинский. Создаем специальный фонд, который: а) оплачивает покупку книг этих и похожих писак; б) проводит конкурс на лучшее понимание авторских идей; в) вручает победителям неожиданные призы. Например, абонемент на несколько посещений борделя, пропуск на вечеринки в садомазохистские клубы. Кроме того, учреждает — конечно, анонимно — ложу триалистов, открытый союз любителей секс-вечеринок, общество свингеров. Снимаем залы для вакханалий, заказываем туры по пригородам для шеринга, регистрируем Федерацию модных оргий. Проводим в разных городах соревнования по секс-технике, с огромным призовым фондом — скажем, в миллион долларов. Наконец, объявляем состязание онанистов. В жюри на мероприятия приглашаем самых известных в отечественном шоу-бизнесе персон. Подключаем телевизионные и радиоканалы, газеты и журналы. Размещаем рекламу пилуль, мазей, инъекций, пролонгирующих соитие. Привлекаем художников моды, представляющих смелое шёлковое белье для полубнажённых фигур. Открываем двери перед музыкантами, которые способны вызывать у публики магическую отрешённость и коллапс сознания. Любуемся эстетизмом половых игр. Можно также организовать месячный фестиваль вина под лозунгом «Пей до дна!». Или водочную феерию с девизом «Не бывает некрасивых женщин, не хватает ещё одной рюмки». Танцы с логотипом «Если Паша не трахает Машу, то Маша трахает Пашу!». Лотереи, в которых разыгрываются кулинарные деликатесы, изделия мировых брендов, музыкальные хиты, пробуждающие безудержное наслаждение. Выпускаем DVD развлекательных фильмов, в которых торжествует самое низменное. Проводим конкурс по плевкам в лица прохожих, праздничное единоборство мастеров ругаться матом... Ох, сколько всего замечательного можно придумать и осуществить для дальнейшего развития бизнеса, а значит, и цивилизации...

— Хватит, дорогая. Достаточно! — сухо прервал господин Пузырьков. — Это нам уже не по карману. Ты превышаешь лимит выделяемых средств. Я планировал ассигновать в текущем году на воспитание высокорентабельного человека не больше двадцати миллионов долларов. А твоя программа тянет уже на тридцать. Перебор... Впрочем, подожди! Кажется, у меня родилась прекрасная идея — создать консолидированный фонд предпринимателей. Этакий пул крупнейших налогоплательщиков, из которого пойдут средства на модернизацию русского человека. Всех бизнесменов должна объединить суперидея: с помощью новейших медиатехнологий скон-

струировать обновлённого соотечественника — алчного, агрессивного консюмериста. Когда-то публика обменивалась впечатлениями о музыке Чайковского и Шостаковича, вдохновенно слушала стихи Ахматовой и Блока, зачитывалась Достоевским и Булгаковым, любовалась картинами Леонардо и Матисса. Люди вникали в теорию относительности Эйнштейна, стремились попасть на лекции Гинзбурга, следили за экспериментами биологов и генетиков, вникали в тайны мутаций. Но что это дало человечеству? Мировые войны, этнические чистки, жестокую перекройку территорий, напалм, ядерный шантаж, концлагеря, газовые камеры Освенцима, десятки миллионов трупов... Сегодня перед нами совершенно другие задачи. Нам просто необходимо основательно оторвать человека от любой духовности, чтобы сотворить из него субъект рынка, инструмент дохода, чтобы дать ему хорошую зарплату, но как можно быстрее отобрать её, разжигая азарт потребления. Предоставить банковские кредиты, которые в итоге пойдут на развитие нашего собственного бизнеса. Тематами общения наших соотечественников должны стать элитные бренды. «Какой потрясающий аромат у «Коко Шанель»!», «Бриллианты у ювелиров «Булгари» сверкают ярче, чем звезды небосвода», «Эротический шум работы двигателя «Бентли» возбуждает мои чувства. А ваши?», «Ужин с вином «Петрусь» я предпочту любому спектаклю!», «Когда я ношу брюки фирмы «Бриони», у меня даже поллюции изысканные», «За туфли «Маргали» я с радостью заплачу бы десять тысяч долларов», «Мечтаю проплыть в вип-апартаментах на «Куин Мэри-2» по маршруту Лондон — Нью-Йорк», «Аромат сигар «Давыдов» сводит меня с ума...» И так далее, без конца! А разве не тема для жарких бесед — изменение курсов мировых валют? Или состояние фондовых рынков, процентные ставки по депозитам, индексы биржевых фондов, колебания цен на драгоценные металлы, балансы лидеров глобальных экономик? Сведения о скидках, распродажах, дешёвых кредитах, высоких процентных ставках? О росте или спаде на рынке труда, о ценах на людской ресурс, о заоблачных доходах олигархов, о сокращении производств? Куда там нравственным проблемам, философским исканиям и художественным прорывам до этой волнующей материи современного мира! Исполненный достоинства бальзам фантазий роскоши должен окончательно исцелить оставшихся, желающих жить в отрицательном балансе мира духовности. В этом случае человек почувствует, что жизнь — это чудо! Если мы этого достигнем, если в кулуарах, на прогулках, за ужином, на тусовках, в спальнях наш народ станет предаваться мечтам о мировых марках, окружать себя ими, то в стране наступит истинная

благодаря. Россия заблагоухает цветами потребления, возмужает. Воспрянет благодаря финансовым возможностям и наш соотечественник, поднимет голову за пределами страны, предъявляя свои благородные вкусы. Ведь у духовности есть одна страшная опасность: она донимает человека вопросами, которые не имеют никакого практического смысла, на которые нет и не может быть ответа. Она не способна привести вас к успеху, обеспечить процветание и стабильность. Так зачем терзать себя и близких? Зачем разочарованно признавать, что духовная материя не твоего ума дело? Не лучше ли честно предаться скромному обаянию комфорта? Жить среди знаменитых своей любовью к роскоши людей, в мире дорогих красивых вещей, элитных брендов, сверкающих улыбок, роскошного дизайна и щедрых комплиментов... «Какая красавица!», «Какой великий умник!», «Как стильно прикинут!», «Богатей», «Трахальщик», «Связей — выше крыши». А эта моногамия? Придуманная от нищеты супружеская верность? Финансовую выгоду она явно не принесёт. С ней одни убытки, ведь это постоянный семейный контроль над движением средств, которые могут быть потрачены на подарки кавалерам или любовницам. С этим мерзким явлением тоже надо вести борьбу, безжалостно высмеивая архаичные стереотипы. Это понятие должно уйти в прошлое. Развитие в человеке чувственности — несомненная возможность перестроить его сознание исключительно на потребительский лад. Итогом тотальной трансформации сограждан станет невероятный, фантастический рост доходов и увеличение числа выдающихся предпринимателей. Как возмутительно уныло, без ярких красок и восторженных сцен выглядел бы мир, населённый только Достоевскими, Кантами, Штирнерами, Лосевыми, Сартрами, Розановыми и прочими интеллектуалами? Избави бог! Этот народ всегда оказывается в конфликте с обществом, к массам он абсолютно безразличен. Эта публика всегда страдающая, разобщённая, стиль её жизни — отшельнический. Каждый из властителей духа интересен лишь самому себе, возвеличенному, но не приносящему и толики рентабельности. Почитающий их сомнительный мир должен погибнуть. Он нам не нравится, мы не сможем его любить! Нам необходим противовес, который формируется на рынке потребления. Мы должны подготовить людей, чтобы громогласно и категорично заявить этому серому обществу наше дружное «нет!». Не хотим жить в таком мире! Выйдите из него вон! Пусть не остаётся скорбящих о нём! Мы должны отстаивать и насаждать свои идеалы. Должны утверждать, что нам лучше известны чувства и мысли, с которыми человек живёт счастливо. Вы хорошо поняли, какая сверхзадача перед нами стоит?

— Да-да, предстоит большая работа! — своим нежным голосом взволнованно воскликнула Мазурина. — Мы сейчас же приступим к созданию комплексного плана.

— Я согласна принять в проекте самое активное участие, — встала старший ассистент Алена Русакова. — Любезный Андрей Антонович, разрешите высказать свои соображения? Мне кажется, они могут найти место в вашей программе.

— Пяти минут хватит? Валяй, Русакова! — разрешил Пузырьков.

— В прошлом наше общество высоко подняло культурно-образовательную планку, — старательно подбирая слова, начала сотрудница социального департамента. — Обществу потребления это вредно. Для полномасштабного развития рынка товаров и услуг нам нужен принципиально средний человек. Известно, что у Эйнштейна айкью был 140, у Достоевского — 130, у экономиста Леонтьева и Шостаковича — 120. Я спрашиваю себя: способно ли общество, у членов которого столь высокий уровень айкью, отличаться активностью на рынке потребления? Вопрос может быть поставлен по-другому: способно ли общество интеллектуалов к экономическому росту? Для того чтобы ответить, необходимо представить себе образ жизни таких искателей истины и смысла бытия. Самодостаточный человек всегда скромен в быту. Нет никаких шансов, извините, впарить ему перстень с бриллиантом, автомобиль «мазерати», костюмы фирмы «Гермес», подставить любовницу, которая будет раскошелиться его на наряды от «Шанель», «Луи Витона» и «Диора», ювелирку от «Картье» и «Булгари», дом на Рублевке или виллу во Флориде, яхту на Лазурном Берегу или частное судно в Майами... Удовольствие от ночи с красоткой или от владения шикарными аксессуарами люди духа никогда не оценят высоко. Представители этого человеческого типа не любят излишеств и довольствуются малым. Поэтому если мы желаем расширять бизнес, то обязаны создать механизмы, с помощью которых человек с высоким показателем айкью быстро опускался бы в сточную канаву. Если одним из лозунгов Октябрьской революции было поднять людей из грязи в князи, то девиз Пузырькова и всего бизнес-общества сегодня должен звучать так: «Из интеллектуальной грязи — в потребительские князи!» Как это сделать и сколько это стоит? Сделать просто, стоит недорого! Можно продолжать? — Значки молодой женщины сузились, на щеках выступил румянец. Казалось, она собирается доверить своему шефу какую-то тайну.

— Любопытно, давай дальше, — развалился в кресле Андрей Антонович.

— В современной науке есть такое понятие — «теория кувырка». Это явление можно ещё назвать «смещение полюсов». Нечто подоб-

ное мы должны воспроизвести в публичной жизни. На смену академическим институтам, научным степеням и почётным званиям, наградам и грамотам должны прийти совершенно новые преференции, иной ранжир качества. Нашей экономике нужен человек с показателями айкью не выше семидесяти, даже шестидесяти, то есть средний, а то и чуть ниже среднего, представитель вида гомо сапиенс. При этом сам он не должен чувствовать себя неким унифицированным середнячком. Поэтому необходимо более агрессивно внедрять рыночную терминологию, позитивно влияющую на потребительский спрос. Например, ввести звание члена Академии развития новой культуры. Или Общества талантливых самородков и так далее. Хороши термины «гений», «звезда», «мегазвезда», «суперзвезда», «профессор», «выдающийся», «мировой лидер», «несравненный», «идол», «успешный», «талантище»... Гении должны быть ближе к массам, чтобы можно было до них дотянуться, потрогать, разглядеть их одежды, запомнить формы узлов на галстуках, мочиться в один писсуар, трахать одних и тех же мужиков или баб. Они должны звездиться среди нас: стоять рядом в автомобильных пробках, супер-пуперничать на экранах, их бомбические голоса должны быть узнаваемы в эфире, их известняковыми памятниками пора украшать улицы и скверы. Крутые должны быть везде, их количество должно постоянно расти. Мы достигли всеобщего среднего образования, а уже к концу нынешней декады — массового высшего образования. Теперь наша задача — добиться, чтобы каждого россиянина можно было назвать гением. В Германии был Бетховен, в России Чайковский... У нас будут свои гении — Приживальщиков, Уступников, Полукрутов, Сизомолов, Пискарчиков, Любомиллов, Выкрутасов. На их Карузо, Паваротти, Пласидо Доминго мы ответим Каракалпаковым, Сизоточевым, Яблогниловым и Пиловязовым. Сальвадору Дали, Пабло Пикассо, Сандро Боттичелли и Сикейросу противопоставим Малярчикова, Кисточкина, Расщёткина и Ведёрчикова. Против нобелевских лауреатов выставим победителей премии Пузырькова. Читать Достоевского, Шекспира, Гессе или Кафку широкой публике сложно, а порой невозможно. Засыпает человек над книгой. А если так, то нужно ли, спрашиваю я, стараться знакомить с этими сочинителями? Не проще ли опустить планку, снизить требование к чтению и назвать Петрова, Сидорова, Иванова, Захарова, Кузкина гениями такого же порядка, как Фёдор Михайлович, сэра Уильяма или Франца? Платить высокие гонорары либеральным литературным критикам, чтобы они уничижительно отзывались о серьёзных авторах и всю прославляли ширпотребную продукцию? В этом случае рынок продаж будет расти, а

человек потребительского дарования — успешно формироваться. Надо сказать, что в стране уже нарабатывается хорошая практика. Мало что известно о наших нобелевских лауреатах — Бунине, Алфёрове, Капице, Гинзбурге, Пастернаке, Леонтьеве, Бродском. И слава богу. Для потребительского рынка это совершенно ничтожные личности. Что взять с их ценителей? Пластинки современных звёзд им не продашь. Они слушают Баха, Моцарта, Канчели и Шнитке. Так что пройдут мимо наших зазывных витрин. В кассу и гривенный не упадёт. Современные прикиды от Зеньи, Армани, Фэре и Китон им не всуропишь. Им нужны джинсы, свитера и футболки. Часы торговых марок «Патэк Филипп», «Вашерон Константин» или «Бриге» не втюхаешь. Эти типы чувствуют время и без часов. От «Ламборджини», «Бугатти», «Роллс-ройса» или «Бентли» они отмахнутся, заметив, что такие модели чрезвычайно буржуазны. Их страсть — пешие прогулки в одиночестве. Ювелирные изделия, украшенные драгоценными камнями, их не интересуют. Они используют простые ручки и старые блокноты, чтобы записывать далёкие от нас мысли. Роскошным женским нарядам эти господа усмехнутся: откуда, дескать, у нас время на земные радости? Предложение приобрести яхты или личные самолёты воспримут как издевательство. А на совет поиграть на фондовой бирже голубыми фишками ответят сложным уравнением, исключаящим сам выигрыш. Так какой смысл, простите, дорогой вы наш господин Пузырьков, предоставлять этим интеллектуалам трибуны, экраны и эфиры? Чтобы популяризировать вредное для нашего бизнеса отношение к жизни? Нет! Извините! Слава богу, что не слышны их голоса, что забыты их физиономии, стёрты из памяти их виртуальные заслуги, что молодые корректоры путают их имена и фамилии. Именно таким образом следует поступать со всеми, кто предпочитает духовное потребителю, оригинальное — массовому, «божественное» — изысканному, вечное — сиюминутному...

— Довольно. Хватит, — вставая с кресла, произнёс раздражённо Андрей Антонович. — Ты уже повторяешь мои слова. В общем, чувствую, что вы в теме. Неплохо. Совсем неплохо! Теперь жду программу действий. Сколько времени вам понадобится, чтобы её сваять?

— Две недели... Или три... — робко выговорила заместительница.

— Вы что, обалдели? — вскипел Пузырьков. — Даю три дня. Работайте днём и ночью, но готовый обстоятельный документ с революционными предложениями положите мне на стол к пятнице. Я хочу ознакомить с ним депутатов Думы и своих коллег по бизнесу. Пора со всей решительностью наступать на прошлое. Если нам нужна процветающая страна, всё старорежимное мы обязаны предать забвению.

А мой замечательный проект станет эпитафией академическому фундаменту. Пока. Пошли. У меня другие дела...

После ухода напуганных сотрудниц господин Пузырьков взял со стола несколько исписанных листков и стал прохаживаться по кабинету. В голове его зрел очередной план. Его интересовал Д-ный субъект федерации, а особенно личность губернатора. Андрей Антонович знал, что в своих руках глава региона держит весь местный бизнес. Значит, предстояло разработать схему покупки губернатора и скалькулировать цену. «Вполне возможно, что приобретать его придётся на вторичном рынке, — размышлял Пузырьков. — Чья же он нынче собственность? Первый вопрос, требующий изучения...»

4

В кабинет доктора Райского вошёл мужчина с глубоко огорчённым небритым лицом, всклокоченными волосами и множеством каверзных вопросов на языке. Картавя и сбиваясь, он прямо с порога, с неотступностью проливного дождя, обрушил на доктора поток слов. Чем шире открывал он рот, тем больше выдавал свой изъясн: во рту у него имелось всего три пожелтевших зуба — один сверху и два внизу. Психиатр не обратил на это обстоятельство никакого внимания. Наум Львович научился слушать больных непредвзято, цепко ухватывать главное. Опытный медик уже вынес предварительный диагноз: психоз с логореей.

Смысл жалоб больного сводился к следующему: он почти ежедневно направлял в Северную Корею почтовые посылки с инструментами: молотками, щипцами, рубанками, стамесками, малярными кистями, гвоздями, лобзиками и отвёртками — для ускорения строительства социализма по-пхеньянски. Но несколько дней назад его вызвали в некие органы, которые он категорически отказался называть, и потребовали приостановить материальную помощь восточному государству. Более того, дали всем отделениям связи столицы секретное распоряжение: посылки с аналогичным содержанием не принимать. Пациент был чрезвычайно возмущён этим престранным оборотом дела, перечеркнувшим его сокровенные планы. Он подготовил письмо в ООН и теперь просил доктора Райского отредактировать послание. Требовалось также успокоить соответствующей пилюлей чекистов, чтобы они не помешали письму дойти до адресата.

— Я вас прекрасно понимаю, я сам об этом не раз подумывал, — мягко произнёс Наум Львович. — Оставьте своё письмо. При необходимости я внесу в него соответствующие поправки. Выписываю вам пр...ин, принимайте его по таблетке три раза в день. Для кардинального решения вопроса обращайтесь в посольство Корейской Народно-Демократической Республики. Требуйте визу. Направляйтесь в эту великую страну, записывайтесь в стройотряды. Я сам с восхищением

наблюдал бы за развитием социализма в Северной Корее. Замечательные дела ждут вас, дорогой друг. Пишите мне, фотографируйте стройки, запечатлевайте энтузиазм рабочего класса, восторженные лица пролетариев, устремлённость функционеров, быстрое преобразование городов. Я готов в стенах своей клиники сделать выставку «Северная Корея мчится к социализму». Экспозиция, бесспорно, вызовет огромный интерес у широкой публики. Вам будут благодарны тысячи людей. Итак, начинайте принимать пр.....ин. Вот счёт за мои услуги. Пожалуйста, оплатите его при выходе из клиники. Через неделю я вас жду!

Ожидавшие приёма пациенты услышали из динамика голос Райского: «Номер два, входите».

В кабинете появилась молодая и явно растерянная дама. Такое выражение лица бывает у провинциалов, попавших в столичные магазины с их огромным ассортиментом ярких товаров. Дама с обиженным видом уселась в кресло и уставилась на анатомические плакаты, развешанные по стенам. Она явно отвлеклась от цели посещения и внезапно стала нервно вздрагивать, точно впадала в какой-то ступор. Прошла минута, другая, третья.

Наконец Наум Львович с лёгкой улыбкой поинтересовался:

— Чем я могу быть вам полезен?

Женщина окинула его пристальным взглядом. Усмешка мелькнула на её бледных тонких губах, однако она по-прежнему не произнесла ни слова. Лишь расстегнула верхнюю пуговицу блузки, чуть приоткрыв полную смуглую грудь. Впрочем, у неё не было никаких намерений соблазнить психиатра. Она просто погрузилась в свои мысли. Изложим их примерный ход: «Неудачный опыт несчастного столичного жителя подсказывает мне, что молчание приносит намного больше пользы, чем скандалы на площадях. Да и мой аскетический характер не допускает многословного мудрствования. Моя точка зрения подтверждается практикой: чем больше я молчу, тем быстрее достигаю удовольствия и обретаю смысл существования. Мало кто, познав соблазн молчания, глубину его природы, открыв всю его энергию и эмоциональную силу, захочет разомкнуть рот и нести всякую ерунду. Разве существуют слова, способные проникнуть в огромный мир тишины? Мне, да и многим соотечественникам, известно лишь одно состояние социальной активности — тотальная молчанка. И всё же молчание имеет три специфические разновидности: позиционное — ограждает меня от гражданских вопросов; чувственное — от церкви; отчаянное — от мира вообще. Поэтому моя жизнь состоит из молчания. Это состояние стало неотъемлемой частью моего «я». Я на-

хожу в нем разгул ненависти, освобождаюсь от чувства нужды и притеснения, обретаю праздник души и времена скорби. Кто-то живёт среди мира слов, испытывает огромное удовольствие от погружения в сферу звуков, а я замкнула уста и весьма довольна собой. Пусть доктор оценит, насколько эта благодать реальна и не есть ли она симптом некой национальной болезни. Впрочем, уместно вспомнить, что ещё в античности молчаливость преподавалась учителями житейской мудрости. А древняя арабская мысль рекомендует: «Если я скрою свою тайну, она моя пленница, если я её выпущу, то я её пленник».

Тут пациентка совсем приуныла. Всё вокруг показалось ей мрачным и недостойным внимания. Осуждая себя за бесполезный визит, Колеткина (такова была фамилия дамы) стала медленно впадать в протрацию. Ей много разного приходило в голову, но больше всего сознание концентрировалось на тайнах собственного недуга. Такое состояние помогало молодой женщине справляться с несуразными наваждениями.

В молчании прошли ещё три-четыре минуты.

— Моё время расписано, оно стоит денег, — нарушил наконец тишину доктор Райский. — На посетителя я отвожу не больше пятнадцати минут. Около половины этого времени уже прошло. Успею ли я вас выслушать? Ведь вы нуждаетесь в помощи. А сами безмолвствуете.

— Я заплачу... — нехотя проронила она и опять замолчала. А сама подумала: «Я изумлена и огорчена репликой доктора относительно моего молчания. Что, авторитетный психиатр не знаком с вековой национальной ментальностью? Ведь в её основе — крепкий замок на устах. И не только в вопросах личной жизни необходимо помалкивать. Надо поставить крест на гражданской активности, возвести между собой и остальным миром глухую стену. Наш народ этой молчанкой от всех других наций и отличается. Видимо, он предпочитает молчать, чтобы не вертеться, не изворачиваться, не лгать, не наговаривать, не краснеть и не пукать от стыда, не холодеть от ужаса... Или доктор надеялся втянуть меня в полемику? Райского мне расхваливали, а он мысли пациентов читать не в состоянии. Странно, что он предпочитает общаться с многословными посетителями. Тоже мне доктор! Он просто обязан знать всё о моих недугах. Что же, мне самой о себе всякие гадости рассказывать? Ведь мои болячки иначе чем гадостью не назовёшь. Я этого не позволю. Не хочу вымараться, решившись на говорливость».

Чем больше она думала о словах доктора, тем меньше желала общения, тем злее становилась на Райского. Тяжёлый взгляд красноречиво подтверждал испытываемые ею чувства. Она продолжала

ла убеждать себя, что в молчании больше мистики, тайных бурных фантазий, чем в нескончаемом потоке слов. Разве не подтверждает это музыка? Бах, Бетховен, Моцарт, Вивальди... Чтобы восторгаться миром замечательных звуков, совершенно не нужны слова. «Речь вообще представляет собой коренную ошибку в общении! — сделала она открытие. — Конечно, язык необходимо знать, особенно русский, но это вовсе не значит, что им следует вслух пользоваться. Я мечтаю совершенствовать нашу национальную традицию, то есть разговаривать, общаться, возмущаться, но без звуков. Этого же добивается нынешняя власть! В этой связи я мечтаю воспеть энергию и безрассудство молчания. Возвеличивающую задумчивость, красоту сновидений, немую восторженность разума, неподвижность экстаза, неизбежность пространства, застой времени, слабое мерцание горизонта, безропотное беспокойство... Мы должны молча страдать от тоски, утолять жажду контакта лишь мысленно, духовно соприкасаясь мирами. И чтобы достичь этого, нам прежде всего необходимо создать огромную фабрику по производству самых разнообразных замков с нанозащитой для уст соотечественников...»

— Я выпишу вам г.....ол, — вздохнув, прервал поток её мыслей доктор Райский. — Принимать надо по одной таблетке два раза в день... Прошу прощения, как вас величать?

Пациентка с возмущением взглянула на доктора и ничего не ответила. «Он собирается дразнить меня лекарством? Вот ещё! Ничего не скажу!»

Доктор заглянул в карточку больной.

— Госпожа Колеткина, этот препарат вам поможет. А вот счёт за мои услуги. Пожалуйста, оплатите его на выходе. Через неделю я вас жду.

«Так что, он всё же поставил диагноз? Раскусил меня на расстоянии? Без изнурительных расспросов? Без записей в карте пациента? Молодец! — мелькнуло в голове Колеткиной. — А почему не спросил о моём мужестве? Ведь без этого качества великолепную идею, завладевшую моим сознанием, не реализуешь. Может, доктор сам заболел ею? Может, в его мозговую программу пробралась некая ошибка? А деликатность не позволяет ему подробно расспросить меня? Странно всё это и неожиданно! Через неделю он опять меня ждёт. Попью таблетки и явлюсь. Возможно, к тому времени доктор Райский побольше обо мне расскажет. Так что, пока он сам тайну моего состояния не раскроет, я буду и дальше помалкивать. Ещё бы! Зачем самой всё выкладывать? Что я, дура?»

Тут молодую женщину вдруг охватил неудержимый смех. Он сотрясал её несколько минут. Казалось, это даже не смех, а вопль бо-

лезненного восторга. Он эхом отдавался в кабинете и был слышен в коридоре.

Наконец все стихло, и вежливый знакомый голос пригласил очередного пациента войти.

Перед доктором Райским опять появилась дама лет тридцати. Высокая, стройная, с красивыми чертами лица. Но какая-то поникшая: большие светлые глаза мутны от слёз, щёки ввалились, резко очертив скулы. Давно не чёсанные, растрёпанные волосы неряшливо спадали по обеим сторонам веснушчатой тонкой шеи. Что-то совершенно необыкновенное было в выражении её лица — жуткое и возвышенное одновременно. Без приглашения дама присела на край кресла. Её переполняла накипевшая злоба. Весь мир казался чудовищным, она ненавидела человечество. А к доктору явилась с требованием немедленной помощи.

— Вы меня помните? — спросила она и, не дожидаясь ответа, тут же продолжила: — У меня простудное имя — Ангина. Наталья Ангина. По-моему, я встречалась с вами несколько месяцев назад. Впрочем, не настаиваю, может, лишь хотела прийти. Или встречалась не вся я, а какая-то моя часть. Такая сволочная жизнь, всё не упомнишь. С вашей помощью необходимо принять какие-то срочные меры, чтобы я сохранилась как целое. Я разваливаюсь. Напряжённо ищу себя по разным углам своей квартирке, а потом с огромными усилиями собираюсь вновь. Чтобы быть у вас в восемь утра и вытащить один из первых номеров, мне пришлось встать в четыре. Прошу извинить, сегодня я нашлась не вся — приходится сидеть перед вами без левой руки, ушей и пупка. Говорю вам это наперёд, чтобы при осмотре моего тела вы не спросили: «А где ваш пупок?» Всё это меня безумно злит. Как-то раз страдания привели меня в церковь. Но, кроме глубокого унижения разума от обилия чудотворных историй из жизни многочисленных религиозных подвижников, убеждающих, что смерть — это продолжение жизни в новой ипостаси, в сущностной россыпи, в распаде, по сути, духа и тела, я ничего не испытала. Переживания усилило убеждение в постоянной собственной разъятости. Я рассыпалась в страданиях и с трудом собираюсь вновь. Такая метаморфоза бесконечна. Друзья посоветовали обратиться к вам. Я пришла. Всё же скажите, я бывала прежде в вашей клинике?

— Карточка пациента пуста, выписана сегодня. Значит, у нас первая встреча.

— Странно. А на отдельные части тела вы заводите истории болезни? Например, прикатилась бы к вам моя грудь. Она у меня упругая, ей легко отправиться в любое заведение. А может, глаз побывал

у вас на приёме? Глаза у меня синие, а грудь четвёртого размера. Вспомните, пожалуйста. Не побывали они у вас? Не требовали полной автономии? Некой дурацкой самостоятельности? Все мои части тела, все органы спят и видят своё отделение от Ангиной. А как же мне без них? Не ведают, что без меня им всем придёт капец...

— Нет-нет, синих глаз давно не было, все больше карие да зелёные, — деловито заверил доктор Райский. — А грудь?.. Минутку, взгляну в журнал. Четвёртый размер... С прошлого октября не беседовал. Но та грудь отличалась целлюлитом. Я хорошо её запомнил. Она другие вопросы передо мной ставила. Врачебная этика не позволяет раскрыть суть её жалоб. Но об отделении от основного тела речь не шла.

— Взгляните на мою грудь, может, всё же вспомните? — Пациентка скинула кофточку и быстро растегнула лифчик. — Присмотритесь! У меня нет целлюлита, но вдруг моя грудь перед посещением клиники замаскировалась? Ведь ради какой-то там независимости эти сепаратисты на многое способны.

— Нет-нет, ваша грудь у меня не была, и никакой политической беседы я с ней не вёл, — твёрдо заявил доктор. — Хочу задать несколько вопросов. Не против?

— Только не вызывайте меня на политическую полемику.

— Когда именно началось сепаратистское движение в вашем теле? Можно спросить по-другому: после какого события оно стало развиваться? Я с вами полностью согласен: сепаратизм — довольно опасное политическое явление. В один день остаться без пупка — это вызовет сомнение в вашей принадлежности к человеческому роду. А это весьма опасная мысль. Слава богу, что на ранней стадии развития этого процесса вы обратились ко мне.

— Я не совсем понимаю причины моего страдания — деления на части. Возможно, всё началось с войны в Чечне. Продолжилось по мере активизации сепаратизма в Ингушетии, Дагестане и на всём Северном Кавказе. Первое, что я потеряла и долгое время никак не могла найти, — память. Я забывала не только части самой себя, но слова, зрительные, вкусовые, эротические ощущения, мысли о будущем и эпизоды прошлого. И не было шансов припомнить, где я их оставила. Приходилось приглядываться ко всем мелочам в квартире, перебирать альбомы, прощупывать одежду из гардероба, принимать ко всему, что встречалось на улицах, в общественных местах. Чем чаще радио- и телеканалы сообщали о сепаратистском движении на Северном Кавказе, чем привычнее становились сводки об убийствах, насилии и расширении фронта борьбы, тем больше мне

приходилось страдать из-за увеличивающихся пропаж своего «я». В один день я полностью потерялась, перестала себя видеть, остался лишь один малоузнаваемый голос, постоянно вопрошающий: «Где я запропастилась, Господи? Как найти свою сущность?» Укрепилось устойчивое предположение, что я разъехалась по сторонам, растащена неведомой силой и разрывы прошли по мировоззренческим линиям. Я осталась в строчках новостных колонок, по всей карте огромной страны, истоптана в весенней грязи российских дорог... Мысли в этих безудержных поисках частей моего разума и плоти переставали носиться в воспалённом мозгу, сознание медленно затухало. Все нереальнее для меня становился мой собственный образ, моя личность, даже пространство моей небольшой квартиры. Плотно сжимая обеими руками свою горячую голову, словно в припадке, я всё больше убеждалась, что перестаю существовать как единое целое. И подозреваю, что я существую раздельно во многих частях своей плоти, усиливались. Но, доктор, мне нужны не объяснения, не сочувствие и понимание, а помощь! Иначе из-за щемящего страха и безмерного омерзения от неконтролируемого личностного распада я окончательно сойду с ума. На грани помешательства и отчаяния я находилась несколько лет. Потом успокоила себя тем, что с глубочайшим отвращением не только отшвырнула от себя этот ужасный мир, а одновременно выбросилась из него и сама, эмигрируя в никуда. Позже меня порой утешала одна невероятная мысль — с неё, собственно, и началась реконструкция прежней Натальи, «сборка» частей в цельный субъект идентичности. Если исчезло, растворилось существо Ангиной, а осталось лишь слово и понятие «я», которое легко произношу и в котором бестелесно существую, то это слово со временем должно стать плотью. Оно начнёт разрастаться, обретать форму. Теперь о цели моего визита. Выразусь осторожно: я хочу, чтобы моя идентичность была не имитированной, а подлинной! Необходимо не только заново собрать меня. Нужна гарантия, что мои части, которые мы с вами разыщем в складах одежды, под ковриком, постланным на пороге вашей клиники, в бачке унитаза совмещённого санузла моей квартирки, на сто процентов окажутся родными, природными составляющими Ангиной. Я весьма широкая натура, своеобразная личность и желаю таковой остаться. И собственная душа должна быть сохранена в оригинале. Возьмётся ли, доктор, за это трудное дело, в котором сталкиваются чувственное и мистическое? Искусство собрать человека из фрагментов и поддерживать эту целостность требует необыкновенных способностей. Неразбериха во мне достигла своего апогея, и я совершенно не ведаю — из-за недо-

статка опыта и мастерства, — как же избежать столкновения с неразрешимыми проблемами и не потерять навсегда части своего «я».

Доктор Райский заговорил без тени удивления и смущения:

— Готов помочь вам собраться в единое целое лишь принудительным образом. По старым национальным рецептам. Впрочем, я пока ещё не до конца понял: гордитесь вы либеральной ментальностью или предпочитаете силовые методы советского периода? Моя задача — оказать вам всяческое содействие, а способ терапии вы вправе выбирать самостоятельно. Если не приемлете традиционных национальных видов лечения, то мне придётся проконсультироваться у коллег на Западе. Они снабдят нас необходимыми знаниями. На первых порах я выпишу вам ам.....ин. Принимайте его по таблетке три раза в день. Этот препарат снимает повышенное напряжение в сосудах головного мозга. Конечно, он сам по себе не способствует сбору частей вашего духа и тела, но систематизирует их поиск. Ох, как я вас понимаю, ведь расползаться в пространстве — довольно жуткая вещь! Вот ваш счёт, пожалуйста, оплатите его на выходе из клиники. Жду через неделю.

— Разве принуждение — это зло? — с искренним удивлением взглянула Ангина на доктора Райского. — Принуждение, искушение, изощёренный соблазн — это насилие или вынужденный выбор? Например, неизвестный господин искушал Христа римской золотой монетой; Колумб принуждал свою команду плыть всё дальше и дальше, в неизведанные просторы океана, искушая их тем, что они найдут Эльдorado; Петр Первый посылал армию воевать, суля новые земли; Афины принуждали многие греческие города платить им дань, соблазняя налоговыми льготами. Наполеон принуждал своих оборванных, полуголодных солдат идти в итальянский поход, обещая, что приведёт их в самые богатые страны; Ленин принуждал рабочих и крестьян вступать в Красную Армию, заверяя, что они станут хозяевами земли, фабрик и заводов; Хрущёв принуждал людей переезжать из обжитых районов на целину, искушая их высокими урожаями; Чубайс соблазнял население страны приобретать ваучеры, гарантирующие по две «Волги» на брата. Я нисколько не опасаясь за моральную сторону этой процедуры. Помогите собраться. Мне всё равно, каким способом вы этого добьётесь. Силой знания, ворожкой или простыми примочками. Впрочем, нередко мелькает и другая мысль: то, что я представляю собой россыпь, — это заключение моего сознания или навязанная мне идея? Ведь многие в нашей стране, чтобы поднять себя, начинают с того, что полностью опускают другого. Если им не удаётся целиком подавить конкурентную личность, они стараются

затушёвывать её частями. Каждый выбирает что-то своё, что ему особенно во мне не нравится, что вызывает зависть, — и вот уже гипнотизирует, внушает, что во мне чего-то нет или что-то неожиданно пропало. В этом тоже надо разобраться: досада ли это на мой незаурядный интеллект, зловещий талант знакомых людей или ошибочное предположение?

— Вы очень интересный собеседник, — вежливо заметил Райский. — Не забывайте регулярно принимать ам.....ин. Встретимся через неделю.

Госпожа Ангина медленно вышла из кабинета и направилась к кассе.

Приём пациентов продолжился.

Ночь Антон Антонович Пузырьков провёл в гараже. Он очнулся на новом месте и пару минут беспокойно озирался вокруг. Жалкий вид обветшавшего, пропитанного запахом отработанных нефтепродуктов милицейского гаража, где на упорах стояли бесколёсные замызганные машины, а на покосившихся, измазанных полках покоились старые запасные части, не вызвал у молодого человека никаких чувств. Внешний мир он давно не воспринимал, не чувствовал и не понимал. Он был к нему совершенно безразличен. А такие словосочетания, как «хорошая погода», «чудесный вид», «прекрасная панорама», «великолепный рассвет», «замечательное голубое небо», «луна в оранжевой шали», «шикарная одежда», «роскошный особняк» или «прелестная девушка», Пузырьков никогда не произносил, потому что просто не имел способности всё это замечать и оценивать. Он жил исключительно бурями разума, вожделениями внутреннего «я». Он парил не над миром, а над содержанием своего сознания.

«О-о-о-о, добрая примета! — подумалось ему, едва он проснулся. — Весьма отраднo чувствовать, как внутри тебя бродят чудодейственные силы, страстно желающие участия в ярмарке зла, в спектаклях собственного унижения. Сегодня этот праздник должен наконец наступить. Я уже несколько дней жду его. Как говорят, заждался. Какое счастье предвкушать нечто потрясающее — такое, что вызовет крики восторга, взрывающие унылые будни. Стоит мне недельку-другую пожить без милого сердцу бичевания, боли физической и душевной, которые для меня оборачиваются безумным торжеством, как я чувствую себя трупом, раздавленным и обезвоженным. Даже кладбищенская тишина в такие часы может показаться мне карнавальным гулом. Адское время пустоты обескураживает, вожделенное насилие спит, прячется в сутолоке городских улиц, маскируется в образе кофейной гущи, предсказывающей продолжение нестерпимых дней. Сознание погружается в смертельное отчаяние отшельника. Состояние это можно сравнить с оркестром, испол-

няющим армейские марши на духовых инструментах, изъеденных ржавчиной. Когда мелодия сменяется бессвязными хрипами, а звуки трубы больше напоминают лай собак разных пород, я не выдерживаю. Я теряю остатки самообладания и провоцирую жестокие конфликты, подкупаю безжалостных обидчиков, чтобы испытать на себе их лютую ненависть. Использую разные ухищрения, прикидываюсь лохом, которого можно оскорбить, обобрать и отмузуть до крови. И чем искуснее я вызываю огонь вседозволенности на себя, чем больше таланта и страсти вкладываю в сценарий собственной травли, тем ярче я живу. Если смакуемые в мечтах заманчивые эпизоды становятся реальностью, если я начинаю ощущать томительную сладость от ударов по физиономии, если моя одежда изорвана, лицо в синяках и шишках, руки исцарапаны, голова в ссадинах, на теле кровоподтёки, на ногах открытые раны, мой кураж достигает наивысшей точки. Поэтические качели возносят мой дух к небесам, где я в восхищении парю над своим сознанием. Ну, хватит, пора пуститься в поиск музыки! Торопись, время не ждёт!»

Тут Антон Антонович вскочил с порывшегося тюфяка, натянул свою потрёпанную одежку и стал выбираться из временного убежища. Убожеством оно вполне соответствовало его тайным влечениям. От предчувствия заветной неги унижения зрачки его расширились. Он был охвачен надеждой: «Неужели меня ждёт удача? Я сотворил из себя самого мелкого из мельчайших обитателей отечества, но праздник мой никак не наступает». Молодой человек уже давно страдал фобией постоянного ожидания чего-то, по его разумению, магического, представляющего нечто совершенно особое, захватывающее его экзальтированное воображение. Признания своей ничтожности — собственные или высказанные кем-то другим — он воспринимал со счастливым трепетом. Его невозможно было подкупить лестью. Она для Пузырькова была как чрезмерная доза слабительного, вызывающая длительный понос. Для него не существовало понятия «самолюбие». Антон Антонович стёр это слово из своего сознания, подвергнув презрению.

Едва он вышел на вокзальную площадь, как опять возникло желание сократить свои и без того скромные размеры. Захотелось оказаться самым ничтожным существом в округе, годным лишь для оскорблений, словесных и физических издевательств. И молодой человек вовсе не старался скрыть свои ощущения, а даже, напротив, гордился маской приниженного существа. Несколько минут спустя он занял своё рабочее место, установил всё необходимое и стал ожидать клиентов. Довольно скоро к нему подошёл массивный, стрижен-

ный под ноль человек. Половину его лица покрывали вытатуированные сюжеты из жизни на киче. В диковинной графике Пузырьков разглядел кованую решётку и за ней худое лицо молодого арестанта, прогулочную камеру, часового на вышке, раздачу пищи через кормушку, столыпинский вагон под охраной овчарок и часовых, обыск перед этапом, даже злословную физиономию прокурора, выступающего в зале суда...

Клиент встал, широко расставив ноги. Пузырьков протянул было ему руку, но тот словно не заметил этого, так что рука чистильщика бесцельно повисла в воздухе.

— Чего лыбишься, шнырь транзитный? — бросил татуированный злым простуженным басом. В нём чувствовался избыток грубой силы. — Хочешь отдать мне свою жизнь на все времена? Почисть лучшим кремом мои корочки, потом буду решать, полезна ли мне твоя желтушная рожа, или надолго утрамбовать тебя в навозной куче. — Он грузно опустился в кресло и вытянул ноги. — Начинать! Да так, чтобы начальник режима позавидовал.

— У меня есть неплохая способность за работой отстраняться от угроз клиента, — миролюбиво поддержал контакт Пузырьков, перебирая свой инвентарь. — Я представитель малого бизнеса и с первых шагов деятельности усвоил: клиент всегда прав. Впрочем, и инстинкт подсказывает: лучше купюры в кассе, чем паутина в желудке. Поэтому с восторгом наведу блеск на вашу обувь. Не стесняйтесь, высказывайте любые претензии. — Чистильщик лихо ударил щётками по шкафчику и принялся за работу, то и дело поглядывая на лицо за всегдатая арестантских камер.

— Эй, паразит, ты болтлив, слова из тебя текут, как моча из дырявой параша. Закрой своё хайло! Заглохни, сучонок! Не отвлекай человека от серьёзных размышлений. Я сейчас в думках: способен ли чистильщик обелить мою паршивую совесть? Ведь из-за неё проклятой вся угрюмость и ярость. Но, может, такая чушь мне лезет в голову только в первый день свободы? Я же час как вышел за ворота зоны №7 строгого режима. Голова полна всяким дерьмом. Расписанная татуировкой часть тянет меня к завязке с блатной жизнью. А чистая половина соблазняет ещё пару годков покуражиться. К тому же из башки никак не вылезет лагерный врач Проклов. Паскуда высшей гильдии! У меня на него зуб. Брал взятки с зеков выборочно, и то не от самих, а от арестантской родни — авторитет чистюли сохраняет... От моего бабла категорически отказывался, якобы «человек чести», а сам, гнида таёжная, только о бабках и помышлял, без них даже дибазол или пирамидон на замке держал. — Тут клиент чертыхнулся и

сплюнул. — Держи сотню, притащи пузырь белой, выпить пора. Я же к тебе сел не только на ботинки марафет навести. На воле на базар тянет, понял? Сбегай, послужи каторжанину, одна нога тут, другая там... После первого глотка пошлю всех к чёртовой матери.

Антон Антонович довольно быстро принёс бутылку водки и с нетерпением стал ждать развития событий, надеясь, что его праздник вот-вот состоится. Лёгкое разочарование, что дело разворачивается медленно, не портило общего настроения.

Татуированный ловко открыл бутылку, стукнул ею по своему расписному лбу и произнёс душевно:

— Будь здоров, дорогой Федька Кряквин! Чтобы в твоих карманах не изводились бабки, лучше зелёные, чтобы даже в самый негодный день ты никогда без тёлки в кровать не ложился! Аминь! — Он вылил себе в глотку треть содержимого, передохнул и спросил чистильщика: — Сколько у вас стоит тёлка? Пять лет назад в родном Саратове ей цена за ночь была не больше двадцати долларов. Но в таёжной глухомани цены должны быть не такими кусачими. У нас в лагере за стакан браги или сто граммов хлеба легко можно было найти гомика на пару дней. А за кусок мыла с мочалкой даже на две-три недели, а то и на месяц. Но на воле тёлка нужна, понял? С любой рожей и фигурой, но с одним обязательным условием: запах у неё должен быть свежий, чтобы тело пахло добротным шампунем. За кайфовую марку готов раскошелиться по-блатному, как трёкают у нас, — от пуза, как после купеческого грабежа.

Пузырьков удивился, вспомнил вчерашнюю жалобу Женьки Голвиной, что её услуга стоит не больше доллара. Но он скромно заметил:

— Я плохо знаю эту сферу услуг, однако скоро появится одна молодая дама, она сможет вам помочь. Советую вам время от времени отдыхать, так сказать, от самого себя. Постарайтесь смотреть на себя как бы извне, чтобы успокоить притаившегося в душе бешеного зверя. Вам это просто необходимо. Успокаивает. Охлаждает страсть. Кроме того, спокойствие соответствует чистой обуви, тем более смазанной элитным кремом. Если вы предстанете перед молодой женщиной в образе озлобленного чудовища, не видать вам эротической вечеринки. Предвижу лишённый сексуальных фантазий онанизм. Женщина под вами или с боку со страха будет лежать как труп, без толики эмоций. Неужели это интересно? Вы что, извращенец? Разве перспектива трахать бревно, кастрюлю, пепельницу или тюремную решётку вызывает у вас энтузиазм? Может быть, лагерные гомики отвидели вас от любовного гурманства? Неужели, совокупляясь с покрытым воло-

сами мужским телом, вы его целуете, гладите и ласкаете? Позор! Как вас могли отпустить на свободу без кандалов приличий? Таких, как вы, справедливо называют бешеными псами!

Антон Пузырьков намеренно дразнил господина Кряквина, проводя его на агрессию. «Пусть наконец поднимет свою тяжёлую руку да хрястнет меня по физиономии, чтобы зубы веером вылетели под ноги прохожим. Пусть колотит так, чтобы трещали мои конечности, рёбра и кости! Пусть обрушит на меня самые грязные словечки тюряги, унижающие Антона Антоновича, как унижает человеческое достоинство бухенвальдский распорядок, как унижает лагерное меню завсегдатаев лучших московских ресторанов».

— Дражайший Кряквин! — возбуждённо продолжил свой монолог Антон Антонович. — Тот, кто хвалит свои достоинства, идёт по чужой дороге — свой путь им ещё не найден. Тот, кто уповает на свою силу, парит в густом тумане, не зная, что до смертельного столкновения остаётся мгновение. Тот, кто полагает себя счастливчиком, не подозревает, что другие легко могут оспорить это заключение и назвать его законченным глупцом. Действительность всегда находится в плену судьбы, а та изменчива, как погода в тропиках. Я никогда не взялся бы очищать вашу душу — она нужна мне грязной, дикой, раненой, безумной от злобы. Я с восторгом мечтаю прикоснуться к ней, как христиане прикладываются к иконам и мощам, чтобы с помощью неугасимого зловещего пламени познать все бедствия человеческие: страшные муки неизлечимой болезни, страдания духа и плоти, безжалостное отношение к себе всего мира. Это явилось бы замечательным утешением для моего истерзанного праздным ожиданием сердца. Каторжник! Начни в жутком образе человеконенавистника исцелять меня, убогого чистильщика! Открой мне в мраке безуспешного поиска душевного удовлетворения уголок звёздного неба! Я нуждаюсь в твоём беспредельном насилии во сто крат больше, чем в хлебе насущном. Я так стражду, поверь!

В этот момент Пузырьков почувствовал себя окончательно обессиленным и опустошённым. Он впал в прострацию, обычно наступающую у него после сильнейшего душевного переживания. Ему мерещилась злобная ругань в его адрес от незнакомых вельчан вперемежку с собственными поношениями самого себя. С застывшим взглядом он сидел на своём креслице, смакуя эти галлюцинации, которые надвигались одна за другой, ритмично и гулко, как поезда московского метро.

— Что ты гонишь, вертухай печорский? — оторопело пробасил Кряквин. — Я тебя вообще не понял. Что за феня? Переходи на нор-

мальный базар. Забыл я ваш язык: пять лет на киче — срок немалый. Неужели так поменялась вольная житуха, что на ней только колпаки встречаются? Что, менты тоже на этой фене трут? А? Как тогда с ними разругивать вазялово на приходе? Ведь не исключено палево при покупке на садильнике или ломке кеша. Какими словами теперь шепнуть мусору: «Тормози, начальник, я готов дрыкнуть бабло, чтобы запел баян»? Ты-то, чистильщик, меня понял?

— Нет. Ни слова, — еле выдавил Пузырьков.

— И я тебя не догнал... Когда тёлка твоя подтянется?

— А я уже здесь, — усмехнулась Головина.

Мужчины оглянулись и уставились на неслышно подошедшую Евгению. Молодая женщина выглядела вполне безмятежной. Хорошенькая, с потупленным по-девичьи взглядом, она ничем не выдавала своего пикантного ремесла. Впрочем, нынешнее время не знает укоров совести. Эти материи остались в недалёком прошлом.

— Есть хата? — ухмыльнулся Кряквин, разглядывая её в упор.

— Есть...

— Пойдём?

— Сколько платишь?

— Тысячу...

— Долларов?

— Ты что, сдурела? Рублей.

— Когда за душой ни копейки, тысяча рублей — целый капитал.

Но хочу предупредить: никаких вольностей. Только традиционный секс. Понял?

— Это как? Никогда не слышал...

— Как скажу, так и будет. Пошли! Ты что, приезжий?

— Да, из седьмой зоны. Первый день на свободе. На скидку могу рассчитывать?

— Наценка, голубчик. Наценка! Знаю я вас. Ты, как шакал, набросишься на меня, небось, кроме мужиков, в зоне никого не видал. Ты хоть свидания имел?

— Я один на белом свете, подруг не было. Третья ходка...

— Не хватило ума и денег выписать девку из таёжных посёлков?

Здесь мужиков нет, бабы до тридцати лет в девичестве ходят.

— Хватит болтать, сейчас свалим на праздник тела. Посмотрим, на что способна вольная птица. — Кряквин поднёс бутылку к губам и допил её до конца. — Взять с собой брагу и закусон? У меня ещё пара тысяч осталась, может, накрою поляну? Ведь у меня первый день свободы!

— Нет-нет, никакой поляны. Сегодня всё растратишь, а потом будешь кланчить на билет. Деньги вперёд. Знаем мы вас, каторжан, — твёрдо заявила Головина.

— Я не в отказе, держи. А ты, чистильщик, заканчивай. На свидание с шикарной тёлкой тороплюсь.

Кряквин презрительно бросил в коробку десятку, взял Евгению за талию, и они двинулись вдоль здания вокзала. Со стороны эти двое выглядели влюблённой парочкой.

Неожиданное расставание с Кряквиным вызвало у Пузырькова какофонию отрицательных эмоций. «Согласно стереотипам, всё должно развиваться по следующей утверждённой в сознании масс схеме: жалкого, обездоленного, неприятного человечка оскорбляют, пинают, лупят все, кому вздумается, и самым беспощадным образом. Но в Вельске я попал в искажённую реальность. Мне никак не удаётся почувствовать себя оскорблённым, испытать то чудесное состояние, к которому я ревностно стремлюсь. Кажется, я сам унижаю себя за всех, и самым грубейшим образом. Может, как раз это мне и нужно? Не ждать, не искать, не провоцировать посторонних, а возложить эту миссию вражеской атаки на Пузырькова, то есть на себя? Кто лучше меня самого способен унижить Антона Антоновича, облить его грязью, разбить ему физиономию и опустить ниже плинтуса? Ожидать развития событий по собственному сценарию оказалось делом бесперспективным. Необходимо искать новый метод. Кажется, я начинаю привыкать к своему положению, и оно пока не отравляет мне жизнь, а даже немного успокаивает. Ведь стремление использовать ресурсы извращённых фантазий, пустить в ход собственные силы, способные на крайнее самоунижение, доставлять себе бесконечные страдания и есть главный смысл моего существования».

Мысль, что он сам должен стать творцом своего счастья, пришлась ему по душе. Безразличие ко всему остальному уже давно не удивляло молодого человека.

В этот момент к чистильщику подошёл майор Шадрыгин.

— Ну что, как бизнес? Клиенты есть?

— Иногда подходят. Негусто, но в кассе появилась первая выручка.

— Давай-давай, зарабатывай. Кто-нибудь беспокоит?

— Пока всё тихо.

— Покажи своё столичное мастерство. Почисть до блеска некалённые, а мои родные штиблеты! — Сан Саныч усмехнулся, уселся в кресло и вытянул ноги.

Вначале Антон Антонович несколько раз жёсткой щёткой прошёл по ботинкам майора. Затем покрыл их бежевой мазью, смягчающей кожу, обратной стороной деревянной ложки нанёс чёрный крем. И вот уже его руки засновали вдоль шадрыгинских штиблет.

Вены выступили у Пузырькова на бледном лбу и висках, дыхание участилось.

— Ты смотри, действительно умелец, — бурчал под нос себе майор. — Не узнаю свои штиблеты, они стали просто новыми. Молодец, паренёк! Слушай, — обратился он покровительственно, — собирайся, пойдём к главе администрации. Да возьми с собой свои причиндалы. Праздничная работа с сильными мира сего ждёт тебя. Наш шеф — человек своеобразный, он постоянно нуждается в мелких удовольствиях. Ты обязан обслужить его по высшему разряду. Это приказ! Если он останется недоволен твоим сервисом — забудь Вельск. Выгоню тебя в шею. Почистить его обувь до такого блеска, чтобы он смог увидеть своё будущее. В смысле как сложится его карьера. Но продвижение по службе должно оказаться позитивным и стремительным. Пусть в блеске туфель ему маячит столица, и не спальные районы, а кремлёвские башни! Понял?

— Не знаю... Никогда не приходилось обслуживать таких влиятельных персон, — смущённо пожал плечами Пузырьков. — Хотел бы предостеречь от превратного понимания моего скромного ремесла. Я всего-навсего чистильщик обуви, а не предсказатель, колдун или шаман. И сверхзадача по мобилизации тёмных сил мне не по плечу. Я орудую, и достаточно неплохо, лишь мазями, щётками да бархотками, а применять сатанинское зелье, приглашать в сотрудничество дьявола, способного проецировать будущее главы города или кого другого, не моя специализация. Я, господин Шадрыгин, человек маленький, болезненный, страдающий невидимыми пороками и никакого превосходства над другими не имею.

— Ничего не знаю! Собирайся и пошли! — осклабился полицейский. — Или глава города тобой доволен, а для этого ты достаточно владеешь мастерством, или я тебе бока намну и затолкаю в первый же поезд из Вельска. — Майор цепким движением схватил вялую руку Пузырькова и потянул его за собой.

— Минутку, — взмолился Антон Антонович, — позвольте взять инвентарь. Ведь без него я ни на что не способен. Я же заплатил вам вперёд...

— Помимо регулярной платы, любезный, необходимо ещё послушание, притом непрерывное и беспрекословное. Каждым словом, движением, поступком ты должен убеждать меня, что моя власть над тобой постоянно растёт. Я не терплю возражений, обсуждения моих приказов, косых взглядов и заумных реплик! — Майор укоризненно оглядел молодого человека. — А чем ты отвечаешь на требование обслужить главу нашего города? Отговорками! Это жуткий беспорядок,

паренёк, показатель, что ты не признаешь мою власть над собой. Ведь не признаешь?

— Вроде во всём вам повинуюсь, — виновато произнёс Пузырьков, — я лишь заметил, что не обладаю некоторыми метафизическими способностями, которых вы от меня ожидаете. Заглядывать в будущее, и даже не собственное, а незнакомого лица, совершенно не мой профиль. Я просто-напросто испугался, а не пытался показать вам, что не признаю вашего верховенства над собой. Оно, конечно, бесспорно, и моя готовность повиноваться не должна вызывать у вас никаких сомнений. Это удел всех жалких, мелких, незначительных людей. А я не имею никаких намерений менять свою судьбу и выраживать из себя сколько-нибудь выдающуюся личность. Более того, у меня твёрдое желание оставаться тем же неприметным существом, которому каждый может по любому поводу и без повода дать оплеуху. Поэтому я готов сделать всё, что прикажете, но вовсе не из боязни, что вы меня накажете и вышвырнете из города, а исключительно из глубокого уважения.

— Вот-вот, так и держись, — смягчился Шадрыгин. — Поторпливайся, нам идти минут десять. Хочу сделать своему шефу скромный презент. Ты вычистишь все его туфли, ботинки и сапоги. И при этом обязан скучное сделать интересным, интересное — захватывающим, захватывающее — невероятным...

Они подошли к двухэтажному свежевыкрашенному строению. На входе красовалась табличка: «Глава Вельского муниципального образования». Вахтёр в мундире полицейского отдал майору честь.

— А вы кто? — останавливая Пузырькова, спросил охранник.

— Этот со мной! — сухо бросил Сан Саныч.

Когда они поднялись на второй этаж, у кабинета главы города Шадрыгин коротко произнёс:

— Жди!

Несколько минут спустя из кабинета вышли двое. Рядом с майором шёл тучный мужчина неопределённого возраста. Щёки у него свисали мешками, горло и шея походили на складки шарпея, а лобные дуги выпячивали густые смоляные брови.

— Хочу тебе представить главу нашего города — Юлия Михеевича Полянова. Помнишь свою клятву выполнять все его прихоти?

— Разумеется...

— Мне нравится, что паренёк немногословен, — с каменным лицом прогнусавил Полянов.

— Если прикажете, я буду нем как рыба, — робко вставил Пузырьков.

— Уже дали отмашку: молчать! Пошёл за нами, — рявкнул Шадрыгин.

Они спустились на первый этаж. Майор распрощался с главой города и пошёл своей дорогой. Юлий Михеевич подошёл к чёрному «Камри». Водитель открыл заднюю дверь и ловко подхватил пиджак, скинутый шефом. После того как Полянов с трудом уселся в автомобиль, шофёр обошёл машину, открыл другую дверь, повесил пиджак на вешалку и лишь потом обратился к Пузырькову:

— Что у машины мельтешишь-то?

— Если ваш вопрос касается моей особы, то мне приказали молчать и следовать за вашим шефом... — неуверенно проронил молодой человек.

— Пусть садится вперёд, — сказал Полянов в микрофон.

Молодой человек занял место рядом с водителем, и «Камри» помчался по узким улицам города.

«Что я должен ощущать — страх или восторг? — постепенно мысли Антона Антоновича стали возвращаться к прежнему предмету. — Меня отдали на милость чиновников. Они люди строгих нравов, и, кроме горьких разочарований, ничего меня не ждёт. Или вот-вот что-то должно наконец начаться, что, дай бог, приведёт меня к цели. Жаждающий страсти всегда получит глоток утешения. Аминь!

— Эй, прыщик, опустишь ниже! Лезь под самое кресло, — почёсывая затылок, произнёс в нос Полянов. — Ты мне мешаешь осматривать город.

— Прошу прощения, это как? Как же я могу мешать, если я меньше кресла? Оно такое крупное, что я в нём просто утонул. Впрочем, я впервые в таком роскошном автомобиле. Куда мне сдвинуться? Я готов переместиться в багажник. — Он оглянулся на Юлиа Михеевича и заметил у того усмешку в уголках губ.

Полянов, не отрываясь от окна, повторил требование. Пузырьков постарался сжаться в комок и кое-как устроился между сиденьем и передней панелью. Минут через десять автомобиль остановился. Водитель выбежал открывать дверь шефу, а пару минут спустя обратился к Пузырькову:

— Слышишь, вылезай! Сейчас тебя отведут к хозяину.

— Мне пригнуться или идти в полный рост? — довольно дерзко поинтересовался Пузырьков.

— Никаких приказаний на этот счёт не было. Выбирай сам, — равнодушно ответил шофёр.

— Пойду пригнувшись. Мне так нравится. В обычном виде у меня рост метр пятьдесят девять, а согнувшись стану метр сорок пять. Маленький незаметный человек имеет множество преимуществ. Хотите, перечислю?

— Не морочь голову. Не до тебя. — Водитель заторопился к машине.

К Антону Антоновичу подошли двое крепких парней. Один держал на поводке бультерьера, другой поигрывал тяжёлой цепью — обвязывал ею свои татуированные кулаки. Цокая языком, тот, что с цепью, спросил:

— Это ты чистильщик?

— Я.

— Пошли.

Молча вошли во двор, посреди которого между цветов и кустов сирени гордо стоял особняк, выложенный песчаником. Из открытого окна выглядывал круглолицый мальчик лет десяти. Когда Антон Антонович встретился с ним взглядом, тот разразился бранью и показал ему кулак. У молодого человека поднялось настроение. Он как-то даже ожил и вспомнил о себе. Предстоящее истязание всегда вызывало у него душевный подъём. Он улыбнулся мальчугану, а тот снова погрозил ему кулаком и злобно скривился. Молодой человек помахал обидчику и миролюбиво поприветствовал его:

— Добрый день, любезный.

Тот обозлился ещё больше и запустил в Антона Антоновича стакан с соком, стоявший перед ним на подоконнике. Стакан разбился, и чистильщика окатило стекольными брызгами. «Ничего себе встреча», — усмехнулся Пузырьков, одобрительно кивая головой, словно именно этого он дожидался. Затем стряхнул с жидких волос крошки стекла и крикнул своим слабым голосом:

— Прекрасный приём. Может, сыграем в разбойников?

Хулиган соорил гримасу и заорал:

— Дур-рак! Я тебе не пар-ра! А шишек на голове я тебе успею наставить.

Охранники никак не отреагировали на поведение барчука, лишь прибавили шаг. Через несколько метров они подвели чистильщика к порогу одноэтажного круглого строения и, бросив ему «Входи», удалились.

Антон Антонович вошёл в дом. Было влажно, душно, и пахло дорогим мылом. Мелькнула мысль, что он попал в сауну. «Как же тут чистить обувь?» Косясь на мебель из светлого мрамора — консоли, столы, тумбы и некие малопонятные по форме предметы, он двинулся дальше и оказался перед массивной дверью. Открыв её, молодой человек понял, что попал в хамам — баню турецкого типа. Из динамиков звучала тихая и протяжная восточная музыка. Сквозь облако пара можно было разглядеть краны, вмонтированные в каменные колонны, и тазы, стоящие на мыльном подиуме. В помещении не было ни души.

— Есть кто-нибудь? — выждав немного, спросил Антон Антонович. Его слабенький голос замер в огромном каменном зале, как в густом лесу гложет людской крик.

Ответа не последовало. Пузырьков вернулся в предбанник и присел на краешек мраморной скамейки. Желание проникнуть в тайну своего приватного приглашения к городскому главе становилось всё сильнее. С нетерпением и надеждой молодой человек ждал развития событий.

Однако время шло, но никто не появлялся. Впрочем, Пузырьков не скучал. Он воспользовался свободной минутой, чтобы поразмыслить о собственной персоне. Мысль его неожиданно приняла несвойственное ему проповедническое направление. «Без бахвальства, — думал он, — могу заявить, что я один из редчайших людей на Земле. Ну, где ещё найдёшь такую ничтожную личность, как я, способную получать престранное удовольствие, лишь когда её унижают и оскорбляют? Такое состояние духа вселилось в меня с небес, оно явно дано мне по желанию космических сил, чтобы оградить человека от полного исчезновения. Испытывая эйфорию при надругательствах над собой других людей или при самобичевании, я мечтаю открыть миру глаза на стереотипы гламура и вещизма. Необходимо, чтобы человечество одумалось, нашло новую дорогу для продвижения во времени. Наш общий враг — замаскировавшийся в нас неандерталец. Уникальный дьявольский грим его искажает восприятие — внешне *он* во всём похож на гомо сапиенс. И вроде никто не имеет права утверждать, что это вовсе не *он*. Особенно настырны в этом вопросе социологи, они даже не способны разглядеть неандертальцев без масок. От теории возникновения рас они открещиваются, как праведники от чернокнижия. О-о-о-о-о! Для них все и всегда равны. Они-то громче всех кричат, что этот маскарадный облик — в двух- и трехмерном изображении, в сферической или кубической формах — притягателен и оригинален. А на самом деле его ценность ничтожна. Я мечтаю разоблачить и утилизировать экзальтацию вещизма, показать истинную цену восторгов от сумасбродных прибылей, праздников плоти, безграничного разгула Бахуса. Моя цель — прекрасно понимаю, что она малореальна, может быть, недостижима, — обновить людское сознание. Надо избавить человека от эгоистичного погружения в материальные соблазны и открыть перед ним чарующий мир познания. Ради этого я готов на любые жертвы. Именно поэтому я демонстрирую новые горизонты ощущений — когда восторг вызывают постоянное унижение и непрерывное самоистязание...»

У него сильно забило сердце, на губах появилась вызывающая улыбка — знак радости от предвкушаемой боли.

Внезапно внутренняя дверь отворилась, и прямо на господина Ч. двинулся огромного роста толстяк. Если не считать туфель, он был совершенно голый. В руках он держал две бутылки шампанского и какой-то незнакомый предмет, опутанный цветным шлангом. Чертами лица голый гигант напоминал главу города Вельска. И тут у чистильщика возникло ощущение, что по его широкому щекам сновали тараканы. «Не может быть, — пронеслось в голове Пузырькова. — Вот ещё! Хотя... Да-да, это тот самый, из городской управы».

Молодой человек с жадным вниманием следил за тяжёлыми шагами градоначальника. «Почему он голый? — думал Антон Антонович. — Гомосексуал? Так я ему не партнёр. Ни при каких обстоятельствах. Эксгибиционист? Скорее всего. Что может быть ещё? Надо похлопать и несколько раз прокричать “Браво!”». Чтобы разрядить обстановку, Пузырьков усмехнулся и захлопал в ладоши, восклицая:

— Бра-во! Бра-во! Бра-во!

Но лицо начальника города оставалось каменным, а взгляд напряжённым. «Странно, — подумал молодой человек, — что у него в голове? Ведь с чем-то он приближается».

Молодой человек готов был упасть на колени и умолять, чтобы спектакль наконец начался.

— Готов? — прогундосил наконец Полянов вопросительно.

— К чистке обуви всё подготовлено, — услужливо улыбнулся Пузырьков.

— Сейчас начнём... Но вначале тебе самому необходимо очиститься. К своему телу я без тотальной очистки никого не допускаю. Сделаем клизму шампанским, уберём из организма шлаки, потом...

— Простите, я чистильщик обуви и к вашему телу, кажется, не имею никакого отношения. У меня и опыта нет...

— Меня это как раз устраивает, — мыкнул насморочно чиновник. — Я остерегаюсь подагры, паралича и варикозного расширения вен. Доктора прописали мне массажи, но не специалистов, а тех, кто впервые этим займётся. То есть нужны девственные руки. Ты делал кому-нибудь массаж?

— Нет! И не умею этим заниматься. Это не моё.

— В городе команду я, а в собственном доме не просто отдаю приказы, а царю. Так что снимай штаны — всё начинается с клизмы. Нашей местной воде никакого доверия нет, подозрительная она, с кишечными палочками. Вместо воды используем французское шампанское. Надеюсь, оно без бактерий.

— Я отказываюсь, — твёрдо заявил молодой человек, но в душе возликовал.

Слова градоначальника сулили сладкую пытку. Пузырьков лихорадочно соображал, как ускорить *это* замечательное событие. Воз-

никло чувство, что вот-вот это грандиозное торжество наконец начнётся. «Ну, давай осыпай меня страшными угрозами, — молил он в душе. — Я жду, надеюсь, мечтаю. Именно такие ничтожные мелочи жизни требуют разгула страстей. Хочу млеть от изнеможения, потому что влюблён в это состояние окончательно и смертельно». С этой минуты Антон Антонович уже всей душой принадлежал начальнику города. Он целиком отдался волнующему ожиданию. И многое отдал бы, чтобы Полянов или кто-нибудь другой продемонстрировали на нём свою страсть к унижению себе подробных. Тогда Пузырьков окажется на седьмом небе от счастья...

— Послушай, прыщ, даю тебе три секунды подтвердить свою готовность к очистке. Считаю: раз, два, три... — Полянов подошёл к консоли, поставил на неё шампанское, кружку Эсмарха и нажал кнопку в мраморе.

Вошли четверо мускулистых охранников. Они скрутили Пузырькова, моментально раздели его догола, воткнули твёрдый наконечник шланга в прямую кишку. Полянов тем временем открыл бутылку и стал вливать игристый напиток в кружку Эсмарха. Затем открыл кран клизмы, и аристократическая французская жидкость понеслась по резиновому рукаву в скромный кишечник незадачливого москвича.

— Вынесите его в туалет, чтобы не испачкал хамам. Да приготовьте пару гусиных перьев. Хочу продолжить очистку этого типчика. По старому римскому обычаю станем щекотать ими нёбо и корень языка. Вывернем его наизнанку. Потом возьмёмся за очистку мочевого пузыря — приготовьте раствор фуросемида. Не терплю, когда от шашлыка несёт желчью, поэтому надо всуropriть ему фламин, очищающий желчный пузырь. Чтобы не смолить волосы на теле, разогрейте мне воск. Сделаем эпиляцию. Я не должен подвергаться критике в семье — мясо на гриле должно быть вкусным, сочным, без посторонних запахов и очищенным от волос. Кстати, печь готова? Шампуры и сетки для больших кусков почистили?

Лицо Полянова налилось кровью, он пересыпал свою речь матерщиной, рвал и метал, вопил в исступлении, хотя, казалось, никакого повода к тому не было.

Чудовищные угрозы привели молодого человека в полный восторг. Пузырьков чувствовал приближение праздника. Обрадованный, он во все глаза начал следить за дальнейшими действиями главы города. «Вот бы купить его с потрохами, чтобы он ежедневно как окающий поносил меня несусветной бранью», — радостно пронеслось в его голове.

— Всё в порядке, хозяин, приказ выполнен, — доложил один из охранников, видимо старший.

Они потащили Пузырькова в туалетную комнату, где молча развязали и положили на кафельный пол рядом с унитазом, после чего ушли, закрыв за собой дверь на ключ.

Антон Антонович был недоволен, даже возмущён. Всё проходило быстро, по-деловому, без издевательств и оскорблений, которых он жаждал. Его сладчайшие наваждения исчезли, словно предутренний сон. Ожидание вновь сменилось разочарованием. Молодой человек не мог понять дальнейшие планы Полянова. Что у него на уме? Пузырьков научился подмечать мельчайшие детали в поведении своих потенциальных партнёров по вожделенному действию — скрип обуви, лёгкий скрежет зубов, искринка в глазах, почёсывание затылка, чистка ушей пальцем... Сопоставляя эти, казалось бы, не связанные между собой сигналы, Антон Антонович предвидел, насколько реальны окажутся его ожидания испытать заветный восторг, сколько у него шансов, чтобы спектакль по сотканной им пьесе состоялся. Ведь для искусства изощённого унижения необходима способность опознать составляющие таланта.

— Выверните его карманы. Хочу взглянуть, что у него там, — гундосил между тем голый Полянов. — Может, найдётся врачебная справка о состоянии его здоровья? Свиной грипп прошёл, но лишний раз остеречься не помешает. Бережёного сам Полянов побережёт!

Старший охранник перечислил имущество чистильщика:

— Четыре тысячи восемьсот долларов, двадцать одна тысяча рублей. Два ключа, бумажные салфетки, капли от насморка, кредитные карточки. Одна — «Мастеркард», другая — «Американ экспресс», третья — «Виза». Паспорт на имя... Пузырькова Антона Антоновича, одна тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения. Место рождения — Москва. Зарегистрирован — город Москва, Молочный переулок, дом восемь.

— Повтори, как фамилия, — вдруг помрачнел Полянов.

— Пузырьков Антон Антонович...

«Не брат ли он Андрея Антоновича? — ужаснулся про себя градоначальник. — Моего хозяина? Благодетеля Вельска и всего региона? Кормильца? Не может быть! Ошибка! Надо обязательно проверить, чтобы самому не оказаться на вертеле. Охране доверять нельзя. Сдадут меня! Он отвалит им денег — они и укажут на Полянова. Но, скорее всего, будет даже иначе: кто-то из них, а может, все сразу выйдут на самого Пузырькова и продадут информацию, что в Вельске съели его брата! Не дай бог! Ужас, что произойдёт. Кошмар! Чем

заканчивались такие истории, я сам отлично знаю. Надо быстро вернуться на марше».

— Так, слушайте меня, — приказал он охранникам. — Выходите отсюда! У меня приватный разговор с Антоном Антоновичем.

«А если чистильщик спросит, почему я вышел к нему голый, — продолжал лихорадочно размышлять начальник города, — скажу: “Так мы же встретились в хамаме! Это же турецкая баня. Не в одежде же мыться...”» Тут он стал дергаться всем своим толстым голым телом, как в приступе падучей.

Когда все вышли, глава города торопливо набрал номер своего шефа из федерального округа и почтительно спросил: «Приветствует вас по срочному делу ваш безропотный слуга Полянов из Вельска. Скажите, уважаемый Николай Николаевич, вы когда-нибудь встречались с Андреем Антоновичем Пузырьковым?» — «А в чём дело, Юлик?» — «У нас в городе появился молодой человек по имени Антон Антонович Пузырьков. Приехал тайно, одет скромно, даже неряшливо, под легендой, прошу прощения, чистильщика обуви. Вид у него одичалый, как у давнего бомжа, а в кармане самые известные кредитные карты. Ведь странно? Но, повторяю, отчество и фамилия совпадают, место регистрации тоже... Я подумал, уж не с инспекцией ли он прибыл в наш край? Мне бы на фото Андрея Антоновича глянуть». — «Да, озадачил ты меня, Юлий Михеич. Я-то сам его не видел, но могу спросить у полпреда. Согласен, история тёмная. И небезопасная для всех нас. Необходимо как следует всё проверить. И если подтвердится, что к тебе в город тайно прибыл брат *самого*, то мы с полпредом срочно вылетим в ваш Вельск. Кто знает, какие населённые пункты он собирается инспектировать. Молодец, Юлик. Хорошо сработал. Теперь нас на мякине не проведёшь. Ты уж прими его как положено, по-царски. Девками окружи. Я тут делегацию сформирую и срочно прибуду. Через пару минут перезвоню».

Полянов судорожно оделся, подошёл к туалетной комнате и постучал лёгким прикосновением фаланг:

— Как вы там, Антон Антонович? По городу ходит кишечная зараза, так что уж простите за маленькие неудобства. Эту процедуру для наших именитых гостей рекомендовали известные доктора. У вас всё в порядке? Кишечник очистился?

— Нет, но я уже сел на толчок и жду, — огорчённо ответил молодой человек. По изменившемуся тону хозяина он почувствовал, как рушатся его надежды. Это обстоятельство привело молодого человека в отчаяние. Всё, что немыслимо для обыкновенного человека, для него предмет мечты. И никакие увещания ему не помогут стать другим.

— Я тут, рядом, — ворковал за дверью Полянов. — А дверь туалетной комнаты уже открыта. Моя команда просто старалась выказать деликатность... чтобы вас никто, так сказать, не беспокоил.

«О-о-о-о! Мечты, мечты! — думал разъярённый Пузырьков. — Я более не удивляюсь, что они никак не становятся явью. Кто-то преднамеренно блокирует мой шанс подвергнуться попытке унижением. Не потому ли, что я являюсь ярким представителем самого забывчивого, самого страстного, самого незаконопослушного и самого образованного, а потому самого несчастного и оскорблённого народа? Чем же другим можно объяснить стремительное преобразование Полянова? Ещё минуту назад этот голый идиот третировал меня, собираясь и вовсе изжарить! И вдруг обращается ко мне на «вы», говорит подобострастно, как с фигурой из высшей власти. Какие силы повлияли на него, что он так развернулся? Но кого тут упрекнёшь, кроме самого себя, выбравшего для удовольствий такое состояние, как крайнее унижение? И абсолютно ничего другого!»

Молодой человек испытывал подлинное страдание из-за несбывшихся планов. Единственное, что поддерживало его, была надежда на новые повороты судьбы.

В этот момент у Полянова зазвонил мобильник. «Юлька! — услышал напуганный глава Вельска. — Андрею Антоновичу Пузырькову около тридцати. Рост примерно сто шестьдесят сантиметров. Худой, невзрачный на вид, носик маленький, волосы редкие, русые, глаза светлые. Лицо с оттенком болезненной желтизны. Москвич. Касательно брата чёткой информации нет: вроде он есть, а может, и нет. Но нам рисковать нельзя... А как выглядит твой?» — «Ох, Николай Николаевич, в точности как вы обрисовали. Будто перед вами сидел наш чистильщик... Простите, оговорился. Хорошо бы узнать, нет ли у Андрея Антоновича этакого чудачества богатого человека — перевоплощаться в непрезентабельную личность, чтобы тайно контролировать подвластные регионы? И ещё: может, он лишь представляется Андреем Антоновичем, а по паспорту Антон Антонович?» — «Как такое узнаешь? Такие загадки только в столице разгадываются. Я через минуту тебя опять наберу. Доложу шефу, а уж он решит, как поступать дальше. Эх, не нравится мне всё это. Эта странная история становится не только таинственной, но крутой и узловатой. Способны ли мы будем развязывать эти крепьши?»

Телефон умолк, а Полянов всё глубже стал понимать опасность ситуации, в которой оказался. Вчерашний доклад майора о новой в городе фигуре ничего особого не предвещал: появился неприметный чистильщик обуви, арендовавший один квадратный метр у вокзала для своего крохотного бизнеса. Скорее всего, подумал тогда Полянов,

этот тип без роду и племени. Для ночлега ему по жалости выделили милицейский гараж. Ни одна женщина Вельска, пожалуй, не захотела бы взять его в любовники или мужья. А местные мужики не стали бы приглашать его на распитие водки — только если бы он сам купил её и поставил на стол. По описанию Сан Саныча, Пузырьков представлялся одиноким и нелюдимым мигрантом. Именно из этой категории отбирался материал, который Сан Саныч время от времени поставлял своему шефу на обеденный стол. Шеф его был человеком солидным, крепко держащим в зубах всю городскую власть. Впрочем, и весьма солидные люди, независимо от национальности, социального статуса и эпохи, обычно имеют свои маленькие слабости — одну либо несколько. Имелась такая чертовщина и у Полянова. Он сам, а также вся его семья и челядь, обслуживающая добротный особняк, были гурманами и особую любовь питали к человечине. Начальник города полагал, что именно «коллективностью» пикантной трапезы гарантируется его собственная безопасность.

Опять зазвонил сотовый. Поляков схватил трубку и прижал её к уху: «Юлька, мы вылетаем вертолётom. Глава округа и я. Главный по финансам и прокурор сидят на чемоданах и ждут нашей команды. Готовы также вылететь в любой момент. Второй вертолёт МЧС стоит заправленный. Так что встречай. Через час будем. Возьми с собой своего Пузырькова. Конечно, надо его переодеть — в таком затрапезном виде нельзя его нам представлять. Позор! Действуй, но осторожно».

Юлий Михеевич ринулся к туалетной комнате.

— Как вы там, любезный Антон Антонович? Полегчало, освободились от возможной заразы? — нежно прогундосил он в замочную скважину. — Не гневайтесь, для вашей же пользы стараемся. У нас в городе девиз — каждый гость должен быть защищён от инфекций. Так что располагайте мной по своему усмотрению. Сейчас поедem в наш бутик. Посмотрим, что там есть для высоких столичных особ. Выбор, между прочим, богатый! Ведущие кутюрье мира представляют свои изделия.

Дверь отворилась, и Пузырьков вышел в крайнем смущении. Мирно достичь своей цели — пережить жестокие надругательства и получить в итоге желанное удовлетворение — ему, похоже, не удастся, думал он. «Почему моё чудачество так фатально наталкивается на сопротивление чужой воли? Я хочу выделиться из толпы и побудить общество к публичному обсуждению важной мысли: то, что привычно, обыденно, может быть пересмотрено! В будущем могут утвердаться совершенно новые стандарты и оценки. Добились же признания гомосексуалисты и лесбиянки. Их отклонение от нормы

перестало страшить публику. Зато многое из того, что было общепринято вчера, идеалы, которые отстаивались десятилетиями, сегодня повсеместно отвергаются. Заблуждение сознания — слишком человеческий феномен. Он ведёт людей от ошибки до эволюционного скачка и вновь до очередной ошибки. Мы движемся по спирали заблуждений и прозрений. Без этой борьбы противоположностей нет полноценного развития вида. Чтобы представить человека, его образ и особенности, совершенно не нужно изучать его скелет, рассматривать фотографии, рисовать портрет или описывать внешность. Необходимо понять, что происходит в его сознании, проникнуть в окружающую его атмосферу. Ведь всё живое развивается, изменяется. Профиль и анфас никогда не остаются прежними, мысли и поступки всегда опережают опыт. Боги! Подарите восторги Пузырькову!»

В этот момент до плеча Антона Антоновича нежно дотронулся Полянов:

— Любезный господин Пузырьков, прошу прощения, я несколько раз обращался к вам, но вы были заняты размышлениями. Пришлось нарушить... Нас ждут в бутике. Через час в город по служебным делам прибывает глава региона с сопровождающими лицами. Я хотел бы представить его вам. Но вы, прошу прощения, не совсем... не в том... Одним словом, предлагаем вам более респектабельные одежды. Позвольте проявить гостеприимство! Вот на время шёлковый халат и немецкие кроссовочки. Ваши вещи уже в стирке и в гладильной. Будьте любезны пройти к машине...

— Прошу прощения, я не готов и не желаю участвовать в официальных встречах. Я чистильщик обуви. Моё положение никак не связывает меня ни с вами, ни с начальством федерального уровня. Отдайте мою одежду, и я пойду своей дорогой. Мне деньги нужно зарабатывать на жилье и еду.

— Еды у нас хватает, тайга богата дичью. Вы, часом, не охотник? Может, сходим на волка или на медведя? К нам многие именитые москвичи на дичь приезжают. Грибов уйма, ягод. Вам и нагибаться не нужно, вельские красавицы для вас полные корзинки боровиков наберут и вас в голубых озёрах искупают. А если угодно, и с эротическим массажем, душевными песнями и краткими любовными приключениями.

— Как вы не понимаете, я скромный и совершенно посторонний вам человек! Всё человеческое в обычном понимании мне чуждо. Выпивки, танцы, охота, девочки, шмотки — всё это не предмет моего интереса. И ни в какие бутики я не поеду! Я ношу свою одежду и прошу её немедленно вернуть, чтобы я мог покинуть ваш замечательный хаммам. Впрочем, русская баня мне больше нравится. Точнее, нравилась.

Сегодня такие заведения меня не волнуют. Кстати, хочу заметить, и примите мои слова всерьёз, мне нет необходимости искать предлог, чтобы откланяться. Я просто, так же как давеча вы, пойду по улицам голым! — Тут какое-то странное выражение исказило лицо Пузырькова.

Гордое спокойствие, уверенность и столичный говор окончательно ошеломили Полянова. Он с ужасом уразумел, что перед ним действительно не простая птица, а важная персона, прибывшая в Вельск с тайной миссией. Глава города, впрочем, как всякий бюрократ у нас в России, больше всего боялся вышестоящей власти и контролёров, ею посланных.

— Вы, господин Пузырьков, человек благородный. Прошу вас, не губите меня. Я дал своему руководству слово привести вас на торжественный ужин. У меня будет масса неприятностей, если вы откажетесь провести с нами вечер и побеседовать на актуальные темы. Можете располагать мной как угодно. Для такого гостя, как вы, я готов на все. Требуйте... нет, не так я выразился... выкажите желание лёгким словом, намёком, взглядом, щелчком пальчиков, поворотом носика... Я сделаю всё, чтобы усилить ваши позиции в крае, украсить ваше пребывание в нашем уютном городке. Нужна вам земля под долгосрочную аренду или под мизерный выкуп в пойме рек, в лесных массивах, в зонах месторождений золота, нефти, газа, угля, да чего угодно, ведь край наш богатый, — всё тут же будет выполнено. Берите в управление любой комбинат, фабрики, банки, железные дороги, каскадные сети электропередач. Всё ваше! Не желаете облачаться в новый костюм? Понимаю! Богатые люди не обращают на такие мелочи никакого внимания. Им даже в кайф: перед ними сидят расфуфыренные чиновники, а они сами в драных майках, в стоптанных ботинках, поношенных джинсах... И при этом распоряжаются своими подданными, как мальчиками на побегушках. Да, небрежность в одежде — привилегия богатых. Впрочем, кому богатство, а кому головная боль и страдания. Так молю вас, Антон Антонович, не губите вашего преданного слугу! Отныне в нашем регионе я смотрящий за вами, за вашим спокойствием и комфортом, благополучием и здоровьем. Мои агенты будут оповещать меня о ваших перемещениях и проблемах. Я хочу, я должен знать о вас всё и каждую минуту, чтобы тут же оказать помощь. Русские севера — зона повышенной опасности...

Доктор Райский бесстрастным голосом произнёс в микрофон: «Пожалуйста, следующий».

В кабинет вошёл высокий, подтянутый, прилично одетый человек с огнём в глазах и, судя по виду, полный энергии. Тело его буквально вибрировало от избытка эмоций. Размахивая руками, он сразу начал рассказывать:

— Меня мучают события, далёкие от меня по времени и пространству. Поэтому я часто теряюсь и не в состоянии определить, где я конкретно нахожусь, к какой эпохе принадлежу, в какой субстанции существую, каким силам сопротивляюсь. Не знаю, насколько вы способны избавить меня от этого постыдного положения, от этих странных навязчивых ощущений. Но я всё же надеюсь на компромисс между ближним и дальним, между существом и антисуществом... — В голосе пациента звучала мольба. — Ведь со мной случаются довольно престранные вещи, которым я не могу найти объяснения. Вам может показаться, что это чепуха, но я поглощён происходящим. Вот, к слову, плотные и твёрдые планеты, скорее всего, не испытывают сопротивления. Но это ещё ничего не доказывает относительно комет, у которых объём бывает в тысячу раз больше, а масса в тысячу раз меньше! Если же говорить о комете Исидор, такое сопротивление почти доказано. Значительную часть своего пути она делает в той области мирового пространства, где рассеяно вещество зодиакального света. Между тем плотность её ничтожна. Через её центр я наблюдал двойную звезду 12-й величины, и яркость света звезды почти не уменьшалась. Ясно, что по плотности эта комета близка к зодиакальному свету, и, значит, сопротивление не может быть незаметным. Предположим даже, что всё остальное пространство Вселенной совершенно пустое и не оказывает кометам сопротивления. Тогда почему присутствия зодиакального вещества вполне достаточно, чтобы объяснить, почему уменьшается время обращения и меняется форма пути? Может, причина этого явления — сопротивление мирового эфира? Те-

перь перенесёмся на Землю. У нас-то всё по-другому, а это противоречит законам физики. Плотность и объёмы, твёрдость и сопротивление человеческого сознания не влияют на его сущность, на движение его жизни. Но так не должно быть! Ведь энергия любого существа или вещества всегда определяется тремя факторами: объёмом, массой и сопротивлением. С этими вопросами я пришёл к тебе! — Видно было, что пациент глубоко страдает от подмеченного в природе разлада.

— Прошу прощения, — хладнокровно разочаровал его доктор Райский, — я занимаюсь лишь соотношением объёма тела к массе лекарственного вещества, повышающего сопротивляемость пациента к инфекционной среде. Диагностировав особенности вашего расстройства, рекомендую к приёму ал.....ан. Чудесное средство. Необходимо принимать его три раза в день в течение месяца. Сопротивляемость вашего организма с каждым днём будет повышаться, и вы легко справитесь с внешним давлением. Приходите через неделю. Я должен знать динамику процесса. При необходимости её надо будет усиливать. Впрочем, могу заверить, что через месяц-два ваши навязчивые идеи исчезнут и вы обретёте спокойствие. Пройдите в кассу.

— Минутку-минутку! Так быстро — и уже платить? — Пациент стал нервно вышагивать по кабинету. Слова доктора он воспринял как личное оскорбление. — Уже касса? Какое несоответствие между моим пустым кошельком и объёмами твоих требований! Меня пугает столь меркантильный подход! А говоришь о скором наступлении спокойствия. Не верю! И потом, что с главным вопросом? Как быть с беспокойством, нарастающим во мне: почему всё, что не во мне, я никак не чувствую, не распознаю и даже не верю в его реальность? Как объединить всё, что пока не во мне, с собой или себя со всем общим, обогатив тем самым одно другим? Получился бы великолепный состав. Понятие «я» стало бы наконец действительно сверхчеловеческим. Универсум — это Я, а Я — это Он! С этой задачей я к тебе пришёл и прошу помощи. Категорически отказываюсь жить в собственном мире. Мне по душе Вселенная в себе! Я хочу чувствовать её мельчайшие возмущения и смутные желания. Честно говоря, мелькает мысль, что ты совершенно не способен помочь мне в этом. Кажется, меня излечит только смерть. Если окончательно уверюсь, что визит к тебе бесполезен, отправлюсь именно по этому адресу. Что скажешь, Райский? А денег у меня нет, страховка истекла три года назад.

Вопреки своему обыкновению, доктор Райский уступил:

— Визит не обязательно оплачивать сразу. У нас действует система беспроцентного кредита. Я бы усилил сопротивление вашего организма навязчивым наваждениям. Прописываю ещё и г...ол. Когда

вы успокоитесь и достигнете гармонии в отношениях с Универсумом, спокойно обсудим вопрос гонорара. Я не настаиваю. Но вы сами желали чувствовать тончайшие колебания Вселенной. А я, так же как и вы, стану её частью в вашем сознании. В этом смысле мне не надо волноваться, ведь, по вашей версии, вы станете рассчитывать с самим собой, а я, получая деньги, буду убеждать вас, что деньги получил не я, а вы, или, ещё точнее, мы с вами в одном лице.

— Это мне нравится. Ха-ха! Прошу поподробнее! — Пациент нервно усмехнулся. Рыжий тучный доктор с усталым, печальным взглядом заинтересовал его. Ему захотелось заглянуть доктору в глаза, встретить не обличителя своего странного состояния, а единомышленника, столь же опьянённого идеей, последнее время преследовавшей его. — Значит, по-твоему, не важно, кто из нас станет принимать таблетки г.....ола или ал.....ана? Ты или я? Денег на покупку медикаментов у меня нет. Если ты — это я, а я — это ты, значит, совершенно не важно, кому усиливать сопротивляемость организма. Он у нас единый, общий! И нет никакой разницы, кто сейчас пройдёт в кассу — я или ты. Поэтому, прощаясь, скажу: я приду через неделю, а ты — оплати визит к врачу. Я же говорил, что моя концепция вбирания в себя всего мира облегчает жизнь. Ха-ха! Она становится по-настоящему прекрасна. Увлекательна! Ошеломительна! Да, кстати, денег на еду у меня тоже нет, но хочу знать, что ты поешь на обед. Впрочем, и говорить не надо. Я сам почувствую. Ведь запах еды донесётся до нас одновременно, и желудок в одночасье наполнится яствами. Таким образом, мы уравниваемся в правах и обязанностях, в чувствах и поступках, а точнее, становимся единым целым. Но хватит ли у тебя мужества называть себя Ильей Пресняковым? Я лично без особого надрыва могу называть себя Наумом Райским. А вместе мы можем считать себя генералом Багратионом. Но что это означает — носить в себе Вселенную? Это не только что-то необыкновенно огромное, например солнце в душе, но и чрезвычайно малюсенькое, например червячок или букашка, солитёр или клеточка мочевого пузыря, или вообще бесплотное: гениальная мысль или абсурд, унижение или ликование, хлесткая пощёчина или страстный поцелуй, горькая чужая слюна или лунный холод... Вот к чему я стремлюсь! Поэтому я теперь хочу пойти дальше в своей откровенности. Действительно, заполнившая моё сознание идея «Я в Универсуме, а Он во Мне» настолько мощна, что увеличивает интеллект в несчётное количество раз, а это приводит к непереносимому несоответствию между объёмом сознания и массой тела. После этого я никак не могу в нём уместиться. Его границы настолько ничтожны, что меня начи-

нает преследовать страх окончательного разложения. Другого способа лишить себя материальных пределов нет, или, во всяком случае, мне они пока неизвестны. Итак, уважаемый доктор Райский, ты должен помочь мне достичь такого состояния, в котором я без малейшего ограничения обрету способность относить к себе абсолютно всё, что происходит во Вселенной! При этом на меня не должны влиять сопротивление мирового эфира и вещества зодиакального света. Необходимо сделать так, чтобы весь мир сообразовался, сосредоточился во мне, а я растворился в нём. Ибо только этого отчаянно жаждет моё сознание. Потому что это единственный способ воспринять мир в его целостности, а не довольствоваться мизерным, жалким фрагментарным людским бытом, приводящим к мрачной идее самоотрицания... Ну, я пошёл, — бодро заключил пациент, взглянув на доктора.

— Да-да, через неделю. Отнеситесь серьёзно к таблеткам. Они помогут найти гармонию между объёмом мира и массой вашей плоти. Душевное спокойствие зависит прежде всего от того, насколько мы понимаем самих себя. И субъективное в этом вопросе значительно преобладает над объективным.

— Не забудь оплатить счёт, — усмехнулся Пресняков. — А на обед закажи что-нибудь овощное. Когда-то мне нравились тонко нарезанные и слегка обжаренные на оливковом масле баклажаны. Только не пользуйся китайскими палочками, я их опасуюсь. Боюсь занозить нёбо и язык. Пользуйся европейскими столовыми приборами. Пока. — И пациент вышел из кабинета.

«Такие больные мне знакомы, — подумал Наум Львович. — Ярко выраженный нигилистический бред с мегаломистическими фантазиями. Классический синдром Котара. Нуждается в стационарном лечении. Надо дать поручение, чтобы его принудительно положили в институт С-ского».

После небольшой паузы из динамика в коридоре опять раздался ровный голос доктора Райского: «Пожалуйста, следующий».

На сей раз в кабинет вошёл человек лет тридцати, приятной наружности. Казалось, он пребывал в глубоком смущении: отводил взгляд и будто старался съёжиться.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался участливо Наум Львович.

— Я — чрезвычайно плохо. А вы? — задиристо спросил вошедший.

— Не жалуясь. Но пришли-то ко мне вы. Тут я задаю вопросы.

— Значит, вы не русский, — нервно фыркнул молодой человек. — Прочтя вашу фамилию, я засомневался, а сейчас в этом уверился. Вы не русский! Иначе не чувствовали бы себя хорошо. Или вы не читали

Николая Лескова? После чтения его сочинений ощущать себя русским чрезвычайно болезненно. Именно после него я захворал и стал неприятен, даже отвратителен самому себе. Никак не могу обрести покой. Но дальше ещё хуже...

— Что же такого написал Лесков?

— Так и есть, вы его не читали. Боюсь говорить, что он себе позволил. Если вы русский, обязательно занежете. Так вы русский или нет?

— Россиянин, но не русский. Так в чём всё-таки дело?

— Если не русский, вам опасаться нечего. Уже неделя как я прочёл один пассаж, так эту фразу из моей головы никак не выдернешь! Звучит, зараза, всё громче и громче. Я пытался уши воском залить, водки напиться, снотворным себя наглухо усыпить, но не уходят от меня эти гадкие строчки, столь унизившие меня как личность. Слово татуировки в мозгу навечно нанесли! От юной восторженности не осталось и следа.

— Так что это за фраза такая?

— А написал сей автор следующую ересь: «Да неужто кто-нибудь может надеяться победить такой народ, из которого мог произойти такой подлец, как Чичиков?» Что означает это послание будущим поколениям? Что мы все подлещи! Мерзавцы! Негодяи! А ведь я, например, за свою недолгую жизнь даже бабочек не ловил, тараканов подошвой не затирал, мух не травил. И почему это я должен считать себя подлецом, да ещё и высшей гильдии? Доктор, помогите мне избавиться от навязчивых, унижающих слов Лескова! Христа ради прошу! Я теперь даже с подружкой-узбечкой в постель ложиться стесняюсь. Меня на секс перестало тянуть. Тяжко национальное оскорбление отразилось на эрекции — я перестал её ощущать. Раньше, помню, идёт по другой стороне улицы красивая девушка, а у меня бельё начинает по швам трещать, трусы от поллюций влажными становятся... А после Лескова ничего подобного уже не происходит. Жуткое стеснение прочно поселилось в душе. С надеждой стал искать в родословной признаки нерусского своего происхождения. Но как упрись в русскость, так начинаю по новому кругу всю родню перемальвать. Знаю, что никого, кроме русских, в генеалогии нет, только немереная сила протеста тянет и тянет для успокоения что-то инородное в своей генетике найти. Оскорбил меня глубоко Николай Лесков. Душа всё вопрошает: «Да неужто мы все такие подлещи, как Чичиков?» Никакого покоя! Ответьте, доктор: какой рецепт способен исцелить моё расстроенное сознание? Попытался я обзреть национальную культуру, но ничего дурного,

чего можно стесняться, в ней не нашёл. Более того, на короткое время даже возгордился, что я не кто иной, как русский. Но как стал приглядываться к соотечественникам, как стал анализировать их поведение, глубже вникать в их быт и ментальность, засмутился больше, чем после знакомства с высказыванием Лескова. Боюсь признаться в выводах, и слава богу, что вы не русский, а то бы выгнали меня в шею из кабинета. Так вот: мы, русские, нынче опошили себя беспардонно! И клеветаем друга на друга, и запросто самым низким образом оскорбляем своих сограждан. Манеры наши выдают ненависть к окружающим, а не изначальное дружелюбие. Возносим убогость в мыслях и чувствах, поощряем самолюбование, а не скромность. Нужду презираем, как физическое уродство, а богатству поём панегирики, словно природной гениальности. Интеллектуальное наслаждение почти забыто, вместо него возводятся в культ чувства телесные и потребительские. Если после прочтения Лескова я негодовал на автора, то нынче, осмотревшись, полон сомнений. Это состояние, видимо, стало причиной моей временной, а может быть, и окончательной импотенции. Нет-нет а приходит в голову мысль: зачем плодить такой бездарный этнос? Я даже близок к заключению, что импотенция — это не что иное, как природная реакция на порочность русского человека. И эта кара коснулась не только меня. За последние шестнадцать лет в стране ежегодно рождается меньше одного миллиона человек. При средней продолжительности жизни шестьдесят лет через тридцать лет нас станет не больше семидесяти миллионов, а через сорок — около пятидесяти. Как же нам с таким малочисленным населением удержать страну в границах 1991 года? У кого просить помощи?

Взгляд молодого человека на мгновение вспыхнул и тут же погас. Лицо опять приняло страдальческое выражение. Он замолк, потупился, закрыл лицо руками и беззвучно зарыдал.

— Успокойтесь, любезный, — обратился к нему Наум Львович. — Постарайтесь переместиться в безлюдные просторы с открытым горизонтом и высоким северным небом. Перед путешествием попейте месяц-другой ам.....ин по две таблетки три раза в день. Обязательно возьмите в поездку альбом семейных фотографий. Спокойные и радостные лица ваших родных придадут вам жизненных сил и избавят от болезненных переживаний. Их острота ослабеет. Вы пробудитесь к жизни. Станете замечать грибы, берёзовый сок, почувствуете укусы ядрёных северных комаров, услышите крики и пение птиц, полакомитесь черникой с куста. Это значительно снизит вашу возбудимость. Вот рецепт. На первом этаже в кассе оплатите визит, а в аптеке за углом купите лекарство. Через неделю жду.

— Спасибо... Как вы думаете, кто всё-таки виноват в моём состоянии — Николай Лесков или национальная реальность? Слова писателя или сюжеты нашего быта? Впрочем, порча моего сознания могла стать следствием и другого престранного обстоятельства. Достаточно мне войти в Интернет, как из компьютера на меня набрасывается рой тараканов. Вместо того чтобы погружаться в мировую паутину, приходится отбиваться от мерзких насекомых. Больше часа я этого сражения не выдерживаю. Надломленный схваткой, в изнеможении сваливаюсь и подолгу лежу в забытьи.

— Своё мнение о причинах вашего недуга я сообщу вам через неделю. Необходимо проанализировать динамику влияния на молодой организм ам.....ина. До свидания!

«У этого парня, — подумал Наум Львович, — ярко выраженная депрессия, отягощённая бредом самобичевания. Случай редкий, но не уникальный».

— Можно ещё вопрос? — не унимался визитёр. — Я тут недавно приобрёл одну маску. Это лицо молодого китайца, лысоватого, с ярким румянцем и весёлой улыбкой. В последние дни я с этой маской почти не расстаюсь. Мне так легче на душе, и сознание смягчается, оно уже не так категорично в своих постулатах. Если раньше народ смотрел на меня довольно злобно, то теперь ловлю удивлённые и даже одобрительные взгляды. Такое ощущение, что доставляю людям радость. Скажите, доктор, есть ли у меня право взять маску с собой в путешествие к безлюдным местам и высокому небу? Она для меня как для вас этот ам.....ин. — Молодой человек свернул рецепт в трубочку и положил в карман белой рубашки.

— Есть, есть такое право. Я не запрещаю ходить в маске. До свидания... Следующий! — торопливо произнёс доктор.

В тот же момент в кабинет быстро вошла женщина лет сорока с длинной растрёпанной косой. Она смотрела в одну точку, глаза её были словно подёрнуты плёнкой, кожа худого лица отдавала желтизной. Кривые, выступавшие вперёд зубы, явно давно не чищенные и с отколотыми краями, могли вызвать брезгливость. Но Райский не обратил на запущенный вид пациентки никакого внимания.

— Не пойму, кто из вас доктор, — недовольно заговорила женщина. — Один в белом халате, другой в белой сорочке — так не положено страдальцев путать! Так кто из вас доктор?

— Минутку, присаживайтесь. До свидания, молодой человек! — Наум Львович встал и широко открыл дверь.

— А можно мне тоже поприсутствовать на приёме? — не трогаясь с места, спросил упрямый пациент.

— Категорически против! — рявкнула женщина с косой. — О своём горе публично рассказывать не желаю. Пошёл вон, дурак! Тебе дверь открыли...

Жертва Николая Лескова вышел, но, оказавшись в коридоре, тут же приник ухом к замочной скважине. «С чем она пришла? На какую помощь рассчитывает?» — сгорал он от любопытства.

— Успокойтесь и, пожалуйста, скажите, на что жалуетесь. Только подробнее. Я постараюсь вам помочь. — Доктор Райский говорил медленно, мягко и буднично. Его вид располагал к доверию.

— Я несколько раз обращалась в полицию, говорила, что он не приходит, — начала женщина неуверенно. — А менты велют, чтобы я сама его искала. А как мне его найти? Где он обитает? Вы моя последняя надежда.

— Кого вы ищете? — поинтересовался Наум Львович.

— Мужа! Гражданского. Колю... Ночью он всегда рядом, ублажает меня, да так чудесно, что я от восторга даже покрикиваю и, очарованная, волосы на себе рву. Только днём его никогда не сыщешь. Как я ни пыталась его удержать, он всегда от меня утром ускользает. Что, счастье исключительно ночью? А если я и днём его хочу? Какими силами противостоять дневному вожделению? Вот что я вам скажу. Женское чувство подсказывает мне, что именно вы способны мне помочь. Да-да! Я чувствую, что передо мной тот самый человек, способный вернуть мне Николая на постоянно. Он мне круглые сутки нужен, а не только по ночам! — Женщина вскочила, схватила Райского за руку, поднесла её к своей плоской груди и, прикрыв глаза, забормотала: — Жажущим взглядом он раздевает меня медленно и нервно! Гладит грудь жаркими, дрожащими руками. Я чувствую, как дымится его фаллос и направляется правильным курсом. И я, как опытный лоцман, помогаю ему войти в бурлящую гавань своей плоти. И тогда девятибалльный шторм сладостным приливом и отливом сводит меня с ума... Доктор, дорогой, золотой, обеспечьте мне его в дневные часы! Умоляю вас! Я даже знаю, как его поймать и навечно поселить в моей квартире.

— И как же? Расскажите!

— Ох, если бы вы согласились... Какое счастье! Это легко сделать. Уже всё готово. Я даже верёвки купила. Надо лишь одну ночь подежурить у моей кровати. Как только вы услышите мои восторги, стоны — верный знак оргазма, набрасывайте на его ноги верёвки, связывайте его, и он у нас живёхонький. А то больно хорошо мужик устроился: ночью со мной, а днём неизвестно где шастает. Нет чтобы днём меня в кино или в кафе пригласить, на балконе с сигареткой постоять, чтобы соседи знали, что я не одна, а замужем состою. Коль-

ка — парень видный. Пора на его вольнице ставить крест. Пусть днями дома отсиживается. И ещё: надо отучить парня от бранных слов в мой адрес. Иногда хлещет ими, словно кнутом, по моему личику. В такой момент меня охватывает бешенство, так и швырнула бы его в сточную яму! Так что, согласны оказать мне помощь? Я вам не только деньгами заплачу. Хотите интим-услугу? Я могу! На седьмое небо взлетите. Надолго запомните Наталью Ивановскую.

— Уважаемая госпожа Ивановская, — сухо пресёк её предложение доктор, — к сожалению, я на рабочем месте. В другой раз обсудим этот вопрос. К тому же должен вас огорчить — меня давно не волнуют половые проблемы. Импотент. Однако есть способ отлова вашего Николая...

— Да что вы? Какая радость! — ахнула пациентка. — Рассказывайте. Я вся внимание.

«Параноидальное состояние, бредовое расстройство, — заключил Наум Львович. — Эротоманический синдром. Пропишу ам...ин. Неделю внутривенно, а потом на месяц усиленную дозу г...ума».

— Врачебная методика связана с приёмом лекарственных препаратов, — объяснил он любезно. — Пропишу вам полезные таблетки, способные остановить вашего сожителя на пороге при намерении покинуть вас. Через месяц-другой вы перестанете его искать. Он всегда будет рядом, или вы его забудете навсегда.

— Что, появится другой? Постоянный хахаль? Может, мне купить новое платье и бельё?

— Я не предсказатель, но всё может быть. А по поводу белья зайдите в женскую консультацию или обратитесь к сексопатологу.

— Почему я к вам не пришла раньше? А сейчас, видно, надо торопиться. Скажите, как мне ваши таблетки принимать?

— В рецепте все указано.

— А если выпить все сразу? За один-два дня? Николай или кто другой возникнет быстрее?

— Режим и дозировку нельзя нарушать. Иначе и один и другой могут навечно исчезнуть. Строгое следование рекомендациям врача — залог полного успеха, — твёрдо сказал Райский. — Вот вам рецепты. На первом этаже касса. Прошу оплатить. Следующий!

— Так вы точно не хотите интима? Пожалее, — вздохнула Наталья Ивановская.

— Я же вам объяснил.

— Я вас вылечу... Вы у меня станете половым агрессором!

— Простите, у меня приём. — Доктор распахнул дверь кабинета и обратился к очереди: — Кто следующий? Заходите!

7

Начинало вечереть. Для первой декады июня погода стояла жаркая. Низкое солнце накрывало листву оранжевой шалью. Пение птиц, стук дятла, журчание змеевидного ручья, над которым плясали стрекозы, кваканье лягушек, жужжание жуков, ароматы плюмерии, жасмина и канатника, деливших парк на разноцветные островки, — всё это сливалось в гимн гармонии природы. Дамы в пресном уединении прогуливались по тихим тенистым аллеям городского парка. Тайные надежды встретить свободного кавалера постепенно гасли, а вместе с этим менялась и походка женщин. Она становилась тяжеловатой и обречённой. Навстречу им то и дело неслись влюблённые, восторженно галдящие парочки, замороженные молодостью. Таких счастливых провожали завистливые взгляды засидевшихся невест. Словом, подходил к концу обычный день областного российского города, всё глубже оседавшего в свою безотрадную колею.

Никита Петрович Барский готовился к встрече с д-ским губернатором. Две аудиенции уже состоялись, предстояла завершающая встреча в городском парке. Менеджер по скупке чиновников и первое лицо субъекта федерации должны были согласовать многочисленные детали и окончательно *договориться*. У агента Пузырькова Барского были предусмотрительно оборудованы три точки тайной записи переговоров: в галстучной булавке, на бляшке ремня и в каблуке правого башмака. А в кармане пиджака у него лежал договор о добровольной передаче всех губернаторских полномочий структурам Пузырькова. Самым щекотливым вопросом был срок действия договора. Барский настаивал на пожизненных обязательствах, губернатор же соглашался на четыре года своего пребывания в нынешней должности. После конфузоз, за которые Барского подверг жёсткой критике сам Андрей Антонович, менеджер страстно хотел выслужиться. Располагая суммой в десять миллионов долларов на приобретение Григория Пуговкина, он вначале предложил губернатору семь с половиной. Григорий Исаевич долго выторговывал ещё один милли-

он. И вот на завершающей встрече Барский, имея в резерве полтора миллиона долларов, решил пойти ва-банк и сломить сопротивление оппонента. Расчёт был простой и верный — резко повысить ставку в обмен на пожизненную кабалу.

Они встретились у свежевыбеленных парковых колонн в начале аллеи. Барский был выше и тучнее губернатора. Тот шёл чуть впереди, опустив свою вытянутую голову и с усилием переставляя ноги. Вид у него был мрачный. Казалось, губернатор безуспешно пытается что-то вспомнить. Отстав от него на шаг, шёл Никита Петрович. Он про себя вёл предстоящий диалог, выдвигал веские аргументы, позволяющие ему окончательно склонить губернатора принять пузырьковские условия. Располагая богатым опытом купли-продажи нужных людей, Барский отлично понимал, какие страсти борются сейчас в душе сановника. Что победит — долг или алчность, страх перед законом или надежда его обойти? Никиту Петровича нельзя было уверить, что в человеке могут существовать некие обстоятельства непреодолимой силы, нравственные тормоза, способные перевесить соблазн материальных благ серьёзного масштаба. О, с каким нетерпением он ждал сейчас финального разговора, чтобы без суеты и нервов, с профессиональным блеском снести любые преграды.

Вдвоём они тем временем дошли до покосившейся деревянной изгороди, на столбах которой ржавели обрывки колючей проволоки. Несколько раскинувшихся берёз располагали к приватному разговору. Оба одновременно остановились и взглянули друг на друга. Барский улыбнулся. Губернатор ответил кислой гримасой.

— Что ж, продолжим обсуждать извечный вопрос, что почём? — начал первым Барский и сострил: — Ведь именно с этого вопроса — сколько стоят роды — начинается жизнь!

— Своё мнение я уже высказал, — сухо заметил глава Д-ской области. — Мои полномочия в течение четырёх лет оцениваются в восемь с половиной миллионов долларов... — Он говорил немного в нос, как при насморке.

— Вы имеете в виду эксклюзивное право нашего холдинга? — вкрадчиво уточнил Барский. — Ни одного хозяйственного решения, ни одной подписи на выделение бюджетных средств государственной или частной структуре без нашего согласия, так?

— Да... — неохотно подтвердил Пуговкин.

— И в рамках соглашения формирование вашей основной команды мы тоже берём на себя. Будем сами подбирать людей на должности первого заместителя губернатора, заместителей по финансам и силовым структурам. Председателей тендерных комиссий по разработке месторождений вы также утверждаете по усмотрению Пузырькова.

Вице-губернаторов по культуре, социальной политике, образованию и профессионально-техническому обучению можете назначать сами, но все же согласовывая с нами. Нельзя забывать: чёрная овца все стадо портит!

Барский выждал паузу и продолжил:

— Уважаемый Григорий Исаевич! Вы должны понимать: ангажируя вас за крупную сумму, мы крайне заинтересованы сохранить вас в должности, несмотря на любые побочные расходы. Чтобы прикрыть вас силами когорты московских должностных лиц, как и силами чиновников вашего федерального округа, потребуются инвестиции в сумму не меньшей, чем получаемая сейчас вами. Платить же двадцать миллионов долларов за дотационный субъект федерации в расчёте на четыре года — сомнительное мероприятие. Поэтому мы и настаиваем на пожизненном договоре. Только он обеспечит наше оптимальное сотрудничество. Скажу без обиняков — это для вас большая удача. Если вы проявите талант управленца и преданность упомянутому лицу, карьерный рост вам обеспечен. Должность заместителя руководителя федерального округа и даже федерального министра — вопрос времени. Ко всему прочему я добился согласия руководства на новые условия. Внимание! Вы получите единовременно девять миллионов долларов плюс пятьдесят тысяч ежемесячно до выхода на пенсию. При этом лишь берёте на себя обязательства во всём исходить из интересов нашей структуры. Можете не опасаться заданий, сопряжённых с антигосударственной деятельностью. Боже упаси! Все ваши функции прописаны в договоре. Кстати, в нашей команде исключительно русские сотрудники, к нынешней власти мы не только лояльны, но всячески её поддерживаем.

— Говорите, дотационный субъект? А месторождения золота, железной руды, меди, каменного угля? Потенциал огромный! — вскипел губернатор.

— Да-да! Но какие колоссальные инвестиции потребуются для освоения этого добра! Вкладывать придётся не только в новые корпуса и технологии, но и в дороги. Их-то нет! Конечно, после начала коммерческой деятельности на основе осваиваемых месторождений вы станете получать дополнительно по тридцать тысяч с каждого отраслевого проекта. Это существенно увеличит ваш доход.

— Всего тридцать... Хм-хм, слабовато для губернатора! Поднимите хотя бы до пятидесяти тысяч за каждый бизнес-проект. И ещё: если вы переведёте меня на другую должность, сохранятся ли ваши обязательства по Д-ской области?

— Конечно! В договоре все чётко прописано. Хозяин обещает вам указанный доход на всю жизнь. Да, вот ещё что: для продвиже-

ния по службе необходимо улучшить вашу автобиографию. Купите кандидатскую степень, потом докторскую, заплатите за диплом какой-нибудь престижной международной академии, их нынче много в Москве и в Петербурге. Наймите писак, способных составить книжку-другую по вашей научной специальности, разместите рекламу в федеральных и местных медийных структурах, тусуйте с думцами и шоу-звездами, используйте все прочие приёмы, улучшающие ваш имидж.

— У меня два вопроса. Первый: если, прошу прощения, хозяин помрёт раньше меня? Кому перейдут его обязательства? На кого мне ориентироваться? Тут есть о чём подумать, и требую разъяснений. Второй: затраты по имиджу чьи? Надеюсь, ваши...

— Отвечаю на первый вопрос: у владельца нашего холдинга есть брат-близнец Антон Антонович Пузырьков.

— Подпишет ли он это соглашение?

— Это можно уточнить позже. Впрочем, даже в настоящее соглашение мы готовы внести соответствующее дополнение. Второе: помимо всего, вы получите различные бонусы, которые частично могут покрыть расходы, связанные с приданием новых достоинств вашей личности... — хитровато блеснул глазами Никита Петрович.

— Бонусы? Можно подробнее, какие именно? — казалось, утешая себя, спросил Григорий Исаевич.

— Премии — за лоббирование наших фирм, за их скрытую рекламу, за административное давление на профсоюзы, чтобы не выходили на улицы с протестами, за успешные тендеры, за приватизацию государственной собственности, за правильную кадровую политику, за низкий процент кредитной линии в региональном банке и многое другое.

— А эти обещания как закрепляются? — Внутренняя дрожь, которую вдруг ощутил Пуговкин, ещё долго держала его в напряжении.

— Договором, договором, голубчик... Вы подписываете соглашение — и ваша жизнь становится сказочной. Великие мира сего станут завидовать вашему положению. На свете нельзя найти человека, который с такой щедростью оценивал бы труд и преданность членов своей команды, как господин Пузырьков, — торжественно заявил Барский, протягивая губернатору листки с текстом договора.

Со смиренным и печальным видом чиновник взял бумаги и сосредоточенно стал их листать. По первому разу, казалось, он проглотил весь текст. Читая повторно, долго останавливался на каждой строчке, страстным шёпотом, словно произносил заклинания, повторял отдельные слова. Близкое будущее начинало кружить ему голову. Полный самых дерзких фантазий, уже с самодовольной улыбкой

он принялся читать соглашение в третий раз. Глядя на разгоревшееся лицо губернатора, можно было понять, что договор привлекает его всё больше и больше. Впрочем, вполне возможно, он уже вовсе не читал, а просто не мог оторваться от заветных листков, распахивающих перед ним волшебную дверь в сладкую жизнь. Вопрос менеджера вернул его к реальности.

— Как бы вы хотели получить девять миллионов? Наличными? Или переводом на банковский счёт за рубежом? Может, некими активами? Скажем, недвижимостью в России, в тёплых краях Европы, на берегу Мексиканского залива? Акциями высокодоходных отечественных или зарубежных предприятий?.. Есть и довольно оригинальные предложения. Например, финалистки конкурсов красоты из разных стран. Год полного владения любой из этих «мисс» стоит по нашему каталогу от одного до пяти миллионов долларов. Мы всегда будем относиться к вам как к особо привилегированному лицу. Думайте! Всякий ваш каприз тут же исполняется. Но торопитесь подписывать документ. Без вашего автографа райская жизнь не начнётся.

— Ну а когда брат хозяина поставит подпись? — спохватился Пуговкин.

— В любой день. Первым ставите подпись вы, затем сам Андрей Пузырьков и его брат Антон. Но в документе необходимо указать, в какой форме или по какому адресу вы желаете обрести свой гонорар. Если выбираете наличность, то в какой валюте. Нет проблем пересчитать по курсу доллары в рубли, евро или фунты. Если часть средств захотите взять деньгами, часть акциями, а ещё часть недвижимостью или движимостью, нет проблем. Итак, что, как именно и где?

Беспорядочный поток картин пронёсся в сознании губернатора. Он уже видел рядом с собой красавицу-креолку, соблазняющую его фантастическими прелестями. Длинные смоляные косы её вились по обнажённой спине. «Ох, мамочка, люблю я кутёж, разврат, веселье!» — вдохнул про себя Пуговкин. Не успел он насладиться приятными видениями, как вдруг ему почудился грабитель в цветных татуировках, с ножом у горла требующий у него денег. Потом неожиданно перед мысленным взором возникла толпа незнакомых людей с заискивающими физиономиями, так и лезущих к нему в друзья. Это было подтверждением земного, выпадающего малой части рода человеческого, беспредельного счастья, в котором он с восторгом купался. Минуту спустя Григорий Исаевич уже представлял себя президентом собственного государства, отцом нации, и радость взлёта над соотечественниками озарила его лицо. Он

видел себя транжирой, сорящим деньгами в злочных местах столицы, олигархом, раздвигающим границы своей индустриальной империи, философом, который, освободившись от забот о хлебе насущном, погрузился в думы о высоком и вечном... Эти видения, окутанные туманом неопределённости, не торопились отпустить Пуговкина из своего упоительного плена. Губернатор перестал различать сон и явь. Ему хотелось одного — продлить сладчайшее представление воспалённого сознания. Он замер, облокотившись об осину, и с отрешённым взглядом парил в облаках.

«Незримые нити коррупции начинают связывать нас всё прочнее, — подумал Никита Петрович. — Странно, у этого типа те же черты характера, что и у Г-ского губернатора. Но тот вызывал во мне некую симпатию, а этот — одно лишь раздражение. Видимо, всегда так: негативные особенности в одном человеке могут в другом становиться привлекательными, и наоборот. Бог с ним, сейчас мне не до его натуры. Он кажется мне глуп и жалок. Но размышлять о впечатлениях некогда. Надо завершать сделку».

— Затрудняешься, что выбрать? Пора! Пора! Скорее! — без толки смущения переходя на «ты», пробудил оцепеневшего Григория Исаевича Барский. Он помнил строгие указания своего хозяина как можно быстрее завершить *акцию* и решил усилить нажим. — Подписывай. Вечером мы должны поставить все точки в нашем договоре. — Голос столичного порученца становился всё более требовательным. — А когда надумаешь, что куда, скажи. Свои обязательства мы мигом выполним.

Переговорщики несколько мгновений молча постояли лицом к лицу. Солнце совсем опустилось, но было ещё светло. Небо постепенно принимало медный оттенок. Казалось, надвигается дождь. Напряжение росло. Во взгляде Барского читался лёгкий укор, а выражение губернатора передавало мучительное волнение. Его длинное лицо вытянулось ещё больше и скосилось в гримасе.

«Какая отвратительная рожа у этого типа, — удивлялся Барский. — Неужели поручат общаться с ним? Тут и большие деньги не утешат. Впрочем, некоторые суммы лечат от всех болячек».

Пуговкин в это время размышлял примерно о том же: «Физиономия этого типа становится всё гаже. Так и лоснится от самодовольства. Если бы не соблазнительные предложения Пузырькова, врезал бы ему так, что родная мать не признала бы. Но сейчас не до скандала. Меня ждёт состояние, с ним жизнь будет сделана. Я уже слышу шелест зелёного листа, правду говорят, нет друга вернее Бенджамина Франклина».

Он кашлянул в знак согласия.

— Никита Петрович, я принимаю ваше предложение с одной оговоркой. — Губернатор боялся говорить громко, его испуганный голос Барский еле улавливал. — Подписывать документ будет моя супруга. Она — моё доверенное лицо, и вообще жена есть жена, — неуверенно пошутил он.

— Не пойдёт! — сквозь зубы отрезал Барский. — Ты можешь завтра или через месяц, через год с ней разойтись. С кого мы в этом случае будем требовать исполнения взятых обязательств? Нет! И дискуссий по этому вопросу не может быть. За деньги, которые мы тебе предлагаем, можно в течение недели найти и посадить на место губернатора совершенно другого человека. Выбор огромный. О тебе никто и не вспомнит. Подписывай соглашение, или я немедленно отбываю в Москву на доклад к господину Пузырькову.

— Успокойтесь! — примирительно зашептал Пуговкин. — Не надо нам с вами горячиться. Я подумал, чисто теоретически, что соглашение может попасть в чужие руки. Для меня это смертельный приговор. А зачем вам политический труп? Чтобы такого не случилось, я и вспомнил о жене. Сам-то я даю вам обещание, могу даже на Библии поклясться, что всю работу в Д-ском субъекте федерации буду организовывать исключительно по вашему сценарию. А вот моя подпись на документе может навредить как вам, так и мне. Я вообще враг всяких бумаг, тем более с собственной визой. Если жена не подходит, не спорю, в ваших возражениях есть резон. Может, дадите согласие, чтобы договор подписала моя единственная дочь? От дочери ведь я не откажусь! Что я, нелюдь, последняя сволочь? Конечно, есть ещё люди, и, видимо, их немало, которые с безразличием отрекаются от самых близких, им по фигу слёзы отцов и детей, но я совершенно другой человек. Поверьте! — Тут губернатор приутих и побледнел.

— Нет! И ещё раз нет! — прошипел Барский. — Тебе нет и пятидесяти! Как появятся большие деньги, возьмёшь себе молодую жену, и начнёт она рожать в год по ребёнку. Это довольно тривиальная история. В России таких молодцов, как ты, сотни тысяч. Нежные чувства к старшей дочери быстро увянут. Твоим временем будет распорядиться исключительно наша команда. Новая семья, маленькие дети, молодая жена, командировки — у тебя не останется и минуты, чтобы вспомнить о старшей дочери. Ты забудешь, сколько ей лет, как она выглядит. И в день рождения она от тебя в недоумении получит лишь повойник, оставшийся от твоей прабабки. Поэтому подпись должна быть только твоя, и ничья другая. Повторяю, только твоя!

— Я растерян... Скажите, есть ли другие варианты? — сделал страдальческую мину, спросил губернатор. Челюсть у него отвисла, карие, как гречка, глаза повлажнели, крупный нос покрылся

испариной. — Нет-нет, я не трус, я переживаю за общее дело! Вы мне доверяете крупные проекты, а если что-то произойдёт и я потеряю должность... — Из-за острого чувства тревоги у чиновника пересохло в горле. А как иначе он мог себя ощущать, балансируя между жадной богатства и страхом перед отставкой!

— Мы тебе не доверяем, мы тебя покупаем, приобретаем в собственность со всеми потрохами, — с нажимом произнёс Барский. — Ты становишься крепостным Пузырькова. Об этом лучше сказать сейчас, чтобы в будущем не было геморроя. Привыкай к термину «холоп». Тебя таким образом никто называть не смеет. Но отныне это твой статус по отношению к хозяину. Если он рассерчает, если ты выкинешь какой-нибудь фортель, тогда он и мы, его управленцы, будем обращаться к тебе не иначе как «холоп Пуговкин». — Тут Барский для пущего куража хотел добавить фразу: «Мы все для него холопы», но передумал, сдержался и продолжил атаку. — Если тебя что-то не устраивает, имеешь полное право отказаться и не подписывать это соглашение. В этом случае, как я тебя уже предупреждал, в течение недели сюда прибудет новый губернатор. И, естественно, твоей карьерой и судьбой мы больше заниматься не станем. О списанном, некондиционном товаре не вспоминают. Подписывай соглашение немедленно, или я отправляюсь в Москву с ходатайством об увольнении губернатора. Нынче в столице взят жёсткий курс на борьбу за оздоровление окружающей среды. Так что готовься к молниеносной отставке. Да, кстати, забыл предупредить о важной детали: со всех сумм взяток ты передаёшь нам восемьдесят пять процентов. Если хоть раз обманешь, заберём все твои активы, а может быть, и жизнь тоже. Больше не скажу ни слова. — В голосе господина Барского слышалось что-то зловещее.

Григорий Исаевич заметил, что его собеседник изменился в лице, стал хмурым и раздражённым. Казалось, вот-вот он открыто нахамит. Чиновника переполняли страх и злоба. «Со взяток лишь пятнадцать процентов остаётся мне! Гады! Мерзавцы! Грабители! Впрочем, уверен, что они не способны проследить все мои шаги. Такой прохода, как я, им не по зубам. Уверен, их суета окажется пустой. Ещё посмотрим, чья возьмёт, пятнадцать процентов или все сто! Сперва мне показалось выражение «холоп Пуговкин» страшно оскорбительным. Аж кулаки сжались. Я был близок к истерике и скандалу. Но минуту спустя подумал: кто об этом будет знать? Я губернатор, первое лицо субъекта федерации, в моей области полтора миллиона человек живут. Для них всех я князь, нет, царь! И если меня в столице несколько человек будут называть холопом, да не публично, а за ширмой, в закрытых для посторонних офисах, клубах или кабаках,

что мне до этих оскорблений здесь, в пяти тысячах километров от политического центра? Да чихать я хочу на все прозвища. Странно, но после этого я перестал испытывать к Пузырькову даже толику ненависти и теперь дам волю фантазиям. Пришло время самому рассказывать легенду, как моя бабка носила фамилию Холопникова. Этим самым можно дать понять окружению, откуда пошло прозвище, если они про него прослышат. Дескать, во всём виновата бабкина фамилия. Да и вообще я без угрызения совести взял бы кликуху «холоп», если бы кто-нибудь сделал из меня олигарха. Когда есть деньги, а тем паче когда их очень много, забавное прозвище, невзрачная фамилия, пошлая рожа и бесстыжие выходки не страшны. Всё равно будут обожать тебя во всех твоих проявлениях. Надо соглашаться... Кому ты нужен — человек без денег или, ещё позорнее, губернатор без солидных средств! Тьфу! Страдание, а не жизнь. Но что же ещё выторговать? Чувствую, у Барского остаётся в тайнике некий материальный запас. Нет, не исчерпан фонд покупки губернатора. Припрятал хапуга деньги хозяина, зажался скупердьяй, сам премию получить мечтает. На мне экономит в надежде пополнить свой карман, хочет обделить провинциала. Надо, надо что-то ещё, пусть даже пустячок, но выбить, выпросить. Ведь семечко к семечку — и масло выйдет. Поплачусь, что квартиры, мебели и транспорта для членов семьи нет. Напитки для гостей, лучшие вина и коньяки нужны: как встречать федералов? В нашей глухомани ничего приличного не купишь. Да-да, одежда для губернатора и супруги. У меня 43-й размер ноги и ворота, 56-й костюма, а у жены 48-й... Пусть проявит столичный гусь сочувствие к нашей провинциальной жизни. Я от него так просто не отвязусь».

— Скажите, любезный господин Барский, кто будет нести расходы по приёму в области московских и окружных делегаций? Я потому спрашиваю, что, во-первых, затраты тут немалые, а во-вторых — проверяющие высокие чиновники привыкли к изыскам. А где мне взять французский коньяк топ-класса? Или дорогие вина из Италии? Виски из самой Шотландии? Испанский хамон? Немецкие свиные ножки? В нашем городе ничего такого нет, торгуют дрянью, «ножками буша» и сирийской халвой. Как же мне угощать полезных вашему бизнесу ответственных визитёров? Нужен специальный представительский бюджет. Иначе все обернётся позором.

— А-а-а, проникаешься масштабами пузырьковской команды! Ты тут меня разозлил, рассердил, но и восхитил, — ухмыльнулся Барский. — Хорошо начинаешь! Отвечаю: часть твоих расходов мы, конечно, возьмём на себя. Другую часть собирай у местного бизнеса. Только записывай всё подробно в тетрадочку, тебя наши аудиторы

будут проверять. Мы одни не можем закрывать все гостевые расходы предпринимательского сообщества. Хотя если со временем весь бизнес твоего региона перейдёт в наши руки, другое дело. Пузырьков будет платить за всех и за всё. А в первый год в твой презентационный губернаторский фонд перечислим три миллиона рублей. Круглая сумма! А будущее покажет.

— Никита Петрович, дорогой ты наш! Ну дайте хотя бы пять...

— Нет-нет, пять миллионов — это невозможно. Я переговорю с хозяином. Думаю, даст согласие на три с половиной. И вообще, вначале покажи себя в деле, а уж потом ставь вопрос о финансировании.

— А если кто-то из гостей захочет побывать у меня в доме? Как мне выкручиваться? Ведь у меня квартира всего сто пятьдесят квадратных метров. В ней жена, незамужняя дочь, тёща и я сам. Три спальни и одна небольшая гостиная. Коммерсанты лучше меня секут: чем проще антураж, тем меньше денег предлагают в качестве взятки. А если восемьдесят пять процентов губернаторских гонораров ваши, то прямой смысл купить мне шикарную квартиру или дом со всей обстановкой. Я должен ездить не на «Ауди» шестой модели, а на «БМВ-7», а ещё лучше — на «Мерседесе-600». В этом случае ставка взятки увеличится в несколько раз. Как работает этот механизм, я не раз проверял при покупке цветов. Если я подъезжаю к продавщице, она за один и тот же букет берёт с меня тысячу триста рублей. А пошлю за ним водителя с требованием идти пешком да изменить внешность — снять галстук, надеть рабочую куртку, нечищенные ботинки, — и цветочница опускает цену вдвое. Казалось бы, мелкий эпизод, а он становится шаблоном ментальности русского человека. Но вернёмся к вашему требованию вычитать из моего честного гонорара восемьдесят пять процентов в пользу хозяина. В соглашении я такого пункта не видел. Это экспромт?

— Читай седьмой параграф. В нём все чётко и подробно прописано. А что касается изменения бытовых условий, не знаю, не мой вопрос. И в соглашении его нет. Впрочем, всё может быть. Ты скорей подписывай договор, а я тогда похлопочу перед Андреем Антоновичем. Видимо, у тебя богатый опыт мздоимства. Наш хозяин — человек большого бизнеса, поэтому прекрасно поймёт проблему. Во время встречи с ним обсудишь этот вопрос. Только без нытья и коротко. Лучше набросай заранее. Укажи, какой объём взяток ты ожидаешь в месяц. Тут он один принимает решение. А сейчас хватит философствовать, давай ставь подпись. А то... — Барский не договорил, сдерживая прилив злости.

«Что я забыл? — проносилось в мозгу Пуговкина. — Ведь всю жизнь себя корить буду. И главное непонятно: куда девать девять

миллионов долларов? Что делать с месячными пособиями, с годовой премией? Где всё это размещать? Не знаю! Может, они помогут? А не дуранут ли? От этой публики всего можно ждать: как дадут с улыбкой, так и отберут с усмешкой. В прошлом, при старом режиме, нас пугали богатыми людьми. Время этих страхов теперь прошло. Девять миллионов долларов? Это сколько же килограммов? Сколько пачек? В пачке десять тысяч долларов. Значит, мне передадут девятьсот пачек по десять тысяч. Почти сто килограммов американской валюты. Это четыре, а то и пять огромных чемоданов! Ой, мама, где мне их схоронить? В банк не отнесёшь, потому что прекрасно знаешь: когда захотят силовики меня перекупить, чтобы слугой двух господ сделать, то с ухмылкой или даже ласково спросят, откуда денюжки, дорогой наш губернатор. Признавайся... Что тут скажешь? Поднимешь руки и добрую половину, а то и три четверти за свободу предлагать с унижением станешь, а то и навязывать. У них методы иезуитские. Жене доверить, её мнение спросить, как с деньгами поступить, тоже опасно. Она знает о моей сожительнице Дарье. При очередном скандале отберёт деньги, съедет с дома и купит себе хахла. А за зелёные банкноты легко можно молодого парня приобрести, обувь, одеть и карьеру ему гарантировать. Сегодня рыночная цена должности главы управы стоит никак не дороже ста тысяч долларов, а вице-мэра среднего города, в котором около двухсот тысяч жителей, оценивается не выше трёхсот тысяч долларов. Что, что делать? Куда податься? Может, с дочкой договориться?.. Тоже не вариант. Разве можно молодой незамужней женщине доверить такую огромную сумму? А она у меня к тому же ветреная. Сбежит с хитроумным любовником своё счастье искать. И не видать мне ни денег, ни родного человека. Неужели в таком простом деле, в такой современной малости я не способен найти оптимальное решение? Вынужден у своего хозяина спрашивать, какие он видит варианты скрытно держать мои зелёные купюры! Недостоин, разуверюсь в себе. Но деваться некуда! От страха рассудка можно лишиться и вовсе запутаться».

— Любезный Никита Петрович, расскажи, пожалуйста, — начал с натянутой улыбкой губернатор, — какие рекомендации ты дашь по размещению девятимиллионной *премии*? Где надёжнее всего её держать?

— Хм-хм, швейцарские банки сегодня тоже поскрипывают, — понимающе отозвался Барский. — Тем не менее Швейцария — это первый адрес. Лондон, Франкфурт — второй и третий. Но тебе лучше поместить капитал в банк «Сапфир», принадлежащий нашему хозяину. «Сапфир» выплачивает по депозиту десять процентов годовых.

Так что, разместив на его счетах свой закрытый вклад, ты каждый год будешь получать девятьсот тысяч долларов. Прекрасная прибавка к основному состоянию.

— Скажи, а ты свои денежные активы тоже держишь в «Сапфире»? — осторожно поинтересовался Пуговкин.

— Конечно, а где ещё. Мы же одна команда. Поэтому рисков никаких, тем более для управленческого звена холдинга.

— Но я же не могу положить деньги на своё имя. Налоговая наверняка зацепится и начнёт копать. Какие у вас есть финансовые продукты, чтобы меня никто ни о чём не спрашивал?

— Я не финансист, но могут предложить ячейку и договор займа.

— Не понимаю. Это же мои деньги, какой ещё заём?

— Нет, мы не даём заём, а мы занимаем у тебя. Такой документ налоговую службу не интересует, тем более что деньги ты предоставляешь «Сапфиру» из-под полы, то есть обходя открытое денежное обращение.

— А какие у меня гарантии, что все будет о'кей? Я не знаком с левым бизнесом.

— А взятки? Разве это открытое предпринимательство?

— При чём тут они? — Губернатор насторожился, что-то внутри у него предательски ёкнуло.

— В нашей жизни все взаимосвязано. Я это преотлично знаю, — гордо ударив себя в грудь, заявил Никита Петрович.

— Хорошо-хорошо, но таких денег у меня ещё не было, а значит, и практики обращения с ними нет. Стало быть, надо снять в банке ячейку, положить в неё деньги, а вы их возьмёте и разместите на рынке ссудного капитала? А потом будете начислять мне проценты по вкладу? Так?

— Нет, не совсем. Ты доверяешь нам свои деньги, получаешь расписку директора банка, что с тебя получено девять миллионов долларов под семь процентов годовых, арендуешь ячейку, в которую ежегодно будут приносить начисления по кредиту. Движение денег нигде не будет регистрироваться. В этом случае тебе и наличных денег не надо получать. Для чего? Чтобы, взяв их, ты сразу отдал бы их нам? Глупо! Неудобно! Затратное дело! Понял?

«Вначале дают, а уже через пару минут вроде и не дают. Что за чертовщина? Неужели такая мистика будет сопровождать всю мою карьеру? — мелькнуло у Пуговкина в голове. Тут он почувствовал себя глубоко обиженным. — Так хотелось подержать в руках сто килограммов зелёных купюр, а нет. Не получается. Не везёт мне с деньгами. В последний момент они всегда оказываются в чужом

кармане. И не знаешь, как поступить. Куда их определить, где заховать? Чтобы, кроме меня, ни одна душа не ведала, в какой тиши они хранятся. Так что делать? Принимать предложение или... А что «или»? Верю, если я откажусь продаваться, они меня в часы сместят. Подберут нового губернатора, у которого всё давно схвачено и налажено. И счёт в швейцарском банке, и трансферт денежной массы, и ключ от сейфа в надёжном месте, и банковский офицер, узнающий по голосу, и банковская переписка на деликатный адрес в офшоре, и безымянная золотая кредитная карточка, ко всему ещё предоставляющая страховой полис на все случаи жизни во многих странах мира, и эсэмэски с информацией о начисленной прибыли... И уже через пару дней угроза этого хлыста исполнится. Меня сместят, Дарья уйдёт к другому, более успешному, жена и дочь затравят упрёками — дескать, все удерживаются во власти, а тебя из неё выкинули и пары копеек не оставили. Мой бывший шофёр, проносясь мимо, будет специально наезжать на лужи, чтобы обрызгать чиновники, которых я снял с работы, начнут плевать мне вслед. Горький, но типичный итог судьбы современного русского человека. Это вынуждает меня не только с потрохами продаться Пузырькову, стать его холопом, признать его своим хозяином и распорядителем, доверить ему своё состояние и все дивиденды, на которые, согласно договору, я имею полное право. Всё это ещё раз убеждает меня в простой мысли, высказанной ещё тысячи лет назад: быть свободным — это, прежде всего, быть богатым. Без больших денег нет и не может быть никакого суверенитета. Поэтому от греха в современном мире уберечься невозможно. К тому же я давно себя приучил из всякой неприятности извлекать пользу».

Игра фатальных обстоятельств вынудила губернатора промямлить дрожащими губами, скривив лицо:

— Барский! Пожалуйста, дайте ручку!

Не поднимая взгляда, Григорий Исаевич осторожно взял «паркер» пожелтевшими от никотина пальцами и медленно, словно испытывая невыносимую боль, вывел свою фамилию. Барский буквально вырвал из его рук подписанный документ и со словами: «Отличная работа! Теперь мои коллеги будут заниматься тобой. Всё будет тип-топ. Начнёшь наживать большие деньги» — двинулся к выходу из парка.

«Фу! — думал Барский. — Наконец-то уломал этого скрипучего козла! Купчая человека состоялась! А как бы иначе! Плебс всегда падок на материальные соблазны! При реальном приближении богатства готовность честно служить отечеству исчезает бесследно. Что толку от звания губернатора, если никто не верит твоей финан-

совой мощи и столичным связям! Так что стойкость Григория Исаевича всего лишь маска торговца, поднимающего цену за свой товар! Он стал семьдесят вторым в моем списке чиновников, прельщённых крупными суммами. — Затем мысли переключились на более приятный предмет: — Надеюсь, за успешную работу мне дадут положенную премию в сто тысяч долларов. Весьма доходное дело — покупать бюрократов... Надо молиться, чтобы этот бизнес продолжался, продолжался, продолжался... И кризис тут не помеха».

— Может, по рюмке хлопнем? Традицию соблюдать положено, — бросил ему в спину тяжело шагавший следом губернатор.

Барский ничего не ответил, а лишь ускорил шаг. Пора было на доклад в Москву.

8

Елена Мазурина ждала свою ассистентку в личных апартаментах на Фрунзенской набережной. Предстоял деловой разговор по срочному заданию шефа. Пораскинув мозгами над пожеланиями Андрея Антоновича, молодая женщина вдруг ощутила, что предстоящее дело её явно интересует. Красавица Мазурина нечасто получала от Пузырькова интеллектуальные задания. Олигарх обычно давал ей поручения деликатного свойства. Если необходимо было приворожить кого-то из высокопоставленных особ, усыпить бдительность по отношению к авантюрным проектам, расположить к имиджу кампании, то Леночка Мазурина у Пузырькова была на первом месте. Чтобы находиться в центре внимания московской публики, молодая женщина проводила свободное время в кругу политической элиты, сближалась с яркими представителями бизнес-шикерии, уделяла особое внимание своему внешнему виду. Её обольстительной грудью, вызывающей восторженную слабость, страстно интересовался один из самых влиятельных людей современного российского мира, эстет и гурман господин Г. На её стройные, казалось, вылепленные античным скульптором ноги до безумия запал главный авторитет в финансовых вопросах господин К. Гибкая Леночкина талия свела с ума вице-преьера Ж., а хрупкие плечи вскружили голову господину М., известному строгостью нравов. Интеллектуалы дружно восторгались задумчивым светом её голубых глаз, а приглушённый голос и оригинальные суждения покоряли мистиков, изредка встречающихся в высших столичных сферах.

Конечно, шеф Мазуриной не скупился: он приобретал для Леночки самые дорогие и модные одежды знаменитых марок, духи и ювелирные изделия. В её распоряжении круглосуточно были лучшие автомобили. Он оплачивал её комфортабельный отдых, отправлял в разные части света на престижные вечеринки. Огромные средства шли на продвижение легенды Мазуриной как самой обаятельной женщины мира. В месяц сумма могла превысить 200—250 тысяч дол-

ларов, а во время выполнения особого задания доходила до миллиона, а то и больше. Опытный предприниматель Пузырьков прекрасно понимал: красота не спасает, а губит мир, искушая человека, лишая его способности к самоконтролю. А это и было основной целью мазуринского босса.

Наконец раздался мелодичный звонок в дверь.

— Алёна, пропуск заказан, — сказала в домофон Мазурина. — Поднимайся, я заждалась. Дождь тебя не оправдывает.

«Интересно, — думала она, — как отнесётся к моей идее Русакова? Она молода, но ум у неё острый, способный оценить удачную мысль. Кажется, хозяин готовит её на моё место. Конечно, через десять лет мне будет за сорок, а она к тридцати трём годам как раз расцветёт и внешностью, и умом. Сейчас главное — приблизить её к себе, чтобы в мои сорок пять новая фаворитка не смотрела на меня с ироничной усмешкой первой леди, а прониклась дружескими чувствами к старшей по возрасту коллеге. В сорок пять ещё не всё кончено, но уступать кресло нужно вовремя».

На мониторе Мазурина увидела Алёну, входящую в холл. Хозяйка квартиры нажала на пульт, и дверь открылась. Молодая женщина заметила, что Русакова заблаговременно улыбнулась, затем откинула с головы капюшон, потрясла с зонта брызги и послала воздушный поцелуй.

Алёна Русакова была взята в штат прошлым летом на выпускном балу в уфимском университете. Выпускники филологического факультета отмечали вручение дипломов. На такие торжества в разных университетах страны обычно приходили люди Пузырькова и других олигархов. Алёна приглянулась опытной кадровичке из регионального филиала концерна Андрея Антоновича. Торги продолжались недолго. Дипломированной филологине были обещаны меблированная двушка в Москве, пятьдесят тысяч долларов сразу и ещё пять тысяч долларов ежемесячно плюс квартальные бонусы. От такого предложения она чуть не упала в обморок. Выпускникам вузов в их регионе никто больше пятисот долларов в месяц не предлагал. А тут такое невероятное событие! К требованию поставить подпись под купчей Русакова отнеслась как к столичному чудачеству. Не читая, она быстро расписалась в указанном месте договора. В провинции о процедуре купли-продажи людей мало кто слышал. Между тем в документе все было чётко расписано. Девушка становилась собственностью Пузырькова, а недвижимость в её владение переходила лишь после двадцати пяти лет работы на хозяина! Если договор прерывался по инициативе Русаковой, недвижимость возвращалась владельцу. Ес-

ли она откажется выполнять какое-либо поручение компании, хозяин вправе сам прекратить действие договора. Никакая компенсация ей в таком случае не выплачивается, а все пункты соглашения считаются недействительными.

Так, совершенно неожиданно для себя, смутно представляя своё будущее, Русакова приехала в Москву — в ситцевом платье и с небольшим чемоданом в руках. В отделе кадров её предупредили, что сотрудникам концерна не рекомендуется заводить романы. Ни в стенах структуры, ни вне её. Работник должен любить своего хозяина и своё рабочее место. И только! Кто не согласен с таким условием, пусть сразу увольняется. Всё равно он будет вычеркнут из списков персонала.

Прошёл год в благополучном единении с коллективом Пузырькова. Ничего страшного за это время не произошло. Андрей Антонович почти не обращал на новенькую внимания, она видела его не более пяти раз, да и то недолго и в присутствии других коллег. Порядки на предприятии были строгими, дисциплина идеальная. Девушка старательно вникала в детали бизнеса, размышляла над политикой концерна и удивлялась таинственному бурному росту его активов, расширению филиалов на карте России. Задания, которые она получала от начальства, Алёна выполняла самозабвенно. Ей хотелось утвердиться и делать карьеру. Она уже знала, что хозяин поощряет хороших работников солидными бонусами. Вначале её одолевала грусть по дому, особенно вечерами. Выручила любовь к чтению. И умные книги стали её друзьями.

— Привет, привет, Аленка. Не промокла? — приветливо встретила её Мазурина. — Садись, за чаем обдумаем задание хозяина. Надо предложить ему такой проект, чтобы он нас похвалил. А доброе слово Пузырькова многого стоит. Всё ясно?

— Да.

— Я вот о чём подумала. Первая фраза банальная, но она ключевая. И так, у каждого периода цивилизации свои особенности. Нынешняя эпоха началась с парадоксальной концепции, о которой мало кто говорит, но она, по моему мнению, нуждается в серьёзном осмыслении. Нынче и политики, и бизнес стараются достучаться до каждого отдельного человека — как из верхнего социального слоя, так и из нижнего, подвального. Поскольку основной массе наших сограждан никак не удается перейти из нищеты в бедность, то можно считать, что подвальное сословие по численности у нас доминирует. Но говорить с разными слоями общества на одном языке и одними метафорами малорезультативно. Надо найти лексику и ценности, способные дей-

ти до сердца, сознания, тела, желудка всех субъектов политического рынка и рынка потребления. Задача как будто провальная: то, что интересует первых, совершенно не занимает мозги вторых, и наоборот. Если к первому сословию можно отнести максимум 7–10 процентов населения, то около 90 процентов людей живут заботами о хлебе насущном. Конечно, вопрос остро не стоит, какую группу населения надо окучивать лозунгами, призывами и культурной пищей, чтобы добиться главного: политикам — получить максимальное количество голосов, а бизнесу — залезть в карман, пусть даже дырявый, каждого потребителя. Необходимо вспомнить цифры: население в России, как и во всём мире, состоит из 70 процентов зарегистрированных и скрытых олигофренов, то есть людей умственно отсталых. При общении с электоратом и субъектами потребительского рынка нет никакого резона поднимать планку культуры. Напротив, необходимо спуститься до самого низкого уровня, чтобы достучаться до массового человека. Поэтому мы повсеместно наблюдаем снижение духовных запросов наших граждан, примитивизацию культуры, литературы, музыки, науки. Кому впарить сегодня сочинения Баха, Чайковского и Канчели, книги Шекспира, Достоевского и Томаса Манна, труды Эйнштейна и Гинзбурга? Что разъединяет людей даже при большом внешнем сходстве? Какие обстоятельства влияют на биологическую несовместимость? Какой продукт способствует общественному единению? Вот круг вопросов, над которыми я ломаю голову. Как ты, дорогая, считаешь: интенсивная игра с каждым отдельным членом общества на пользу развитию культуры или в ущерб?

— В общем-то я думаю, что такая борьба за голос и карман каждого гражданина весьма ущербна для человечества. Но если исходить из цели нашего проекта, то именно эту концепцию мы должны взять на вооружение. Нынешнее поколение живёт в двухмерном измерении. Абстрактном и материальном. Как, впрочем, во все времена. Но если в XVI–XVIII веках абстрактная составляющая достигала шестидесяти процентов, в XIX–XX она опустилась до тридцати пяти, то в начале XXI века её уровень упал до десяти-двенадцати процентов. Потребительские ценности и запросы быта вытесняют из нашего сознания все нематериальное. Интеллектуальная элита общества редко попадает в фокус внимания массовой культуры, но если это и происходит, то исключительно в иронической, а нередко и в издевательской форме. Меня особенно удручает, что вопрос соразмерности мира и человека при всём накопленном багаже знаний всё очевиднее теряет дискуссионную динамику и отходит на задний план. Но я сама продукт современного общества, в котором практически не осталось идеализма, и должна защищать свои личные интересы.

— У меня схожее мнение, — улыбнулась Мазуринна. — Маги черпают свои силы в колдовских манипуляциях и мистике. Современные политики и бизнесмены также полагаются исключительно на примитивность населения. Я согласна, что сегодня главный враг интеллекта — массовая культура. Её безвкусные незатейливые штампы, банальные сюжеты разрушают сознание. Вот и мы с тобой вроде умные бабы, а вынуждены рассчитывать программы по нормам массового сознания. И самое страшное при этом, что мы радуемся низкому, грубому продукту, изгоняем из него любой признак высокой мысли и нетривиальности, потому что знаем: только в этом случае он способен дать колоссальную прибыль. Скажу честно, мне приятно с тобой работать — ты не лицемеришь. Белое называешь белым и не заблуждаешься насчёт качества товара, который мы должны предложить Пузырькову. Мы не творим, мы колдуем. Между этими понятиями огромная разница. Это два разных процесса. Но меня утешает мысль, что, возможно, всякая фантазия и наука родились из колдовства. Давняя дискуссия о полётах ведьм возмущала многие великие умы и была не чем иным, как спором между наукой и ересью. Позволяя продуктам массовой культуры присутствовать в общественном сознании, мы даём зелёный свет дьявольским образам и сюжетам. Хотелось бы не оставлять бесам ни малейшего местечка в нашем мире, чтобы они не вселились в людей окончательно. Иначе гибель человечества окажется неизбежной. Но это не всегда получается. Я сама чувствую, что они не только роятся надо мной, но требуют постоянной прописки в моём мозге. А способность к активному сопротивлению тает, и я уже не ощущаю горечь от этого. Всё течёт само по себе, и вот уже бесы становятся друзьями. Я даже думаю, что в один прекрасный день заглянешь в зеркало, чтобы причесаться или накрасить губы, а увидишь голову с рогами! Так что начнём составлять сценарий, как заколдовать людей примитивными образами. Что сделать, чтобы планку культуры и интеллекта опустить ещё ниже — на уровень столичных мостовых? Это даст нам возможность обогатить концерн, упрочить своё место в нём и самим заработать большие деньги. Пузырьков, я это отлично знаю, за отменный продукт хорошо платит. А то, что вокруг нас станет больше дебилов, так это не только наше производное. И огорчения тут неуместны. Современное мировоззрение, концепция глобализации, теория и практика политического и экономического успеха всё равно приведут человечество к позорному финалу. Миру сегодня нужен человек потребления. Предлагаю провести мозговую атаку, позволяющую усовершенствовать моделирование бездушных и бесталанных людей такого типа.

Согласна? Впрочем, почему я спрашиваю? Мы приступаем к работе в приказном порядке. С чего начнём?

— С концепций?..

— Прекрасно. Валяй! Пришла с заготовкой? Или выложишь экспромт? Может, прочла труды модных учёных и станешь их транслировать? Я просто уверена, что твоя яркая речь меня обрадует.

— Решусь на экспромт! Ты споришь с основным нравственным постулатом — Бог есть сущее, Ему принадлежит бытие. Но хочу тебя успокоить. Если бы Бог смог не только указать, но поместить нечистый дух в указанном месте, то есть в преисподней, Он давно бы это сделал. Видимо, пока это не получается. Поэтому сидит нечистый дух в нас упрямо и вечно, и мы сами то и дело становимся его проводниками. Но тут возникает вопрос: что даст нам гнев на бесноватых, снующих среди нас полчищами? Призвать их к молитве? В начале XXI века? В одеждах от «Луи Виттона», обвешанных ювелирными изысками от «Картье», подъезжающих к церквям на «Мазерати», денно и ночью меняющих кавалеров, выставляющих жирные счета за ласки, за голоса, за собственную свободу, торгующих своей независимостью? Взгляни на нас самих, Леночка! Есть ли у нас хоть капля святости? Из порочных слагаемых нашей жизни мы никак не сможем составить целомудренное единство. Да, мы все рабы случайных обстоятельств. Родились в эпоху потребления и должны принять её дух или погибнуть на её задворках. Когда я читаю, как учёные всего мира трудятся над экономией углеводов, стараются сократить выброс вредящих природе вещей, сколько миллиардов долларов уходит на новые технологические разработки, у меня возникает простой вопрос: уважаемые господа микробиологи, генетики и другие учёные, пожалуйста, как говорят на «Эхе Москвы», развернитесь на марше! Более эффективно и, главное, рационально генетически изменить самого человека, чем совершенствовать технологию индустрии. Я, хоть и филолог, это прекрасно понимаю. Может быть, когда Бог говорил, что человек должен стать таким, как Он сам, то как раз это и имелось в виду? Человек должен полагаться исключительно на свои силы и резервы вокруг себя. Без вмешательства в глубины человеческой природы перспектива у нашего вида достаточно слабая. Мы постоянно говорим о сокровищах и скрытых богатствах, лежащих в земле. Возбуждающее влияние этого магического любопытства настолько велико, что мы находимся буквально под каким-то невероятным углеводородным гипнозом. Но мало кто обращает внимание на возможности нашей собственной природы. А её запасы воистину неисчерпаемы. Я считаю неоспоримым, что чем быстрее человек на-

учится использовать всё как материал для своего биологического совершенствования, тем быстрее мы избавимся от мира потребления, а главное, генетически модифицируем себя и вступим в новую стадию — эру властвования сверхчеловека. А пока у многих из нас такая невыразительная внешность и подпорченное содержание, что в пору стыдиться своего существования! Совершенно не радуют приплюснутый нос, широченные скулы, рот до ушей, подагра, плоскостопие, глухота, немота, лысый череп, оттопыренные уши, косоглазие... Попадёшь на холод — можно подхватить ангину, при сквозняке наутро у тебя радикулит, намокли ноги — жди простуду, с температурой придется валяться пару дней. Не помыл тщательно фрукты — замучает диарея, прицепился гаишник — возникает нервный стресс, испорченное настроение, гипертония, тахикардия. Нет денег — соблазнился воровством, недоступен секс — увлёкся онанизмом, не хватает в споре аргументов, отсутствует культура — наружу прёт сквернословие... Нас заполняет радость при льстивом комплименте. Даже мы с тобой и почти все наши коллеги предпочтём сфере искусств и духовности потребительское, материальное. И тут ничего особенного нет. Ведь основа нашего существа — дикая животная природа. Ох, Леночка, Леночка, если апеллировать к очевидности, то нынешний люд всё же жалок. Тут нет-нет да и возникает мысль об отречении от всего своего рода.

— Согласна! Наш главный враг — это мы сами, неспособные отречься от мира потребления. Но, дорогая, без этого мира человеческая жизнь вообще невозможна. Мы существуем как бы в заколдованном кругу, так что выбор мировоззренческих альтернатив до предела скуден. Ограничить спрос, видимо, в будущем будет возможно с помощью генной инженерии. А что дальше? Без развития спроса невозможен научно-технический прогресс, а значит, не смогут совершаться эволюционные шаги цивилизации. Застой потребления приведёт лишь к гибели человечества. Сократить предложение — ещё более опасный путь, он приведёт к социальному взрыву. И тут нет необходимости что-то тщательно оберегать или пускать слёзы. Современный мир техники и сервиса всё более расширяет свои границы, а качество человека с каждым годом снижается. Надо успокоить себя и принять условия жизни такими, какие они есть, без надежды на их фундаментальное изменение. Лёгкие штрихи, небольшие нововведения — пожалуйста. Иерархия неравенства — самый стойкий человеческий стереотип, который тысячелетиями нельзя изменить, без него не обойтись. А призыв «от каждого — по способности, каждому — по труду», позже заменённый на новый код — «по

потребности», — вообще идиотская химера. Но она почти весь XX век будоражила интеллектуалов. Я считаю тебя умной девицей, и давай не париться над идеей, каким будет мир в 2060 году. Куда лучше продумать до мелочей программу, о которой мечтает наш Пузырьков. А ты поняла, что он ломает голову над тем, как раскрыть в каждом из нас царство низменного, чтобы впаривать согражданам самое примитивное, бездуховное, безнравственное и вульгарное. Потому что именно этого хотят массы, а не отдельные интеллектуалы. Секрет тут один: именно на массах и зарабатываются большие деньги. Нас невозможно обвинить в человеконенавистничестве. Мы будем стараться давать людям должное, то, к чему они сами в глубине души стремятся. И ничего другого! И упрекнуть нас нельзя, что не поднимаем интеллектуальную планку. Две тысячи лет назад лучшие умы предложили человечеству великое пособие в жанре нравственного кодекса — Библию. Взгляд на современный мир легко убедит нас, что из этой затеи мало что вышло. Мне понравилась твоя мысль создать общественные академии. Например, Академия современного искусства, Академия общественной мысли, Академия звёзд и так далее. В помпезной обстановке — в Кремлёвском дворце или в самом храме Христа Спасителя — под шквал нескончаемых аплодисментов мы начнём одаривать наших безмозглых тусовщиков почётными званиями академиков. А дальше — больше: начнём награждать их правительственными наградами и государственными премиями, продвигать в жюри федеральных конкурсов, выдвигать на высокие посты в мэрии, в субъектах федерации, в правительстве России. Знаю, ты не спросишь, для чего нам это необходимо, потому что лучше меня понимаешь смысл таких мероприятий. Низкий интеллект и невежество этой публики послужит гарантией нашей стратегии повсеместного снижения культурного и морального уровня соотечественников. В итоге это приведёт к увеличению доходов у нашего босса и у нас самих. Таким образом мы сможем заложить прочные финансовые основы своего существования. Совершенно нелепо стремиться к роскошной жизни и вместе с тем оставаться в убеждении, что рост потребительского рынка нас погубит.

Мазурина выждала паузу и продолжала:

— У меня есть несколько кандидатур. Самовлюблённые, амбициозные типы. В кругах, где мне приходится вращаться, таких полно. Из десяти восемь, а то и все девять. Спят и видят, как бы раздавать визитки с титулами: академик, член высшего совета, посол доброй воли, лауреат международной премии, член евразийского жюри, номинант или победитель всемирного конкурса... Все понятия о престиже и че-

ловеческой состоятельности сводятся у них к показным характеристикам и дешёвым ярлыкам. Итак, ты начинаешь готовить уставные документы для учреждения трёх академий в статусе некоммерческого партнёрства. Первая — Международная академия современного искусства, для тех, кто мечтает видеть себя титулованным авторитетом в сфере дизайна, кинопроизводства, духовного наследия. Вторая — Международная академия совершенствования духовного мира человека, для тех, кто хочет быть академиком Славы, мэтром внутреннего содержания, председателем конкурса «Бессмертные творения». Третьей общественной организацией должна стать Международная академия поиска гениев. Как ты думаешь, какую цену назначить за звание и сертификат академика?

— Двадцать тысяч долларов! — потирая руки, тут же ответила Русакова.

— Двадцать, говоришь? Маловато. Я бы начала с пятидесяти тысяч. Чем выше ставка за членство, тем больше вес нашей структуры. А за должность председателя жюри конкурса можем объявить плату в сто тысяч долларов, — заявила Мазурина с характерной начальственной интонацией. Иногда, помимо её воли, она проступала у Елены в нежном голосе.

— Для того чтобы заработать больше, лучше ввести пост постоянного председателя, а в устав — положение, что должность председателя является ротационной и в высший совет входят семь сопредседателей...

— Прекрасно, — согласилась Лена. — Только не семь, а девять или даже одиннадцать. Согласна?

— Конечно! — довольно вспыхнула Алёна.

— Не забывай, дорогая, что в Москве трудно продать вещь за сто или триста долларов. Куда легче всулопить покупателю платье за тридцать тысяч, костюм — за пятнадцать тысяч, детскую коляску — за десятку тысяч зелени. Поэтому членство в нашей академии никак не должно быть дешевле пятидесяти тысяч американских у.е., — вздёрнула подбородок Мазурина. — Теперь разделим обязанности. Ты берёшь на себя всю техническую и административную часть проекта, я оставляю за собой наполнение наших организаций полезными членами.

— Ты сказала, что у тебя уже есть на примете несколько кандидатов.

— Есть-есть. Один из них — известный повар и гастроном Носиков. Толстяк, постоянно путающий буквы «п» и «б». Вместо слова «бабочка» он произносит «папочка», а вместо «правда» — «бравда».

Конечно, ты о нём слышала. Почти в каждой газетке можно встретить его комментарии по внешней и оборонной политике. Мечтает поменять свой статус с предпринимателя на академика. Степень доктора его не устраивает. Ведь цена докторской диссертации на столичном рынке не превышает пятидесяти тысяч долларов. Для таких амбициозных типов, как он, подобная мелочь оскорбительна. Пылкое изъятие восторга у Носикова вызовет звание сопредседателя нашей академии — за пятьсот тысяч зелёных в год. Имея его в своём активе, можно влиять на формирование таможенных тарифов, поощрять изысканные вкусы, поднимать цены в ресторанном бизнесе, развивать секс-услуги — почти все очаровательные ночные бабочки столицы за гонорар разводят у него своих клиентов, — внедрять новые технологии в подкупе чиновников. Носиков — великий мастер в этих вопросах, он по праву станет достойным лидером Международной академии современного искусства. Другой кандидат — хозяин сети столичных рынков Тимофей Морковкин. Оригинал во всех отношениях. Представляешь, образование начальное, а делами крутит, как профессор экономики. Словарный запас как у грибоедовского Скалозуба, но заболтает, заговорит любого. Талант! Тяготеет к телевидению. В офисе у него на каждой стене огромные мониторы. Специально посещает публичные мероприятия, чтобы за высокий гонорар телевизионщикам его физиономия попала в кадр. Ему грезится звание академика изящных искусств. Когда спрашиваешь: «Тимофей Николаевич, а для чего вам это?» — он заученно и высокопарно отвечает: «Эх, Леночка, недооценённый я слуга человечества!» Я предложу ему пост сопредседателя академии. Он будет хорош в общении с прессой. С его помощью можно будет навязывать нужный нам стиль в одежде, поведении, гастрономических изысках, в импортных товарах. Определять лучшие телерадиопродукты, газетные материалы, номинировать на премии актрис и актёров, проводить конкурсы ораторов, выдавать призы за лучшее выступление на университетских кафедрах. Много, много полезного способен дать нашей программе господин Морковкин. С него за должность председателя можно свободно взять как минимум один миллион долларов, впрочем, и больше. Когда буду представлять ему нашу академию, посмотрю прямо в глаза. Если они запылают восторгом — начну с миллиона. А там поглядим. Третьим может быть Юрий Гулькин, тоже идеальный слушатель академии первого набора. Кажется, у него заводы по выпуску ликёро-водочных продуктов по всему Уралу и Сибири. Быт организован по высшему разряду. Он хоть и православный, но многоженец. Более того, помимо молодых наложниц, у него есть любовники. Име-

ет не то семь, не то восемь семей, две или три из которых однополые. За всеми отпрысками — а их у него более десяти, — жёнами, тещами и прочей родней он старательно ухаживает. Обеспечивает их деньгами, оказывает всяческую помощь — в нашей стране это чрезвычайно важно. Но есть у него один чрезвычайный изъян, хотя в нынешних условиях это, может, и не изъян вовсе, а особенность, которая для нашего проекта может быть весьма полезной. Господин Гулькин, как я уже сказала, бисексуал. В свой пенис он имплантировал металлические шары подшипника. Говорят, трахает все, что движется, и берёт и сам отдаётся крепким парням. Его типичные выражения: «Она мне по вкусу!», «Он мне по вкусу!», «Я хочу порцию человека!». И он сделает всё возможное и невозможное, чтобы соблазнить того, кого захотел. А инструментарий для этих целей у него обширный: огромный капитал, приятная внешность, хорошо подвешенный язык и багаж провинциального интеллектуала, приличный вкус. Его татуаж на лбу вызывает усмешку. «Куплю любого!» Умеет одеваться, выбирать партнёршу или партнёра, заказывать яства, оценивать вина. Его конюшня состоит из тридцати автомобилей самых престижных марок. Учтивый, владеет несколькими языками. Устоять перед ним и женщинам, и мужикам весьма затруднительно. Он как бес: если надумает, способен подчинить себе любого. Ему сорок с лишним, и в последнее время он стал мечтать о публичной звёздности. Но пока не решил, как себя позиционировать. В голове у него мешанина: и создание публичной ложи приверженцев экзотического секса, и частное трансгенетическое агентство, и организация свободного товарищества транссексуалов, и регистрация сообщества авторов, пишущих на темы «секса без берегов», и практикующих полигамию. На последней встрече я посоветовала ему заняться темой генетической модификации человека. И уже на следующий день Гулькин звонит и благодарит: «Спасибо, Леночка. Твоя подсказка пришлась по душе. Начинаю заниматься ГМЧ. Счастлив тот, кто способен обзавестись таким тонким другом, как ты. И это не красивые слова. После нашего общения мечта примкнуть к кругу великих возросла! Ведь почитание, которым окружена великая личность, сопутствует ей и в потустороннем мире». Ну не дурак? А денег у него, ох... — Мазурина победно взглянула на собеседницу. — С него за должность председателя Международной академии можно взять пять миллионов долларов. Вот тебе первая тройка. Но в Москве выбор кандидатов огромен. Столичная элита упрощается, и нам это на руку. Чем меньше мыслей в головах богатых сограждан, тем шире круг наших клиентов. В России ведётся борьба не за великое прошлое, не за эффективное

государственное устройство, не за модель европейской свободы. А за разрушение истории, за отрицание успешных моделей человеческого общежития, за ниспровержение культуры, за культивирование материального достатка, за прославление собственной персоны. Так давай включимся в работу ради достижения цели, поставленной Пузырьковым, — расширить потребительские способности русского человека, чтобы обогащаться, обогащаться, обогащаться!

— Мы впали в противоречие, — задумчиво произнесла Русакова. — Думаем об одном, а силы и ум отдаём решению совершенно другой задачи. Что ж... Многоликость, раздвоенность, победа материального над духовным — особенность нашего времени. Клянусь, я буду верна нашему делу.

— Тогда немедленно приступаем, — распорядилась её наставница и протянула руку к бокалу с шампанским.

9

Ночи часто вызывают у человека некие метафизические, скажем так, ощущения. Видимо, поэтому между дневной и ночной жизнью, между ясностью чувств, осознанностью страстей и смутой тёмных мучительных страхов пролегает мрачная пропасть. Чтобы постичь этот феномен, доктор Райский наметил каждую среду поздней ночью вести приём особых пациентов — обитателей московских кладбищ. В такие часы видный психиатр позволял себе пару рюмок коньячку, а порой, не замечая, выпивал даже целую бутылку. Замечательный напиток, по мнению доктора, оберегал его от едкого трупного запаха ушедших в иной мир и помогал лучше понимать жалобы визитёров. О гармонии взаимоотношений с врачом было известно на всех столичных погостах. Поэтому ночные очереди к Науму Львовичу выстраивались внушительные.

Первым в кабинет вошёл мужчина средних лет в шляпе фасона шестидесятых годов, двубортном тёмном, примятом костюме, белой рубашке и красном галстуке. Тусклый свет не позволял разглядеть его лицо, но психиатр совершенно не огорчился этому обстоятельству. Более того, затемнённый интерьер способствовал доверительному общению. На груди вошедшего висела небольшая картонка, на которой легко можно было прочесть: «Сергей Сергеевич Самодратов, 1953—2005».

Мужчина кратко глуховатым голосом представился:

— Самодратов, из Троекуровского общественного содержания.

— Доктор Райский. Чем могу помочь?

— Я занимался трансмутационной физикой. Это самые передовые научные исследования, — с достоинством пояснил Самодратов. — Мне не известно, какое количество коллег заняты нынче этой тематикой, но, судя по скромной информации, получаемой от вновь прибывших на вечное поселение в Троекурово, число их не превышает десятка. Суть моей работы заключалась в том, чтобы воздействовать электромагнитным излучением на некое вещество, сконфигурированное определённым образом во времени и пространстве, с целью

изменения элементного состава испытуемого образца. Я добился невероятных результатов. Несколько раз во время экспериментов была зафиксирована трансформация одних химических элементов в другие на уровне ядра. Теоретические изыскания и серия опытов позволили мне спроектировать устройство, запускающее этот уникальный процесс. Вы спросите: для чего он необходим? Ага-ага! Вопрос-то в этом! Что это открытие даст? Кому? Отвечаю: появилась реальная возможность напрямую конвертировать внутриядерную энергию в электрическую. И более того: добывать золото и другие редкие металлы из дешёвых, доступных материалов, а также получать стабильные изотопы, неведомые пока науке. Кроме того, моя технология позволяет трансмутировать и превращать ядовитые вещества в инертные, безопасные. Экономическая выгода фантастических открытий очевидна. Хотите знать, чем закончились мои научные труды?

— Пожалуй, расскажите, — заинтересованно кивнул Наум Львович.

— Хоть какое-нибудь предположение у вас родилось?

— Ну, скажем, вы получили Государственную премию, заработали кучу денег, стали академиком РАН. Вам доверили научно-исследовательский центр...

— Как же! Вы плохо знакомы с современным миром, — торжественно усмехнулся Самодранов. — Ничего подобного! Меня убили! Среди бела дня дали два раза ломом по голове... Когда я очнулся в вечной обители, то первое, о чём подумал, — как здесь обустроиться поскромнее. Или опять придётся погружаться в мир любовных походов, шопингов и курортов? В земной жизни эти соблазны буквально преследовали меня. И может быть, я зря им противостоял? Именно самоотверженное служение науке привело меня к смерти. Только в загробной жизни я полностью освободился от надуманных обществом норм и правил. Я перестал оглядываться на других. Создал «шарашку», начал проводить эксперименты, изучать свойства прегенетической материи. Мечтаю определить величину магнитного заряда, массу и долготу жизни элементарных частиц — агентов трансмутационного излучения. Но вы ещё не догадываетесь о причине моего появления перед вами?

— Честно сказать, нет. — Доктор Райский сделал пару глотков коньяка.

— Объясню. Полномасштабное использование моих открытий преобразит технологическую картину мира. Неминуемо политическое и экономическое сопротивление. Может быть, даже войны. Вы с этим согласны?

— Видимо, хотя я не знаком с вашими идеями.

— У меня сложилась великолепная концепция. Но реализовать её без вашего участия в исследованиях представляется весьма затруднительным делом. Предлагаю вам место одного из экспериментаторов в моей «шарашке»...

— Простите, не смогли бы вы уточнить тему исследований? Я должен понять, о чем идёт речь.

— Как же иначе! Я намереваюсь проводить трансмутационные эксперименты над человеком.

— Но почему вы избрали меня? Что, в вашей, как вы определяете её, шарашке да и в целом Троекуровском общежитии нет других кандидатов? Учёных с именами? — Доктор поспешно схватил рюмку и залпом выпил.

— Дело в том, что только с вами я способен установить потусторонний контакт. Вы единственный из людей, с которым мне в настоящих условиях возможно общаться. Это обстоятельство, пожалуй, то метафизическое утешение, которое мне осталось.

— Итак... — Доктор Райский снова наполнил рюмку и выжидающе умолк.

— Мне нужен помощник в этом грандиозном проекте, — надвинув на глаза шляпу, бросил Самодранов. — Или даже партнёр. Да-да, конечно, партнёр. Без него придётся туго. Если вы хотите считать себя человеком — а без представлений об ипостаси, в которой я нахожусь, считать себя таковым в полной мере нельзя, — вы должны согласиться на участие в моём проекте.

— Это в каком смысле? — опрокинул рюмку доктор.

— Ага-ага, именно в том самом. В том, голубчик, самом. Ведь вы прекрасно понимаете, что я пришёл к вам с того света. Так?

— Догадываюсь...

— С этого надо начинать... Человеком может считать себя только тот, кто обитал в вашем облики и существует в моём. То есть тот, кто познал земной мир и потусторонний. Лишь постигнув эти противоположности — бытие-небытие, — раскрыв великую силу их притязательности и обаяния, можно считаться состоявшимся существом. Земные фантазмагории, яркие или бледные, всегда проходящие. Человек в вашей среде не успевает развиваться в мощную фигуру, потому что всё богатство, всё многообразие сознания восходит к двум источникам познания — ирреальным и реальным. К мимолётным мыслям и вечным истинам. В земной жизни человек обогащает себя благами сущего, а в загробной — победами духа. Эта связь двух ипостасей служит для меня основанием предложить вам ротационный обмен. С помощью своих знаний я на некоторое время, скажем на неделю, способен переместить себя в ваш телесный образ, а вас тем

временем перенести в мою нынешнюю ипостась. Тут польза и вам, и мне будет огромная. У вас появится уникальная возможность тесно общаться с выдающимися личностями прошедших эпох. Вы станете единственным из людей, который получит такую фантастическую преференцию. Когда меня насильно переселили в вечный мир, я прежде всего перепугался, что и здесь застану народ, страдающий над разрешением всё той же набившей оскомину проблемы, что есть зло, а что добро. Слава богу, у нас ничего подобного нет. Такая мучительная, по мне, дрянная дискуссия, над которой бьются у вас сотни веков, здесь вообще не ведётся. Она характерна для младенческого интеллекта. Может, поэтому для моих нынешних сограждан безумие — дар божий, а для вашего брата койка в Институте Сербского или нары в Матросской Тишине — ужасное наказание. Присмотреться к нашему огромному миру — разве это не самая захватывающая идея, будоражащая сознание? Краски у нас ярче земных во сто крат, а дорога от души к сердцу словно полноводная река. Пора заметить, что ваша жизнь предварительна, она способствует лишь взрослению интеллекта. Только в вечности сознание развивается до планетарного уровня и Вселенная открывается перед человеком во всех своих богатейших соблазнах. Не хочу заманивать вас смертью, пожить тоже полезно, но только у нас человек созревает масштабно, а главное, очищается от земной скверны. Ага-ага, неделю спустя, возвратившись в свою клинику, вы будете лучше различать лживые догматы и вечные парадигмы. Кроме того, вы увеличите круг своих пациентов. Крупнейшие умы мира станут обращаться к вам с жалобами и просьбами. А я продолжу эксперименты по трансмутационной физике. Эта наука весьма скоро сблизит наши миры, а в перспективе начисто сотрёт разницу между понятиями «земное» и «потустороннее». И мы перестанем встречаться тайно, в неурочные ночные часы, в тёмных подвалах, вдали от лунных, испуганных взглядов, а начнём видаться открыто в едином временном и пространственном ареале, где смогут свободно общаться люди разных эпох и цивилизаций. Вторая половина двадцать первого века и весь двадцать второй пройдут под знаком формирования единого поля: времени и пространства, реального и мистического, земного и потустороннего. Трансмутационная физика и генетика обеспечат нам такое будущее. Я призываю вас приступить к замечательному эксперименту — вы первый из живущих в тленных одеждах удостоитесь этой чести. Да и фамилия у вас подходящая...

«Конечно, любопытно переселиться на недельку в райские кущи, — мелькнуло в голове у доктора. Он тут же выпил подряд две рюмки коньяка и возразил сам себе: — А если обманет? И не так уж

там здорово? Что делать? Как вернуться в Москву? Тут ни деньги, ни связи не помогут. А может, это какой-то бред? Стоит ли верить покойнику, пришедшему к психиатру? Впрочем, лучше спросить, как происходит эта трансмутация. Вдруг действительно наука научилась это делать — если ещё не у нас, так хоть у них?»

Господин Райский налил себе ещё коньяку, машинально, не смакуя, выпил, почувствовав сладостное головокружение, и обратился к гостю:

— Можно поинтересоваться: как понимать перевоплощение? Что это за метаморфоза? Мнимая или реальная? И под каким именем я войду в ваш мир, а вы в мой?

— Трансмутация — любопытная процедура. Никаких болевых ощущений. Я считываю всю вашу биолого-генетическую информацию на электронный носитель одиннадцатого поколения и интегрирую её в себя. Со своей собственной программой я проделываю ту же самую манипуляцию. Вы будете выглядеть как я, а я — как вы. Через неделю верну всё на свои места.

«А, вспоминаю работы Алексея Кожемякина, — подумал Наум Львович. — Но мне казалось, что вся эта история с антителами, интерферонами и биотрансформацией — чистая фантазия. Неужели кто-то добился реальных результатов?»

— Значит, я буду выглядеть как вы? — уточнил он. — Но я не вижу вашего лица, и одежда у вас странная. К тому же она мятая. Что, вас в непогоду хоронили? Могилка была полна водой? Столичные кладбища известны своей сыростью и шламами производственных отходов. А я отношу себя к чистюлям, для меня превыше всего образцовый внешний вид. Да и как я без своей туалетной воды «Diog Cologne»? Её у вас можно купить? — Произнеся последнюю фразу, Наум Львович спохватился и смущённо умолк. «Что я такое говорю, совсем опьянел, что ли? — упрекнул он себя. — Кто же в загробной жизни торгует парфюмерией?» — Прошу прощения, Сергей Сергеевич, за неудачную шутку, — поспешил он извиниться. Глаза его сузились и блестели, выдавая изрядную степень опьянения.

— Нет-нет, ничего странного, с собой в дорогу можно взять всё что угодно. А если чего не хватает, к чему привыкли, то можно послать заказ, — успокоил Самодранов. — Я вот сам нередко обращаюсь за всякой мелочью. Это, прежде всего, масла различных эфирносов в пузырьках до тридцати миллилитров. Ещё прошу свежую прессу, чтобы знать ваши новости и некоторые научные труды. К нам ежедневно привозят пять-семь гробов с новичками. Так что налажена довольно регулярная связь. А если вы отправляетесь в недолгое путешествие, то возьмите с собой всё, что необходимо. Думаю, одной

авоськи достаточно. У нас потребительский рынок практически не развит. Ведь в райских кущах есть всё и бесплатно. Некоторые, правда, берут с собой кредитные карточки, но чаще, конечно, наличность. Только всё это у нас не в ходу, поэтому подобную чепуху можно увидеть в переполненных мусорных бачках. Так что при возвращении сможете забрать ваши ценности назад, и чем больше вы их увезёте, тем чище станет наша тамошняя среда обитания.

— Ох-хо-хо-хо! Вы меня соблазняетесь? — расхохотался Наум Львович. — Не тем, не тем способом действуете. А коньячок можно взять с собой? Мой дух его по средам требует! Мистика какая-то!

— Можно, почему же нельзя. Но не больше двух литровых бутылок. А дальше пользуйтесь испытанным методом: передавать через новеньких, как через проводников поездов дальнего следования.

— А считают у вас так же, как принято у нас? — выпивая очередную рюмку, спросил доктор Райский.

— Что вы имеете в виду?

— Если я начну считать — один, три, четыре, два, — пройдёт? — залился смехом психиатр.

— Давайте вернёмся к нашей главной теме — перевоплощению. Даёте согласие на недельку поменяться со мной местами? Весьма полезно — познакомитесь с нашими условиями существования. Здесь у вас, чтобы сделать даже маленький шаг к достижению жизненной цели, необходимо потратить уйму духовных и физических сил, пережить психологические травмы и эмоциональные терзания. У нас же вы по-настоящему свободны. Нет институтов, традиций, власти, личности, определяющей ранжир социальной лестницы. В нашем мире мы действительно все равны, в загробной жизни совершенно другой порядок вещей. Отличие вашего и нашего существования можно определить следующим образом: пошлая, убогая жизнь личинки против сознания, способного вникать в глубокие тайны мироздания. Так что вас ждёт мир, сконструированный в идеальных формах, совершенный по содержанию. Скудоумие, невыразительные внешние данные, материальная зависимость, психическая неуравновешенность, нищета, самые разные формы инвалидности, нравственная распущенность, аполитичность, раса, этничность и цвет кожи не станут поводом для оскорблений и унижений, характерных для вашей среды обитания.

— Не скучно-вато ли? — с трудом выговорил Наум Львович, глаза которого уже почти закрывались. — Без пациентов я не вынесу.

Ему захотелось опять выпить, он попытался дотянуться до «Хеннесси», но оплошал. Бутылка выскользнула из рук, и остатки

шарантского напитка стали выливаться на стол. Доктор Райский хотел было поднять бутылку, но не смог. Голова его упала на стол прямо в пахучую лужицу. Наум Львович рефлекторно попытался сделать глоток, потом другой. Видимо, он все же немного хлебнул, но почти сразу отключился.

— Ага-ага, а у нас не пьянеют, — вставил господин Самодронов. — У нас и без алкоголя народ счастливый. — Он понял, что доктор Райский его уже не слышит, и вздохнул. — Отложим разговор на следующую среду. Не терять же время в ожидании, покуда он выспится. У меня уйма исследовательских обязательств. Эксперименты необходимо продолжать.

После этого Сергей Сергеевич шагнул за дверь.

Когда витавший в неизвестных далях Наум Львович пришёл в себя и приоткрыл глаза, он увидел нависшее над его носом незнакомое лицо. Тусклый свет врачебного кабинета не позволял разглядеть типчика, издающего трупный душок. Пытливый докторский взгляд, обращённый на пришельца, вызвал у того раздражение.

— Чего уставился? Не узнаешь? Меня хоронили в маске. Лицо обгорело на пожаре верейских лесов 2010 года. В столице пытались спасти, да куда там, тело в уголь превратилось. Поднимайся, поговорить надо. Вопросы есть.

Райский почувствовал неудержимую потребность вновь закрыть глаза. В сознании проплывали страшные картины позапрошлых летних пожаров. Бегущие сквозь стену огня люди вызвали у него острое сострадание.

— Чего прячешь глаза? — злился пациент. — Смотри на меня. Я же сказал, вопросы есть. Я не могу говорить с человеком, у которого глаза закрыты. Очнись!

Наум Львович с трудом взглянул на покойника.

— Вот так-то лучше. Без церемоний заявляю, что на некоторое время сажусь на твои уши. Облегчи мои страдания, доктор! Мне надо скорее сбросить с себя тленные одежды, но черви не едят угли, так что я застрял в гниющей биомассе. Соседи жалуются на жуткий шлейф смрада, тянущийся от меня. Брр! Но и это полбеда. Главное, пока я не освобожусь от всего земного, я не в состоянии попасть в мир вечного блаженства. Понимаешь, я задержался перед шлагбаумом. У самых желанных ворот. Я уже не ваш и пока не их. Пресквернейшее состояние. Нужна срочная помощь! Одна надежда на тебя...

Сморённый хмелем и смущённый столь неожиданной просьбой человека из могилы, Райский задумался. Доктор припоминал разные методы, используемые анатомами. Опять возникло неудержимое

желание выпить рюмку коньяка — для большей сосредоточенности и эффективности размышлений. Он потянулся к лежащей на столе бутылке, нащупал её, поднёс к губам и залпом допил остаток любимого напитка. Какая-то магическая сила тут же унесла его в эмпирию.

— Как вас записать в книгу приёма пациентов?

— Запиши коротко — «погорелец».

— Самая надёжная технология освобождения от тленной органики, — начал Райский приглушённым голосом, — перемещение в муравейник. Вездесущие существа быстро, нежно и тщательно очистят ваш скелет до аристократической белизны, причём без малейших повреждений костной ткани. Ах, так вы ещё и в обуви? Немедленно сбрасывайте с себя эту рухлядь. Помимо подошвы башмаков, на ваших ступнях толстый эпидермис. Против него используйте ферментные препараты — п.....ин и смесь т.....ина с х.....ном. А почему вы не постриглись? Снимайте волосы под ноль. Они долго отходят от черепа. Тут, конечно, муравьи бессильны, для скорейшего очищения черепа пользуйтесь щелочной протеазой. А если хотите освободиться от всего и сразу, то есть за считанные часы, используйте серную, борную, пикриновую кислоты или хлоралгидрат. Честно, сказать, не предполагал, что у вас существуют сословия так называемой белой кости. Или такого нет?

— Вот умник! Как же мне переместиться в муравейник? Я ведь в твоём пространстве способен заглянуть лишь в твою клинику и общаться только с тобой. Может, ты сам меня перезахоронишь под муравейником? Или обеспечишь необходимой химией? Даю слово, когда переселишься в наш потусторонний мир, я буду оказывать тебе любые услуги. А относительно белой кости... У нас ничего подобного, конечно, нет. Просто я стыжусь своего амбре, а так хочется посещать публичные лекции великих физиков. В верейской школе я ничего в физике не понимал, эта наука была далека от меня, теперь хочу наверстать упущенное.

— Я слышал, что через новых... переселенцев можно передавать вам небольшие посылки. Стоит ли доверять этой информации? Вы что-нибудь знаете об этом?

— Что-то припоминаю... Вроде есть такая возможность. Правда, к нам гробы везут не так часто.

— Может, попробуем? У меня есть желание вам помочь. Где ваша могилка?

— На Ходынском кладбище...

— Завтра же пойду к цыганам заказывать мешок муравьёв. Разделю его на три-четыре части и пошлю на Ходынку. Потом возьмусь за пересылку реактивов. Вам остаётся встречать новеньких. Согласны?

— Почему бы не попытаться счастья? С нетерпением буду ждать первые три-четыре трупа. А я чем могу услужить? Может, подыскать подходящее местечко, кишашее червями? Чтобы не иметь тех же проблем? Впрочем, лучше подыщи себе сам муравейник и дай наказ наследникам упокоить тебя под ним. Твоя идея! Чтобы в будущем мире существовать в комфорте, надо как следует подготовиться. Ведь дорога-то в вечность...

— Сможете принести мне «Хеннеси»?

— Откуда?

— Из магазина...

— Говорю же, дурень, что могу появляться только в твоей клинике. Пошли кого-нибудь другого. Ну, прощай, пока. Спасибо, что вник в моё положение. Твоя любезность не будет оставлена без внимания. Я человек совестливый.

Едва погорелец вышел из кабинета, как доктор Райский предупредил в микрофон: «Без моего разрешения не входить».

Он задумался, есть ли у него припасы спиртного. «Коньяка точно нет, — пронеслось в голове. — Может, среди гостинцев что найду?» Он с трудом встал, неверной походкой подошёл к кладовке, где полагалось хранить медикаменты, и среди коробок наткнулся на бутылку вермута «Чинзано». «Гадость, но ничего другого всё равно нет». Наум Львович открыл её и начал глоток за глотком пить прямо в кладовке. Когда четверть была опорожнена, психиатр вернулся к столу и буркнул в микрофон: «Заходите».

В кабинет вошёл высокий мужчина. На нём был серый плащ с глубоким капюшоном.

— Вас приветствует Валерий Неяскин, — учтиво заявил пришелец.

— Привет-привет. Слушаю вас.

— Меня привело к вам, уважаемый доктор Райский, престранное обстоятельство. Разрешите объяснить?

— Слушаю.

— Последнее событие, которое осталось в моей памяти, — гибель подводной лодки «Курск». Видимо, пару дней спустя после аварии я переместился на Ваганьковский погост. Вы, конечно, знаете, что понятия времени у нас практически нет. Скорости, с которыми мы перемещаемся в евклидовом пространстве, настолько велики, что нам совершенно не различимы стрелки часов. Мы не в состоянии определять времена года, следить за изменениями собственной внешности. Впрочем, ничего внешнего у нас нет. У нас миллионы так же не отличаются от единиц, как у вас яйцо, снесённое в среду, от яйца, снесённого в четверг. Замечу, что эти обстоятельства не вызывают у меня и толики огорчения. А ваш мир интересуется меня по единствен-

ной причине. Я был влюблён в москвичку — Наденьку Стрикалову и прошу вас ответить на простой вопрос. Сколько времени прошло после гибели «Курска»? Ведь я вспоминаю себя не в целом, не как единый комплекс чувств, мыслей и поступков. Я узнаю, я вспоминаю себя лишь в эпизодах влюблённости, в актах ночной близости, в тоске переживаний от разлуки. В представлениях человека временного и вечного много отличий. Одно из самых важных — у нас нет существенного различия между чувствами и мыслями.

— С той аварии минуло больше двенадцати лет. Но, простите за приватный вопрос, какая связь между вашей влюблённостью и тем трагическим событием? — Наум Львович опять приложился к вермуту. Отпил глоток, потом другой, отдышался и сразу сделал третий.

— Ах, всё просто, — с готовностью пояснил Неяскин. — Значит, Наденьке сейчас только тридцать пять. Вы знаете клятву русского влюблённого: любить на века. Я вот дожидаюсь своего часа — когда моя любовь Наденька состарится и отправится в потусторонний мир. А тут я её с нетерпением жду, раскрыв объятия. И мы будем наконец вечно вместе.

— История ваша весьма трогательна. Хочется искренне помочь. Вы помните её адрес? Может, передать ей от вас привет?

— Нет-нет, не стоит её беспокоить. У неё, вероятно, уже семья, дети. Какой привет обычному человеку может быть из загробного царства? Глупо! Ведь пока я наличествую в её сознании как субъект лишь подразумеваемый, поэтому могу присутствовать не наяву, а в памяти, в фантазии. Прошло двенадцать лет, и она давно попрощалась со мной. Пусть наша будущая встреча станет для неё приятным сюрпризом. Но будет ли ликование? Вдруг меня ждёт лишь её холодное удивление и она уклонится от моих объятий?

— Что, в вашем мире тоже существует любовь к женщине? — удивился Наум Львович. — А я думал, у вас всё по-другому. — Он опять приложился к вермуту.

— Дело в том, что у меня аномальная память. Уже давно пытаюсь разделаться с ней, но ничего не получается. Не удаётся её обуздать. Альтернатива есть — убийство собственной памяти. Конечно, это наказание, месть своей человечности, от которой у нас все легко отказываются, сбрасывая её в небытие. А я в ней почему-то застрял. Известна ли вам методика расправы с ней? Чтобы больше не терпеть непрерывную, съедающую меня тоску? Передо мной открытая Вселенная. У большинства смертных эта невероятная возможность вызывает восторг. А я вот продолжаю чахнуть и страдать по Наденьке Стрикаловой. Несомненно, для вас это трогательно, даже у многих

мои чувства вызовут восторг. Но среди *наших* меня отказываются понимать. Считают каким-то изгоем. У них на языке одно: необходимо культивировать в себе стремление познать огромный мир, который вечен и бесконечен в пространстве, и не нуждаться абсолютно ни в ком, кроме самого себя. Ведь в потустороннем мире не может быть отчаяния — у нас только одно познание. Смерть — это отсутствие действительности, а страдание вне действительности исключено. Так что я в смятении, в каком мире пребываю. Вроде бы по всем признакам в потустороннем. Но почему во мне ещё так много характерного для смертных?

— Вы осуждаете себя за сохранение у вас любовных чувств к Стрикаловой? — то и дело закрывая глаза, с трудом, почти шёпотом произнёс Наум Львович. — А я думал, что вы этим гордитесь. — Тут он хлебнул ещё вермута и сбивчиво признался: — Я сам запутался. Вот что пью? Вроде коньяка нет. А с кем я разговаривал? Я во сне или в баре на Плющихе? Эй, принесите мне «Хеннеси»... Кто-нибудь скажет, где человек с вермутом, который рассказывал об эффективности э.....ила? Я против этой методики... Кто это велел мне принять пр.....ин? Неужели это я шептал?..

Голова доктора Райского упала на стол, руки повисли, и несколько минут спустя в кабинете уже слышался громкий храп.

Проснувшись под вечер после столь необычного развития событий в кругу городских вельмож, опознанный Антон Антонович Пузырьков решил оставить Вельск и поискать другое место обитания. Будучи представителем особой человеческой породы, которую отличает замкнутость в собственных страстях, молодой человек, как мы знаем, мечтал постоянно терпеть оскорбления, мысленно насмехаясь над нынешним национальным сознанием. Опять Антона Антоновича всей душой потянуло к игре в самоунижение. Для этого захватывающего его ум и душу действия требовалась новая сценическая площадка. Он вспомнил заброшенную отцовскую дачу в Крёкшине, на которой последний раз побывал лет пятнадцать назад, и быстрым шагом направился к городскому вокзалу. «В деревне много пьяниц, — размышлял он, — им всласть поносить такого трезвенника, как я. И матерщина в мой адрес, и устрашающие гримасы перекошенных лиц, и обидные жесты вызовут во мне вожаделенное ликование. А если кто Пузырькову затрецинит влепит, экстаз у меня будет запредельный. Чтобы вызвать к себе пушью злобу, надо по-городскому одеться: галстук, рубашка, костюм бюрократа, точнее, буржуа-бюрократа. Иностранная обувь, на руках — часы, в ушах — серёжки, на пальце — массивный, драгоценного металла, перстень, на груди — толстенная золотая цепь. Ненависть ко мне у них возрастет во сто крат. Ох-ох, как изошрённо они будут надо мной измываться! Как лаять! Как поносить! Как кусать словом! Кайф! Кайф! Быстрее в Крёкшино! В Москве необходимо сразу заглянуть в бутик на Кутузовском. Придется, чтобы выглядеть как заносчивый коммерсант, и скорее в деревню!»

С этими мыслями довольный новой идеей Антон Антонович топился на вокзал.

От Вельска в столицу поезд идет ночь. Но молодой человек не позволял себе хотя бы минуту не думать, как украсить свою жизнь приключениями. В кассе он купил билет в первый класс, с надеждой

встретиться с соседом по купе. К вагону господин Ч. подошел помятый, растрепанный, с душком затрапезного милицейского гаража, в котором провел время с раннего утра до первых сумерек после бегства от подбострастного гостеприимства служителей административного ресурса.

— Ошибся, парень, тебе в другой вагон. У нас первый класс, — перегородил ему дорогу лошённый, широкоплечий проводник в мундире. На его лакейской физиономии отчетливо читалось, что за деньги он охотно продаст любого.

— Это девятый? — вежливо спросил Пузырьков.

— Да, виповский вагон.

— Так и у меня девятый, и место девять.

— Не может быть... — «Чёрт, не повезло, — мелькнуло у проводника в голове. — Обычно Иванихин покупает одно место, а занимает два. За второе он со скидкой пятьдесят процентов платит мне наличными. Потерял полторы тысячи рублей, пятьдесят долларов». — У нас на десятом месте всегда идет сам Иванихин... — не унимался железнодорожник. — Большой человек. А ты такой грязный, вонючий, прямо как бож. Что, спёр билет? Карманник?

— А что, они воняют?

— Не пушу. Вагон измараешь...

— Пойду жаловаться. Ещё пятнадцать минут есть. Успею.

— Иди-иди, к кому хочешь иди. Не пушу. Да кто тебя примет, замухрышка? Пошёл вон! А то вот дам ещё пинка...

— Сейчас найду Сан Саныча Шадрыгина или самого Юлия Михеевича Полянова. Потребую лишить вас рабочего места за самоуправство.

«Откуда этот обшарпанный тип знает городское начальство? — опешив, думал проводник. — Опасный пассажир! Лучше смягчить тон. Поди знай, кто он такой. Посмотрим, какая фамилия указана в билете, может, чей-то сынок?»

— Ладно, поднимайся. Пошутил. «Пузырьков Антон Антонович», — прочёл вслух проводник. «Таких в нашем городе нет, — смекнул он. — Пусть его сам Иванихин прогоняет, у него это быстро получится, мужик он крутой. А мне лучше оставаться в стороне. Рисковать работой не имею права: где ещё в Вельске такое халявное место найдёшь? Я за него три тысячи долларов весной заплатил. А если Иванихин его выгонит, то и меня не обойдет своими милостями, пару сотен обязательно подкинет, может, даже все пять даст, чтобы помалкивал, не вмешивался. Ох, знаю-знаю, глубоко сидит в нас рабское пресмыкательство. Тьфу! А впрочем, почему тьфу? — вдруг поду-

мал проводник. — Кланяться, лебезить, вытягиваться по швам перед властью имущими, покоряться любому их капризу, падать ниц с извинениями в ответ на любой окрик, заикаться как бы от страха, чтобы вельможа чувствовал своё бесспорное преимущество, опускать глаза, нервно кусать губы и дрожать всем телом во время дерзких наставлений и проклятий — всё это в сути нашего национального характера. Бунтуя, не проживёшь, а покорно отступая перед волевым тоном и прихотями, часто сумасбродными, людей сильнее тебя по положению, с кошельком и амбициями, легче проложить дорогу из нищеты в бедность. Из этого пути и состоит вся наша российская жизнь».

— Проходите к своему месту, пассажир Пузырьков, — важно произнёс проводник. — Если захотите чаю, то после отправления поезда я обязательно поднесу. У меня он крепкий, с печеньем. Горячего пожелаете — рыбы или мяса, — обслужу по высшему разряду. Мы-то для вас стараемся. Батюшки, да у вас одна сумка, и та тощая. С таким багажом чиновники не разбегаются. Вы в нашем городе командировочным числились?

— Нет-нет, это был частный визит... — нехотя бросил Антон Антонович.

— И что, с Шадрыгиным и с Поляновым встречались?

— Да-да, было дело. Так я поднимаюсь? — переспросил молодой человек.

— Надо же... Конечно, прошу вас! — Железнодорожник поклонился и зыркнул глазами. А про себя подумал: «Дай бог на тебе заработать...»

Спальный вагон был старый, потёртый, пропахший углем, снудью и выпивкой. На оконных стёклах проступали извилистые подтёки, напоминающие змей, придавленных осиновою рогатиной. «Привычная атмосфера затхлости, — подумал молодой человек. — Но этого абсолютно недостаточно. Ведь меня непреодолимо тянет испытать надругательства над собственной персоной». Антон Антонович уселся на своё место, задвинул под стол худую дорожную сумку, сбросил куртку. Над окном висела корзинка с облезшими восковыми цветами. Они напоминали перья со старомодных шляп, которые молодой человек видел накануне у вельского старьёвщика. Он закрыл глаза и подумал, сколько самых разных пассажиров лежали на этом продавленном матрасе, бездумно созерцая убогий букет. Впрочем, скоро он отвлёкся от житейской суеты и погрузился в увлекательный мир своего воображения. Его фантазию будоражили предстоящие ласкающие сердце оскорбления и затрещины. Любой ценой Антон Антонович собирался испытать эти сумасбродные радости, поэтому

стал в красках представлять разного рода картины надругательства над собой.

«Для полного раскрытия человеческой агрессивности необходимо срочно изменить общепринятые правовые понятия, — рассуждал он. — Необходимо изъять из Уголовного кодекса статьи, карающие за хулиганство, разбой, нанесение телесных повреждений, изнасилование. Русский человек нынче и так позволяет себе проявлять по отношению к другим немало насилия и враждебности, но куда лучше законодательно позволить ему оскорблять и лупить любого без ограничений. И даже поощрять за извращённые издевательства, например, путёвками к южным морям и пляжам. У нас в стране достаточно опыта в таких вопросах. Разве принуждение к смирению и слепой лояльности в условиях социального гнёта не закреплено на скрижалях национальной истории? Разве не пропагандируется эта ментальность сегодня самым прямым образом медийными резидентами? Хотя и в далёком прошлом иудеи в своих манускриптах писали: «И да будет тебе благо на земле. Даже если мука для тебя наслаждение». Вот и я выбрал себе привилегию — быть униженным и оскорблённым. И вовсе не по подсказке евреев, а исходя из устоявшихся традиций собственного народа. В России отвести себе роль придавленного и бесправного — твёрдая гарантия права на жизнь. Пусть не очень успешную, скорее даже скотскую, но всё же биографию. Тут станешь молча сносить оскорбления и несправедливость, проглатывать язык, когда нужно защищать собственные права, не меть, когда необходимо орать на площадях, отстаивая свои интересы, прятаться в подвале, вместо того чтобы участвовать в марше социального протеста. Мой разум постоянно стремится постичь, что важнее человеку: комплимент или оскорбление, нежность или насилие, учтивость или мракобесие, дружба или вражда, достаток или нищета? Я всегда веровал в себя как в оригинальный экземпляр своего этноса и хотел получать своё по потребностям. И ничего извне, по рекомендациям и советам. Поэтому в воображении остаюсь поборником безмерного, упоительного самобичевания. И при этом не извращённым мазохистом, а человеком, чьи нравственные страдания оборачиваются благом, дают силы жить в стране предков. Сохраняя самолюбие, амбициозность и завышенные претензии к жизни, что характерно ещё для многих моих сограждан, я и дня не остался бы в России. Все наши территории заражены болезнями, главный признак которых — преклонение перед деньгами, то есть перед властью. А нищета так же прочно сроднилась с преступностью, как срастаются агрессивный симикум и благородный тимьян, образуя буйный всепобеждающий сорняк».

В этот момент дверной проём купе загородил мужчина средних лет. Его крупный торс плотно облегла голубая рубашка с вышитыми на нагрудном кармане узорами. Голый череп пассажира лоснился, словно натёртый воском паркет. Из-за высоко подбритых висков лоб у него был как у античного мыслителя. А весь облик источал наивное провинциальное высокомерие, над которым посмеиваются в столицах.

Антон Антонович с тайным ликованием стал ждать развития событий.

— Как ты тут оказался, псина? Быстро пошёл вон! — брезгливо заорал лысый и, наливаясь гневом, уставился на молодого человека.

— Богу было угодно усадить меня на девятое место. Ведь всякий билет — лотерея, не знаешь, с чем окажешься — с выигрышем или проигрышем. Так что я нахожусь в полном сознании собственных потребительских прав. А в нашей стране закон защищает пассажира с билетом. Поэтому считаю, что инцидент исчерпан. — Зрачки больших глаз Пузырькова расширились. Надежда получить удовольствия стала будоражить сознание.

— Пошёл вон! Молча! Встал, взял вещички и вон! Не буди во мне зверя. Валяй! — прорычал незнакомец. Его лицо из багрового стало белым, почти бескровным.

— Почему вы так упорствуете, — кротко возразил Пузырьков, — в своей несправедливости? Я занял место, указанное в купленном билете. Никто не имеет права что-то от меня требовать, кроме выполнения общих правил пассажирских перевозок. Успокойтесь, любезный, ваш странный тон меня совершенно не страшит. В купе я на законных основаниях и к вам никаких претензий не имею. Лучше нам познакомиться... — В душе Антон Антонович уже бурно ликовал.

Новоявленный сосед вновь потребовал с маниакальным упрямством:

— Последний раз повторяю: убирайся! Урод!

— О-о-о-о-о! Эх как вас разбирает! Не лучше ли успокоиться и понять, что правда на моей стороне? Гневаться-то не надо, это состояние не красит русского человека. А вы, видимо, стремитесь к идеалу, как, впрочем, вся наша страна. Особенно в последние годы, когда светскость обрела невероятную популярность...

Не выдержав, незнакомец шагнул в купе, схватил Пузырькова за грудки, поднял его незначительное тело и вышвырнул в коридор.

— Сказал, пошёл вон, падаль! Сам не захотел, так я помог! — довольный собой, заключил лысый. — Только не пытайся вернуться — прибью. Смотри, какой нахальный мерзавец! Залез в первый класс и барствует. Таким типам здесь не место. Оборванцы едут в общем

вагоне. Сгинь! Не то высажу вообще! И не на перрон, а упрячу надолго в каталажку.

Кровь от удара о металлическую скобу струйкой текла по лицу Антона Антоновича, капая на старую джинсовую рубашку. Притворно покряхтев, он выпрямился и примирительно обратился к свирепому соседу:

— Уважаемый, я не раб таких понятий, как достоинство. Честь для меня категория эфемерная, гордость — химера, которую я изгнал из себя всю раннюю молодость. Я убеждённый последователь христианского догмата: истинное блаженство получают лишь кроткие в помыслах, нищие в амбициях, богатые жертвенностью. Приветствию насилие в любой форме над теми, кому достаётся тяжелейшая судьба в силу подавления в себе даже едва заметных чёрточек эгоизма. Эта моя особенность даёт ощутимое духовное превосходство над массами людей и тем самым скрашивает моё скромное существование. Я всякий раз с восторгом предвкушаю насилие над собой, ведь у меня способность извлекать из несчастий обывательского толка душевную благодать. — С первого взгляда было заметно, что Пузырьков находится в состоянии необычайного подъёма. Он и правда еле сдерживался, чтобы не броситься к своему обидчику с объятиями.

— Исчезни, выродок! Ещё одно слово, и я тебя по стеклу размажу! — нещадно пересыпая свои угрозы руганью, орал сосед по купе.

— Увы, — потупил взгляд Пузырьков, — познавая историю цивилизации, понимаешь, что глупцы всегда составляют абсолютное большинство рода человеческого. Тем не менее я не теряю надежды на понимание. У меня в билете указано девятое место. Разрешите же наконец занять свой лежак! Самодурства в стране много, но не до такой же абсурдной степени, чтобы на законное место не допускать...

В этот момент Антон Антонович получил ещё несколько мощных ударов в лицо. Перед глазами сверкнули яркие, точно при салюте, звёзды. Вагон завертелся, словно зацепился за чёртово колесо. Потом всё погасло. Молодой человек провалился в мрак беспмятства и как подкошенный свалился в проходе. Ноги его дрожали как в приступе падучей. Затем он затих. Могло показаться, что в вагоне перед пятым купе лежит труп.

— Предупреждал ведь, что хамить Иванихину никому не дозволено, — сердито заключил сосед. — Вежливо просил, культурно объяснял, что надо оставить купе, в котором я еду. Теперь придётся выбросить этого плюгавого на вокзальную помойку. Откуда только такие идиоты берутся? Эй, проводник, убери эту падаль! — с нахрапом, даже несколько истерично заявил мужчина из пятого купе. Он пребывал в крайнем волнении.

— Верно-верно. Так ему! — бросила дама в золотых украшениях из купе слева. Матово-бледное лицо и алые губы выдавали в ней северянку. — Нечего всякую рвань в первый класс пускать. У нас в России всё не так! — Она страдальчески стиснула руками голову, как при приступе мигрени.

— Если нужно, я добавлю! — высунулся мужчина из купе справа. — Могу дать ему ногой по яйцам, чтобы замолчал. Я слышал, как вы его уговаривали. Могу быть свидетелем, если что.

— Где же проводник? Позовите его! Пусть вынесет эту сволочь из вагона, — оглядывался Иванихин. — А вам спасибо, — кивнул он мужчине справа.

Пока дождались проводника, поезд тронулся и медленно покатил в столицу. Перестук колёс стал набирать ритм.

Сознание Антона Антоновича наконец прояснилось. Он открыл глаза, с трудом осмотрелся и стал неуклюже приподниматься. Ему удалось сесть на полу, устланном потёртой дорожкой. Десяток надменных, каменных лиц сверлили его злыми взглядами. Основательно побитый молодой человек вызывал у пассажиров девятого вагона отторжение и брезгливую брань. Ни один человек не подошел к изгою, не выразил ему признаков сочувствия.

— Господа, что вы доказали своими побоями? — слабым голосом обратился Антон Антонович к Иванихину, пытаясь улыбнуться. — Природа сама провела различия между людьми. Да! Сегодня русский человек отдаёт предпочтение не глубокому уму и широкой душе, а крепкому кулаку и накачанным мускулам. Впрочем, я несколько не возмущён этим. Каждый осознает мир и самого себя, исходя из собственного восприятия. Одни упиваются бойкой работой своих кулаков, другие — незаслуженными тумачами и оскорблениями. Чтобы ощущать душевную радость, подвергаясь грубому насилию, человек должен быть убеждён: современный русский в национальном пространстве кабалы свободен. Ах, какое это замечательное чувство — быть абсолютно свободным на территориях кабалы! Вы можете подумать: как ничтожно мало нужно Пузырькову, чтобы, даже испытывая острую боль, чувствовать себя бесконечно счастливым! Да! Когда всем сердцем презираешь общественную ментальность, переживание внутреннего сопротивления действительности вызывает истинный восторг. В своих помыслах и действиях я защищаю не просто свои права, не только свою личность, а самого господина Пузырькова. В самом себе я нахожу бесконечные возможности для наслаждения. Признаюсь: пик его всегда приходится в момент моего ужасного унижения. И настаиваю на своём умозаключении: моё по-

ведение не что иное, как отражение российского образа жизни. Так что видеть в моих странностях мутационную аномалию или порок не стоит. Может быть, вам интересно, — тут Антон Антонович оглядел враждебно молчащих пассажиров, — знать, что же собой представляет этот одинокий, несчастный с виду, жаждущий издевательств над собой человек? Пожалуйста, я готов открыться...

В этот момент пассажирка из соседнего купе истерично перебила:

— Этот тип — сумасшедший! Он может спалить вагон! Я не желаю ехать с ним в одном поезде. Ночью психам в голову лезет чёрт знает что. Где вы, проводник? — Дама взвизгнула, трясая тяжёлыми золотыми серьгами. — Избавьте нас от этого злодея! — Она жалобно обвела взглядом присутствующих. — Разве можно в этой стране быть спокойным? Повсюду извращение и уродство! Даже в виповском вагоне дух не переведёшь.

— Дело ясное, шизик! — поддержал даму белобрысый толстяк с тремя подбородками из купе слева. Голос у него был высокий, как у многих полных особ. Из ушей толстяка комично вылезали пучки волос.

— Пусть валит отсюда, придурок! — присоединился мужчина, стоящий у третьего окна. Его серо-зелёные глаза налились холодной яростью.

— Надо самим выкинуть этого мерзавца из вагона! — предложил пассажир лет сорока, напоминающий выпученными глазами вымогателя — не то чиновника средней руки, не то бандита. Он был в тёмном костюме, при этом едва застегнул пиджак на нижнюю пуговицу. Огромный живот грозил и её снести в самое ближайшее время — после вечернего чая или кружки пива. Пассажир вертел в руке золотой крестик, висевший на груди, и топтался, словно на морозе. Говорил он в нос, по-московски акая.

Враз загудели и остальные пассажиры. Ситуация обострилась. В проходе становилось душно, точно в предбаннике.

— Я вполне допускаю, — начал молодой человек довольно твёрдым голосом, хотя его физиономия выглядела довольно жалкой, — что состоятельные обитатели нашего вагона могут находить удовольствие в унижениях кроткого и неказистого субъекта. Скорее всего, сама наша действительность побуждает вас к таким реакциям. Ведь у нас демократию свободы подменили демократией неравенства. А я совершенно не похож на вас. Я изгой общества и хочу убедиться в этом ежечасно. Даже самыми малейшими знаками и деталями. Вы нарядились в модные одежды, уверились, что сегодня бешеным псом быть во

всех отношениях выгоднее, чем безобидным существом. По-вашему, состояние кротостью и смирением не зарабатывается. Не знаю и не хочу ничего знать на этот счёт, в таком вопросе я вам не оппонент. Но для бунта против материального тоталитаризма как модернистской доктрины существования человека необходимо с раннего возраста вооружиться идеями. Извлекать из залежей национального духовного наследия изумруды славянофильства, православия, аскетизма. Для меня отчуждённость и отшельничество стали прочной защитой от современных нравов. Наша национальная почва размыта. Духовный кризис охватил уже не миллионы, а практически всех русских. Ничтожно мало людей, испытывающих искренние опасения за судьбу российского государства. Более того, широкая публика с удовольствием осознаёт эту опасность! Как вы думаете, у какого общественного сословия комплексы агрессивности и пофигизма проявляются ярче всего? — Понимая, что его пространственные речи совершенно нелепы перед этой случайной аудиторией, он, однако, не собирался отступать. — Молчите? Так я сам скажу — у людей с тугим кошельком, с многочисленными знаками на банковских счетах! Что для вас важнее — капитал или чувство родины? Безграничный загул или углублённое созерцание? Лишь незаурядный интеллект жаждет постичь секреты мироздания. Да, сегодня бездари одержали временную победу. Поэтому я с готовностью жду от вас новых издевательств и оскорблений, веря, что они рождают во мне возвышенные склонности.

— Господа, почему вы терпите эту гадину? — взвизгнула дама в золотых украшениях. — Он оскорбляет нас, а вы бездействуете! Неужели вагон полон трусов? Не допускаю такого ужаса! Где начальник поезда? Давайте, в конце концов, сбросимся, заплатим поездной бригаде и избавимся от этого проходимца. Даю сто долларов.

— Ещё сто! — Мужчина справа достал из бумажника зелёную купюру и передал её женщине. — Будьте казначеем.

— Пятьдесят зелёных! — коротко обронил мужчина с тремя подбородками. Из-под мохнатых бровей он с яростью оглядывали молодого человека.

— А я передаю в общую кассу двести баксов, — пробасил Иванихин. — Позже надо бы обсудить вопрос об учреждении общероссийского фонда в защиту порядочных людей. Необходимо выбросить из страны всех бомжей и придурков. В Европу их, в США. Пусть там умничают. У нас их больно много развелось. Настало время повести беспощадную борьбу с этим мерзким явлением, иначе через пару лет потеряем Россию.

— Возьмите и мои сто долларов! — вставил мужчина с пивным животом. — Идея банальная, но годится, чтобы убить время. — Он

взглянул в зеркало, висевшее в коридоре, и долго не мог оторваться от отражения собственной расплывшейся физиономии завсегдага барных стоек.

В вагоне воцарилось деятельное воодушевление. Пассажиры загудели, стали передавать деньги даме в золоте. Набралась одна тысяча триста долларов. Путешествие продолжалось.

Молодой человек все ещё сидел на полу вагона, восхищённо наблюдая за происходящим. Всё выглядело именно так, как он себе это представлял. Публика проявляла эмоции, типичные для хозяев жизни современной России. Здесь можно было встретить всё: и слепую ненависть, и жгучую злобу, и презрение, и остервенелое безрассудство, и маниакальное своеобразие. Антон Антонович усмехнулся этой национальной картине, решив молча ждать дальнейшего развития событий.

В этот момент в вагоне появился лощёный, широкоплечий проводник. Он преданно оглядел пассажиров, всем своим видом показывая, что полностью на их стороне.

— Чем могу помочь, уважаемые господа? — широко улыбаясь, льстивым тоном затараторил он. — Я к вашим услугам. Моя главная задача — охранять ваш покой. А ты что развалился в проходе? — повернулся он к Пузырькову, будто впервые его увидел. — Мешаешь пассажирам отдыхать! Вставай! Не создавай публике дискомфорт. — Проводник предвидел конфликт в пятом купе, более того, с нетерпением ожидал его. Он слышал, как публика настойчиво звала его, но не торопился. Пройдоха прекрасно понимал — чем жарче страсти, тем выше ставки.

— Вызовите начальника поезда, — потребовала женщина в золоте.

— Халдей, — обратился к проводнику Иванихин, — ищи начальника! Чтобы через пять минут вы вместе стояли передо мной. Взял ноги в руки и понёсся за ним.

— Прошу прощения, а можно узнать, в чём, собственно, дело? — с подчёркнутой учтивостью поинтересовался железнодорожник. — Кто или что вас беспокоит? И, как видно, не одного, а всех пассажиров первого класса.

— Эй, ты, тащи сюда начальника, базар есть, — рявкнул бандичиновник. — Что без толку ляды точить? Побежал, побежал! Или для скорости дать пинок под зад?

— Если твой шеф не хочет вылететь с треском с должности, пусть поторопится, — добавил пассажир с тремя подбородками. — Не рисуется через три минуты — звоню в Питер генеральному директору железной дороги. Мой приятель как раз курирует пассажирский

транспорт. — Повернувшись к соседям по вагону, он негромко заметил:

— За тысячу долларов у железнодорожников можно снять или назначить любого.

— Слушаюсь! Пошёл, нет, побежал, даже полетел за боссом! — как-то игриво заявил проводник, направляясь в тамбур. — Наша работа — во всём угождать пассажирам. Удовлетворять их желания, оказывать любые услуги по прејскуранту.

— Посмотрим сначала, на что вы способны. Сейчас вам будет дано пустяковое поручение. За гонораром не постоим. — Казначей потрясла конвертом с долларами.

— Что, выбросить из поезда этого бомжа? Делов-то... раз плюнуть!

— Да такие типы за десять долларов любого из нас продадут, — мрачно вставил пассажир из шестого купе. — Могу поспорить с кем угодно на тысячу баксов, что за пятьсот зелёных куплю его на время поездки и смогу делать с ним всё что захочу...

— Например? — усмехнулся бандит-чиновник. — Что он такое сделает, чтобы мы все сказали «вау»?

— Скажи, какое ты знаешь самое-самое большое унижение человека, — то он и стерпит.

— Что, трахнуть его сможешь? Даже по-французски? — хихикнул господин слева.

— Нашел унижение, — отмахнулся бандит-чиновник. — А если он гомик? Платишь ему, а он ещё удовольствие получает. Нет-нет, в этом ничего особенного я не вижу. Заурядное дельце! Экраны полны трахающими мужиками. Но я бы придумал что-нибудь самое-самое...

— Что? Неужели круче, чем я? — с вызовом огрызнулся Иванихин. Тут его глаза вспыхнули.

— Давай посмотрим, чьё предложение признают самым крутым! Есть желающие поучаствовать в этом конкурсе? Дорога-то длинная. Надо же чем-то увлекательным заняться. Пощекотать нервишки. Успеем и водки напиться, и блевануть, и ещё раз на человека взглянуть. Каков он, наш сегодняшний россиянин? Есть ли отличие от европейца, китайца или америкоса? Приз тысяча баксов.

— Я бы тоже поучаствовал, — заявил тип с тремя подбородками. — Мне в башку часто лезет всякое разное. Да и со сном плоховато. Так что готов взбесить себя любой острой игрой.

Другие промолчали.

— Опять надо скидываться, — сказал то ли бандит, то ли чиновник. — Нас четырнадцать человек, значит, с каждого по семьдесят американских. Ради круглого счёта даю ещё двадцать. Участников

трое. Каждый пишет свой вариант и передаёт жюри, а оно обсуждает и выносит вердикт. По рукам?

— А кто жюри? — оглядел публику Иванихин.

— Главой его предлагаю выбрать нашу уважаемую попутчицу из четвёртого купе. Кто против? — Не дожидаясь ответа, бандит-чиновник обратился к даме: — Кстати, как твоё имя, красуля? Ох, был бы я помоложе...

— Далила Крузепович, структуролог, — важно представилась дама.

— Эка! Вечер долгий, может, в гости пригласишь, — ухмыльнулся он. А сам подумал: «И грудь аппетитная, и золото не дутое, и сумочка, видимо, полная. В самом деле, почему бы не нырнуть к ней на ночь? В поезде сам бог велел этим заняться».

— А вы кто таков? — Голос Далилы смягчился.

— Порошенков, Николай! Кавалер до мозга костей. — После знакомства он стал всё настойчивее приглядываться к заалевшей Крузепович.

Пассажиры поощрительно улыбались. Вечерело, закатное солнце осветило вагон. Лучи, ярко брызнувшие из прорыва в облаках, плясали на стареньких дрожащих стенах. Экспресс тяжело громыхал на стыках, преодолевая путь по таёжной трассе. Трое участников конкурса разошлись по своим купе, обдумывая, как изощрённее поиздеваться над проводником, чтобы веселее провести время.

О Пузырькове на время забыли. Молодой человек по-прежнему сидел, скорчившись в проходе, и ждал, что будет дальше.

«Вот я на полу вагона, уносящего меня в неведомое будущее, — думал он под стук колёс. Одержимый страстью к унижениям, волшебством издевательств над собой, я всякий раз тороплюсь к новым местам, надеясь получить заветное. Евреи в своих библейских сочинениях поучали: «...Равная работа не даёт тебе право на равное благо; только одно равное наслаждение даёт тебе право на равное наслаждение. Наслаждайся! Если же ты работал и позволил отнять у себя наслаждение, то по делам тебе и мука». Вот и меня в этом мире волнует лишь собственное наслаждение. Большинству такая идея покажется странной, а то и нелепой. Но я на публику смотрю с полным безразличием. Она занимает меня лишь в контексте собственных развлекательных сюжетов. И не больше. Мне все равно, когда испытывать восторг — до или после глумления надо мной. Кстати, ожидание насилия приводит меня в столь же счастливый трепет, как и сам процесс издевательств. Эгоисту окружающий мир неинтересен. Мы выбираем в нем сугубо своё, сокровенное. Ведь традиционное искусство жить постепенно вырождается. Всё, что было вло-

жено христианством в развитие духа русского человека, исчезает с невиданной скоростью. Таким изменчивым мир ещё никогда не был. В народе совершенно пропали идеал благочестия, чувство сострадания, зато тщеславие раздулось до небес. В массовом сознании доминируют дикие расистские штампы. Того гляди, начнут давить всех, кто не признает особый исторический статус элитной нации! Нынешний обыватель — это какой-то «неогомосапиенс» с короткими суетливыми мыслишками, с болезненной, извращённой психикой. Видимо, увы, и я сам принадлежу к этому виду. Противиться неизбежному опошлению удаётся, лишь приняв издевательство над собой как форму высшего экзистенциального переживания. Да здравствуют плевки в мою собственную невыразительную физиономию! Да здравствуют пощёчины и пинки! Это особый тип гедонизма, несравнимый по глубине с тупым материальным счастьем».

В этот момент в вагон вошёл начальник поезда — пожилой низенький толстяк. Форменная фуражка сидела на его голове так низко, что разглядеть можно было лишь кончик носа и толстые губы. Проводник услужливо семенил следом.

— Что у вас тут случилось? — спросил начальник неожиданно тонким голосом. — На что жалуетесь?

— Сообществу вагона номер девять мешает этот тип, развалившийся в коридоре, — заявил Иванихин. — Уберите его от нас. И немедленно! Он мешает нам спокойно следовать в столицу. Каждому из нас в Москве предстоит ответственный рабочий день.

— Он дебошир? Пьяница? — деловито уточнял начальник поезда.

— Хуже! Хуже! Он сумасшедший! Уберите его от нас! Мы вам даже премию выдадим! — Крузепович показала пачку зелёных купюр. — Здесь одна тысяча триста долларов!

— Кончай с ним, начальник! — рявкнул господин с тремя подбородками.

— Да помещение проветрите, — потребовал пассажир, похожий одновременно на бандита и на чиновника.

— Чтобы мы его больше не слышали и не видели! — предупредил пассажир из шестого купе. — Если сбросишь его с поезда, ещё лучше. Дополнительную премию получишь. Хотелось бы взглянуть, как он кубарем на насыпь слетит.

Все одобрительно загалдели.

— Поднимайся... Как ты сюда попал? — неохотно обратился начальник поезда не столько к Пузырькову, сколько к проводнику.

— Я вам докладывал, что у него билет имеется, — вяло отозвался тот.

Антон Антонович приподнял голову и, не отрывая глаз от толстых губ начальника, сообщил:

— У меня билет на девятое место. А этот человек, — он жестом указал на Иванихина, — не пускает меня на законное место.

— Пошёл вон отсюда! — вновь заорал Иванихин.

— Дай на билет взглянуть, — потребовал начальник.

— Пожалуйста! Купил его на вокзале перед отправлением поезда.

Тщательно осмотрев билет, шеф состава распорядился:

— Бобров, взгляни, по-моему, фальшивка... Контрольные линии почти не просматриваются. В управлении есть информация, что на вокзале Вельска злоумышленники торгуют такими подделками. И что за фамилия — Пузырьков? Паспорт проверял?

— Конечно. Но я не подозревал, что проездные документы фальшивые.

— Да, но я билет в вокзальной кассе покупал... — вставил молодой человек.

— Я так и думала, что за всем этим криминал, — торжествующе взвизгнула Крузепович.

— Каков мерзавец, государство дурит! Бюджет страны, понимаешь, трещит, а мошенники процветают! — возмутился пассажир с тремя подбородками.

— Ворюга! — Иванихин ткнул кулак в лицо Антону Антоновичу. Затем, немного помедлив, пнул его в живот.

К удивлению присутствующих, Пузырьков в порыве чувств захлопал в ладоши.

— Бобров, — скомандовал начальник поезда, — отведи безбилетника в штабной вагон, а я вызову полицейского. — Эй, ты, следуй за проводником!..

Едва Бобров и господин Ч. скрылись за дверью, начальник поезда сменил тон:

— Тут говорилось, что имеется премия? Позвольте узнать, из чего она состоит.

— Тысяча триста долларов. Правда, не худо? За такое пустяшное дело. Но у нас условие: чтобы этот тип в вагон не возвращался, — требовательно заявила Крузепович.

От неожиданности железнодорожник приподнял козырёк фуражки — его глаза заблестели, а щёки побледнели.

— Так и будет! — понизив голос, заверил он, про себя выругавшись: «Ничего себе подарочек!» Затем решительно на глазах у всех разорвал в клочки билет Пузырькова.

— Bravo! Bravo! — ахнули пассажиры.
— Спасибо! Это теперь ваше! — Структуролог кокетливо передала железнодорожнику пачку долларов. — Значит, вопрос решён?
— Так точно!
— Пару сотен дай проводнику, чтобы не ныл, как голодная собака, перед дверьми, — приказным тоном бросил мужчина из шестого купе. — Знаем мы вас, вымогателей!
— Всё будет по-честному. Я не только ему, но и повыше кому следует отправлю. Справедливость у нас соблюдается.
На этих словах в вагон вошёл полицейский. Он подозрительно оглядел возбуждённых пассажиров и недовольно спросил:
— Что вызывали?
— Мы обнаружили пассажира с фальшивым билетом. Проводник отвёл его в штабной вагон, — важно пояснил мужчина с тремя подбородками.
— А где этот билет? Надо акт составить.
— Я его разорвал на мелкие части, — твёрдо отвечал начальник поезда.
— Это ещё как? — полицейский помрачнел. — Вы что, не знаете, что на каждую фальшивку составляется протокол и она изымается как вещдок?
— В сердцах, голубчик, в сердцах, — вздохнул начальник, глубже прячась под фуражку. — Аферист вёл себя по-хамски, женщину чуть до приступа не довёл.
— Тимофеич, — прищурился полицейский, — фальшивка сдаётся в управление. Это документ, требующий расследования. Что мне теперь руководству докладывать? Слова к протоколу не подошьёшь.
Бандит-чиновник подошёл к Тимофеичу и шепнул ему на ухо:
— Дай менту триста долларов, и всё успокоится.
Тот так же тихо ответил:
— С него и сотни хватит. Я начальник состава и единственный, кто способен решить ваш вопрос. Билет-то у вашего парня был настоящий, а не фальшивый.
— Ну дай хотя бы две сотни!
С минуту все молчали.
— Слушай, голубчик, зайдём на минутку в пятое купе, — предложил полицейскому начальник поезда.
Некая незримая, но прочная внутренняя связь между российскими казёнными людьми разных ведомств и уровней была залогом того, что консенсус будет найден. Искусство управления Россией базируется на этом скрытом, но надёжном фундаменте.
— Дорогой голубок, билет был нормальный, — без обиняков начал начальник поезда, когда остался наедине со стражем порядка. —

Только эти вивовские пассажиры отказались ехать вместе с голодранцем. Дали мне пару копеек заработать. Короче, я его высажу на первой станции как безбилетника. Вот, держи двести долларов и забудь эту историю. По рукам?

— Сначала давай бабки, а потом ударим по рукам.

— Держи!

— Голодранец! А на какое бабло он билет купил в первом классе? Может, обьщем? Вполне возможно, что он после кражи возвращает-ся. А в люксовом вагоне хотел замести следы.

— Поделишься? — как бы смущённо спросил железнодорожник.

— Ещё бы! Мы в дороге партнёры.

— Тогда поспешим. Он в штабном вагоне.

Они вышли из купе и, не общаясь больше с публикой, быстро направились к своей цели.

Антон Антонович одиноко стоял у окна. Все купе штабного вагона были плотно закрыты. «С каким нетерпением я жду грубого надругательства! Пусть уж они взаправду мучают меня, истязают до безумия. Но пошлость жизни делает меня заложником рутины. Видимо, сама интрига существования способствует этому. Наш человек и в своём хамстве, насилии, издевательствах, извращениях талантлив, даже гениален, но безумно ленив. Чуть больше страсти — и страна с таким потенциалом ненависти к окружающему перевернулась бы в одночасье! Невыносимо. Я, русский, мечтаю о насилии, так же как итальянцы или французы бредят мольбертами и высокой модой, как немцы вдохновляются классической музыкой и порядком в экономике, как англичане замирают от цифр фондовых площадок, как американцев вдохновляют инвестиции в нанотехнологии, как японцы тоскуют по Курильским островам, а грузины — по сухумским бульварам... Может, пора переместиться в другое пространство? Куда-нибудь за бугор? Найти там то, что я так яростно ищу здесь, — возможность свободного поиска собственного «я» в атмосфере чистого созерцания! Ведь моё русское эго, по сути, не органично мне, оно привнесено извне и закреплено во мне обстоятельствами непреодолимой силы. Жутко жить в постоянном чередовании: час жестокости, минута передышки. Кстати, привычка к присутствию капли блага в море насилия и формирует новый тип русского человека, которому всё отраднее существовать в тёмных фантазиях. Когда пребываешь в преисподней, не стоит строить иллюзии, пытаясь представлять картинку рая. Честнее чувствовать ад всегда и всем своим существом. Где нет смысла жить, там проблема преодоления ужаса существования отпадает как таковая».

Ход его мыслей прервало появление начальника поезда и сотрудника транспортной полиции.

— А ну покажи лейтенанту паспорт, — приказал железнодорожник.

— Гражданин, предъявите удостоверение личности, — строго подтвердил блюститель порядка.

Пузырьков послушно вытащил из кармана куртки паспорт и передал его.

— «Пузырьков Антон Антонович», — медленно прочитал страж порядка и, полистав документ, спросил: — Прописан в Москве, а чем занимался в Вельске?

— Искал себя, — виновато улыбнулся молодой человек.

— Это в каком смысле? Что, у тебя проблема с памятью? Кражами не занимаешься? Выверни карманы, посмотрим, что у тебя своё, а что чужое.

— Чужих вещей у меня нет, всё своё, — всё так же кротко ответил Антон Антонович.

— Показывай, не тяни! — потребовал лейтенант.

— Кроме паспорта, бумажных салфеток, денег и кредитных карточек, у меня ничего нет.

— Показывай всё. Сколько денег?

— Чуть больше трёх тысяч долларов и ещё пятнадцать тысяч рублей.

— Откуда у тебя столько? Где работаешь?

— Я свободный художник.

— То есть ворует?

— Отнюдь, — возразил Пузырьков. — У вас нет никаких прав, уважаемый лейтенант, выяснять происхождение моей наличности. Это моя собственность.

— У тебя билет фальшивый, а деньги тоже нарисованные?

— Всё в порядке. И билет был нормальный, купленный в вокзальной кассе. Могу описать кассиршу.

— Давай на твои купюры посмотрим. Они вызывают у меня сомнения...

— Пожалуйста. — Антон Антонович передал плотно набитый асигнациями бумажник.

Страж порядка вытащил всю наличность и кредитки, а пустой портмоне передал начальнику поезда:

— Подержи минутку, надо взглянуть на вещдоки. — Он принялся пересчитывать доллары, бормоча про себя: «Неплохо нарисовано». Затем снова уставился на Пузырькова: — Ты сказал, что у тебя три тысячи зелёных. А я насчитал четыре тысячи восьмьсот. Человек, не знающий, сколько денег в его собственном кошельке, может быть только вором. Где украл?

— Я не буду отвечать на ваши вопросы. Это провокация.

— Дам тебе провокацию. Изымаю всю сумму, составляю протокол и передаю наличность на экспертизу. Там выяснят, деньги это или бумажки, а если деньги, то у кого они украдены. А кредитки? Тоже подделка?

В этот миг к уху лейтенанта приблизился Тимофеич и шепнул:

— Отойди на два слова.

Они быстро обменялись короткими репликами.

— Надо высадить его на первой станции. Пусть рассказывает свои небылицы адвокатам. Я буду утверждать, что в рейсе никаких происшествий не было. Деньги разделим. А карточки лучше отдать и паспорт тоже. От греха подальше, — подытожил начальник поезда.

— Согласен, лучший вариант — деньги нам, а остальное ему. Чтобы расследования не было.

После сговора оба вернулись к Антону Антоновичу.

— Если билет фальшивый, деньги, скорее всего, тоже. Давай, начальник поезда, составлять протокол.

— Так, где взял иностранную валюту? Врать бесполезно, на первой станции сдадим тебя полицейским. Иди в тамбур. Пошел.

Едва Пузырьков удалился, как Тимофеич прошептал:

— Давай делить. Поровну, по-братски. А сдавать его наряды на станции не надо. Лучше высадим прямо здесь в тайге. Я свяжусь с машинистом, подбросим ему потом сто долларов. Попрошу сделать экстренное торможение. Когда состав приостановится, вытолкнем этого придурка. Никаких тебе улик, никаких свидетелей. Пусть ищет себя в лесу или в столице по шпалам добирается.

Так и решили. Начальник поезда стал вызывать по рации машиниста.

Тем временем в девятом вагоне рассматривались предложения трёх участников конкурса на изощрённое одурачивание проводника. Жюри рассмотрело заявки и вынесло решение: первое место отдать Иванихину. Он предложил дать Боброву тысячу долларов за выполнение следующего аттракциона: проводника привяжут под сливной трубой унитаза, так чтобы все фекалии VIP-пассажиров стекали ему на голову. Второе место занял бандит-чиновник. Он вёз с собой автомобильный насос, а потому предложил вставить его в толстую кишку проводника и накачивать внутренности Боброва воздухом, чтобы понять, упрётся ли надутое тело в потолок вагона. Третье место досталось мужчине с тремя подбородками. Тот придумал подвесить железнодорожника за окном на короткой верёвке. Таким образом, проводник следовал как бы в девятом вагоне, но снаружи.

Теперь публика жаждала узнать, где найти Боброва, чтобы реализовать победивший сценарий. Но мы с вами навсегда оставим данную компанию.

В это время в вельской мэрии у Полянова бушевали нешуточные страсти. Для отцов города и области Пузырьков исчез. Это обстоятельство привело всех в шок. Местные службы правопорядка, их штатные и внештатные агенты вели поиск молодого человека. Руководство до смерти было напугано слухом, что брат самого Андрея Антоновича направляется в столицу с тайным докладом. Невыносимо было представить, что в результате этого не совсем понятного визита солиднейшие люди могли лишиться должностей, твёрдых доходов, провалиться в бедность, которая влечёт за собой в современной России глубокое презрение окружающих. Поэтому трудно описать панику, охватившую весь аппарат при вести о пропаже странного гостя.

После недолгих переговоров Тимофеича с машинистом поезд начал притормаживать. Заскрежетали колесики, ход состава замедлился и сравнялся со скоростью пешехода. Лейтенант и Тимофеич вошли в тамбур, где поджидал решения своей участи москвич.

— Ну что, аферюга, давай спрыгивай! Сам знаешь — закон надо уважать, — приказал полицейский. — Безбилетникам в поезде не место!

Тимофеич распахнул дверь вагона и пригрозил:

— Спрыгивай, пока тебя в полицию не сдали. Без срока тут не обойдёшься. Ещё спасибо скажешь, дуралей!

— Так мне же в Москву надо. И билет у меня был, — робко возразил Пузырьков.

— Давай прыгай, а то поможем. И не за локоток поддержим, как барышню, а пнём ногами в пах, — усмехнулся лейтенант.

— А мой бумажник, паспорт, кредитки? — Тут какое-то болезненное выражение исказило его лицо.

— Кредитки и паспорт возьми. А что за бумажник? Ничего не знаю, ничего не видел.

Тут Антон Антонович получил обещанный удар ногой в живот и задохнулся от восторга. Затем на него посыпались удары в грудь и по другим частям тела. Сознание заволокло сладостным туманом. Его силком вытолкнули из тамбура, он вывалился и кувырком полетел с насыпи.

11

На Кутузовском проспекте, в доме номер 24, на трёх тысячах квадратных метров расположилась готовая к открытию Международная академия совершенствования духовного мира. Из жилого дома сталинской эпохи новый его владелец создал настоящее произведение архитектуры. Внутреннее убранство не могло не вызвать искреннего восхищения. Интерьер в стиле Реставрации органично сочетался с роскошными светодиодными инсталляциями. Большое значение хозяин обновлённого строения придавал композиционным нюансам и декору — акриловому стеклу, комбинациям редких пород дерева, природному камню, однотонному шёлку и светильникам от Сваровского изысканных форм. Паркет был выложен из уникального колхидского бамбука. Цветные стены, шикарные зеркала, обрамлённые в оранжевые шали, диваны и кресла с обивкой из кожи ручной выделки — всё здесь говорило не только о богатстве, но и об отменном вкусе.

На крыше расположился оазис SPA с коллекцией эфирных масел, добытых из экзотических растений. В погожий день сотрудники и гости академии могли разместиться под открытым небом на солнечной террасе, заказать вино известных марок и насладиться атмосферой комфорта самодостаточности. Аудитории академии, с мраморными каминами, яркими предметами мебели от дорогих французских антикваров и бархатными тёмно-рубиновыми шторами с подсветкой, больше напоминали залы аристократических клубов XIX века, чем лекционные помещения учебных центров, пусть и самых престижных.

В этом замечательном здании ректор Международной академии Елена Мазурина созвала первое совещание преподавательского состава. Она планировала выступить с программной речью и донести до коллег идеологию их элитного заведения. Когда к назначенному часу в зале собралось около семидесяти человек — а это был практически весь лекторский штат академии, — Мазурина подошла к микрофону.

— Укоры совести, — начала она негромко и проникновенно, — вынудили меня взять управление этим новаторским проектом на

себя. Разрешите мне, уважаемые коллеги, изложить некоторые свои мысли о том, кого именно мы хотим воспитывать и готовить в нашей академии к успешной, полной вызовов жизни. Прежде всего, нам необходимо научиться направлять силы на универсализацию интеллекта наших слушателей и их скорейшую интеграцию. Необходимо объединить эту разную публику общим дискурсом. Они приедут к нам не только из разных регионов, но и с различным мировоззрением и несходной ментальностью. Добавьте к этому разность психотипов. Одного может отличать навязчивое беспокойство, переходящее в истерику. Другого — бегство от реальности, которую он воспринимает как нечто досаждающее и мало согласующееся с ценностями его сознания. Мы можем встретить здесь страстного любителя сквернословия, пополняющего свой лексикон, например, перлами из сочинений Ярофеева. Или человека, панически остерегающегося яркого света, телефонных разговоров, помещений с окнами и людей с прищуром, — следы маниакального мздоимства. Или льющего слёзы по утерянным функциям посредника между чиновником и бизнесом, с их щедрыми комиссионными. Или поглощённого идеей приобретения доходного места в фискальных структурах — пленника мифа о быстром обогащении, наиболее популярного у наших современников. Эти и многие другие представители перспективных слоёв российского общества, мечтающие стать нуворишами и знаменитостями, будут стараться попасть в наше заведение, нисколько не скупясь на расходы. В этой ситуации наша главнейшая задача — сгладить интеллектуальные различия, избавить слушателей от академических умствований, освободить их от научных интересов, сулящих рынку потребления лишь величайшие убытки. Надо добиваться, чтобы каждый наш слушатель всеми своими мыслями и чувствами был погружён в мир развлечений, удовольствий, шопинга. Фаустовский человек стремился решать вопросы бытия, жил, чтобы мыслить. Мы с вами, коллеги, должны построить такие социальные модели, чтобы человек, встав с постели, прежде всего принял ванну, обогащённую ароматами фирмы «Кристиан Диор», побрился лезвием «Жиллетт», освежил себя туалетной водой «Армани», надел бельё от «Черутти», съел на завтрак яства французской кухни от шеф-повара господина Вермишеля. Затем выпил чашку кофе от фирмы «Давыдофф», позвонил по мобильному «Верту», надел сорочку фирмы «Лезар», скрепил манжеты золотыми запонками от «Дюпон», застегнул на запястье часы с турбуеном от «Патэк Филипп», завязал галстук фирмы «Брутти», нацепил костюм от «Бриони», обулся в туфли «Джон Гальяно...» — Елена обвела подобострастно внимающих ей лекторов

и мягко продолжила: — Он с досадой взглянет на огромную библиотеку, полученную в наследство от умерших родителей. «Никак не найду время выбросить всю эту чушь» — вот что должно мелькнуть у него в голове! Потом он спускается в гараж, сконструированный дизайнерами «Вайс унд Фрайтаг». Шофёр в ливрее выводит его «Бентли» из парковочного салона, и автомобиль медленно катит по Рублёвскому шоссе. Небольшая скорость даёт нашему объекту возможность разглядывать попутчиков в дорогах автомобилях, так же не спеша движущихся по городским улицам, отмечать обольстительных красавиц. Он легко высматривает подружку для совместного обеда в ресторане «Чентрале». После свежайших морепродуктов и бокала «Шабли» он снимет номер в гостинице «Рэдиссон», выпьет для достойного секса таблетку «левитры», обезопасит себя презервативом фирмы «Макинтош», спрыснет казённую постель духами «Шанель № 18». После часа восхитительного секса и дневного сна ему положено поинтересоваться в Интернете курсами валют, индексами бирж, ценами на нефть и золото. А также обратить внимание на актуальные лоты в аукционных домах «Кристи», «Мак-Дуглас», «Урсула Нуссер», «Сотби», «Буковскис». Вспомнить, что надо просмотреть личную почту, посетить нескольких кремлёвских чиновников, после чего можно уже на часик-другой заглянуть в нелегальное казино при Н-ском посольстве, чтобы сделать пару крупных ставок. Ближе к вечеру он заедет в магазин подарков «Пен клуб» и приобретёт там коллекционные ручки «Ватерман» и «Омас». А ещё надо зайти в банк, разменять несколько крупных купюр на двадцатидолларовые. Жизнь научила его всегда держать в автомобиле для гаишников и ментов достойные презенты, помогающие избежать проблем в случае нарушений всевозможных полицейских инструкций и правил дорожного движения. Что дальше? Правильно, вечер у россиянина должен всегда стоить дорого. Виповский ресторан — за ужин не менее тысячи долларов с человека. Соблазнительная спутница, она же жрица любви, — не менее двадцати тысяч долларов за ночь. Чаевые официанту — пятьдесят долларов за каждого клиента, гардеробщику — десять долларов за бирку. Парковщику — двадцать долларов за автомобиль. Дежурной команде ментов — сто долларов за стол. Наша академия призвана воспитывать первоклассного метросексуала-потребителя. У него не должно оставаться ни времени, ни желания на чтение серьёзных книг, обдумывание философских и научных проблем, исследовательскую деятельность, размышления о смысле жизни, анализ политической и экономической концепции правительства. Он не должен думать, как живут другие сограждане, кому

не так хорошо или совсем худо. Надо культивировать в нём безразличие к чужому горю, пофигизм по отношению к власти. Свобода должна принять форму эмансипации *низа* человеческой природы, вытеснения со всех социальных площадок всего академического, ему на смену необходимо виртуозно насаждать массовую культуру, кайф развлечений, безбрежной сексуальной стихии, игромании, перманентной эйфории. Русский мир должен стать беспримерным по составу обществом потребления, шика и комфорта, озаменоваться безудержной и повсеместной погоней за наслаждениями и уходом в виртуальную реальность. Незыблемый тезис всего нашего курса обучения — конец интеллектуальному монашеству, приступаем к строительству многорядного автобана, ведущего к вожделенным радостям плоти. Если в традициях прошлого, а в некоторых странах и настоящего, вид цветущего тела оскорблял сознание, а немощный стан вызывал восхищение и считался знаком благостности, то мы с вами должны думать о принижении интеллекта. Раньше практиковались телесные наказания. Сегодня необходимо беспощадно карать само сознание. Тех, например, кто занимается интеллектуальным трудом, надо подвергать длительным шумовым атакам на мозг. Я призываю вас показать свою преданность нашим идеям. Они должны быть ненавязчиво донесены до каждого — в лекциях, учебных программах, пособиях, а также в рекомендуемых нами гламурных изданиях, книгах, фильмах и, главное, в стиле жизни каждого из нас. Используйте нейролингвистику и другие новейшие средства. Готовы ли вы участвовать в предстоящем нам деле? Впрочем, — Мазурина слегка усмехнулась, — на этот вопрос каждый из вас уже ответил утвердительно. Но я подумала, что будет лучше, если мы скажем «да» всем преподавательским коллективом.

— Да-да-да-да! — грянуло в зале.

— Не забудьте одну весьма существенную деталь, — предупредила ректор. — Концептуально меня мировоззрение, мы ориентируемся на новый социальный ранжир. Смелее называйте людей из своего окружения звёздами, талантами, гениями, униками, даже если они не окончили школу, даже если купили диплом вуза, а на вопрос, что такое Швейцария, отвечают, что это фирма по производству сыра. Помните, книги — наши соперники, парализующие экономику, уменьшающие наши прибыли и доходы государственной казны. Человек полдня или целый день читает книгу! А она, негодница, отвлекает его от насущных трат, от рынка потребления и сервиса. Что в итоге? Тормозится оборот денег, наносится ущерб инвестициям, замедляется создание новых рабочих мест. А значит, книга негатив-

но влияет на государственную программу роста благосостояния соотечественников. Книга может занимать в жизни современного человека ровно столько времени, сколько он затрачивает на то, чтобы выпить чашку кофе, стакан воды, бокал вина. Мы не против, если он отвлечётся на лёгкое чтение во время заправки автомобиля, телефонного разговора, случайной поездки в метро, автобусе или поднимаясь в лифте. Книжки должны быть небольшого веса, простые для восприятия, незамысловатые по содержанию и дешёвые. Через пару месяцев мы планируем провести в столице, а потом и в других городах России суперакцию под девизом «Сдай книгу, чтобы зимой обогреть ветеранов». Ведь нередко наши старики зимой спят в шубах и валенках. А у многих сограждан мёртвым грузом лежат книги — качественный отопительный материал. Вперёд, друзья! Мы должны изменить жизнь наших сограждан к лучшему.

— Здорово! Гениально! — выкрикнул под аплодисменты маститый киновед. — Я бы добавил, что необходимо увеличить государственный заказ на производство фильмов, соответствующих нашей идейной парадигме.

— Прекрасное выступление. Я горд, что вхожу в вашу интеллектуальную команду, — подхватил наставник молодых литераторов, глава отборочной комиссии конкурса «Послушное перо». — Я бы привлёк моих гениальных студентов к культурному обновлению страны. Они на многое способны... И достойные любовники! Мы забыли о гей-сообществе, а они смогли бы стать нашим передовым отрядом в тренде толерантности.

— Всё замечательно! — перебил его холёный политолог, неустанно позиционирующий себя как литератор-державник. — И, думаю, яда, яда надо больше. Наши противники его заслуживают. Архаизм надо искоренять всеми способами, не озираясь на светские законы и библейские заповеди. Но помнить о лояльности к власти!

После ещё нескольких выступлений все перешли к фуршету. Лобстеры, устрицы, королевские креветки и запечённая ягнятина с аппетитом поедались гостями, запивавшими всё это винами из Италии и Франции.

Утром в понедельник в академии появились первые слушатели. Каждый из них мог украсить авторитетный парад достижений мировой моды. «Китон», «Гермес», «Жан Франко Ферре», «Буффало», «Черутти», «Нина Ричи», «Пьер Карден», «Кельвин Кляйн», «Зенья», «Юкка», «Ципо», «Дизель», «Джон Гальяно» были представлены в избытке.

Мазурина, внешне сохраняя безмятежность, зорко всматривалась в публику. Она мгновенно как бы вырывала взглядом из нович-

ков отдельных персон для беглой оценки. Первое, что её удивило, — соотношение полов. В актовом зале, где интерьер отличался особой роскошью, собралось около ста пятидесяти мужчин, а женщин среди них почти не было. Наконец она заметила двух, а затем и ещё одну. Елена была довольна, что подавляющее большинство среди слушателей — представители сильного пола. Никогда ещё она не ставила русских женщин так высоко, как сейчас. Её даже охватил лёгкий восторг. «Да, они намного лучше, умнее, честнее мужиков. Их на мякине не проведёшь. Они глубже понимают устройство мира, у них верные предпочтения в построении собственной судьбы. Корочки, тиснённые золотом, не вызывают у них рабского азарта. А наши мужчины — тьфу! Показушность у них в крови. Как легко они клюнули на нашу приманку — получить за огромные деньги диплом Международной академии! Учреждения, которое должно их оболванить! Ведь даже средний ум способен понять цели нашего заведения — необратимо занизить интеллект, разжечь наркотическую страсть к потреблению. Эти же дурни ничего не понимают и не видят. Только лоснятся самодовольными улыбками. Ох, я стала презирать мужчин с новой силой. Мне хочется лупить их без оглядки сковородкой, плевать в их физиономии, топтать их, впиваясь каблучками, колоть их булавками, стискивать прищепками».

Она заметила на лбу у одного блондина татуировку «Жаждающий» и узнала Юрия Гулькина. «Перекрасился, чёрт. Видимо, у него очередная любовная история». Едва их взгляды встретились, блондин поднял руку, заулыбался и подбежал к ней.

— Приветствую вас, госпожа ректор, — почтительно склонил он голову. — Никак не могу понять, какая страсть или какой особый мотив толкнул вас, такую замечательную женщину, рождённую для великих дел, возглавить это пусть роскошное, но все же банальное учебное заведение? Ведь свобода превыше всего. Неужели академия даст вам то, что вы не сможете заработать на рынке посреднических услуг? Или есть другие причины, толкнувшие Пузырькова уступить свой бриллиант высшей пробы? Он хоть и олигарх, но вроде умный малый... Может, предложить вам что-то более интересное в плане денежного вознаграждения? Вы мне по вкусу! — Пленительная красота Мазуриной действовала на Гулькина сильнее, чем роскошь торжественного зала и общение с коллегами, среди которых он встретил как знакомых, так и совершенно неизвестных людей. Что касается предпочтений, то данный субъект ценил телесные наслаждения в партнёрстве с представителями обоих полов. Самолюбие в нём оказалось сильнее осмотрительности. Он всё меньше

скрывал свои чувства, поэтому продолжил: — Я положил бы к вашим ногам, прошу прощения, к вашим стройным, изумительным ножкам почти всё, что имею, а владею я спиртными рынками нескольких федеральных округов. Мне нужен лишь намёк, что вы примете... И тогда... тогда... Я вас любил бы, как никто, никто на свете... — «Чёрт побери, как она соблазнительна, — признал он про себя. — Можно душу отдать в залог, но затащить её в постель я просто обязан...»

— Приветствую вас, мой друг, — вежливо бросила Мазурина. — Такие одарённые люди, как вы, склонны преувеличивать эмоциональные порывы. Успокойтесь, направьте ваш замечательный темперамент на дальнейшее совершенствование собственной выдающейся личности. Имя Юрия Гулькина должно вызывать у окружающих восторг и восхищение. Впрочем, мужчина своими талантами всегда обязан женщине. Именно она способствует полному раскрытию его потенциала. — Очарование её нежного голоса во многом объяснялось природной музыкальностью и артистическими способностями. А блеск глаз небесной голубизны мог свести с ума любого. — С другой стороны, как ни стараешься не обращать на ваши смелые комплименты внимания, ловишь себя на мысли, что они приводят тебя в замешательство. А потому прошу вас не касаться со мной подобных тем. Продолжайте общение с вашими новыми коллегами и с преподавателями. Это принесёт вам пользу и, поверьте, обогатит душу и разум. Согласна, что в нашей жизни можно купить всё, кроме... Впрочем, вы сами должны понять, что именно в принципе не продаётся и где торговля неуместна. До встречи, любезный господин Гулькин. Никогда не показывайте женщине свою страсть — это довольно опасная откровенность. Что касается дружбы, то я сама выбираю себе друзей. — Мазурина посмотрела на собеседника в упор, не скрывая лёгкого превосходства. «Убедена, что в его кармане всегда наготове вибратор — на случай, если *свой* подведёт, — с усмешкой подумала она. — Глаза подводит, волосы красит, щёки румянит, как барышня. Пошлые фразы сыплются из него, как жетоны из игрового автомата. Да, с мужчинами в России беда».

Гулькин отошёл, кипя от бешенства. «Сука! Ну, сколько она стоит? Сто тысяч за ночь? Да пусть хоть четверть миллиона. Я бы отвалил ей полмиллиона, чтобы лицо и волосы мыла моёй спермой».

Он, не оглядываясь, затерялся в толчее.

Мазурина, в свою очередь, отвлеклась от неприятного инцидента и вновь переключилась на изучение собравшихся. К ней подошла оживлённая и, как всегда, безупречная, Алёна Русакова.

— Пока все идёт неплохо, — улыбнулась девушка. — Думаю, надо задержать начало актовой лекции минут на пятнадцать-двадцать.

Народ продолжает прибывать. На Кутузовском проспекте большие пробки. Какое у вас мнение?

— Ничего не имею против. Распорядись, чтобы начинали на тридцать минут позже, — поглощённая своими мыслями, ответила Мазурина.

Едва Русакова отошла, как к ректору тяжёлой походкой приблизился человек средних лет, плотный, с непропорционально вытянутой головой.

— Здравствуйте, — учтиво проблеял он. — Я — Григорий Исаевич Пуговкин, губернатор Д-ской области. Коллеги сказали, что вы наш ректор. Это верно? — Он говорил в нос, как при насморке.

— Верно, — улыбаясь, подтвердила Мазурина. — Я, уважаемый Григорий Исаевич, много слышала о ваших талантах государственного деятеля. Рада личной встрече.

— У меня пара деликатных вопросов. Можно прямо здесь их задать? Я-то всего на денёк вырвался, хотел доверить помощнику пообщаться с вами, но передумал. Вопросы щекотливые, затратные, лучше уж самому.

— Не сомневайтесь, всё останется между нами. О вас мне рассказывал господин Барский. Вы человек яркий, он вас высоко ценит. — Про себя она быстро прикидывала: «Деньги у него есть, недавно получил от шефа. Надо его вытрясти».

— Я решил на кремлёвскую карьеру, — понизив голос, признался Пуговкин. — Чего уж там, в области, сидеть? Ведь потенциал у меня огромный. Вот только разных бумажек не хватает. Сами понимаете, бюрократия. У нас не по уму высокие назначения получают, а после просмотра всяких дипломов да аттестатов. Глупость... — Его мучнистое лицо с бесцветными глазами выражало горькую досаду.

— Конечно, — согласилась Мазурина. — Хорошо бы подкрепить ваши богатые практические навыки и дар управленца виповскими документами. К сожалению, так устроен мир. Талант требует своего документального обрамления.

— Можно сразу стать доктором наук? Минуя, так сказать, кандидата? — неуверенно поинтересовался губернатор. — И сколько времени надо ждать? Как всё происходит? Вначале одно, потом — второе и третье или как-то иначе?..

Мазурина опять улыбнулась:

— Такому выдающемуся человеку, как вы, можно сделать эксклюзивное предложение. Если пройти по стандартной процедуре, то на кандидатскую диссертацию надо отвести как минимум семь месяцев, и это ещё при условии определённых затрат. На докторскую —

полтора года, на звание академика — лет пять. Конечно, можно сократить эти сроки... — Тут Мазурина взяла губернатора под руку и прошептала: — Отойдём в сторону, чтобы нам не мешали. Итак, что вам по душе? У нас достойный выбор...

— По душе мне всё и сразу, — застенчиво сказал Пуговкин. — Хотя и понимаю, что это невозможно. Да уж такой я необычный заказчик. Меня совесть мучает, что мой потенциал успешного руководителя пока не востребован.

— Что значит, по-вашему, «всё и сразу»? Человеку с таким размахом, как у вас, не только талант нужен. — «На этом кретине можно отлично заработать», — уже не сомневалась она.

— Кандидат и доктор наук, затем тут же академик. Государственная и международная премии. Несколько книг... — важно перечислял Григорий Исаевич. — Чем ещё можно украсить биографию? Орденом...

— Блестяще! Всё и сразу, — только особо одарённые люди требуют такое. Что ж, если вы готовы к сотрудничеству, думаю, программа выполнима.

— А сколько такой пакет «Всё и сразу» может стоить? — тоже переходя на шёпот, спросил губернатор. — Я хоть и не бедный человек, но деньги считать умею.

— Всё, что вы перечислили, включая орден Почёта и международную премию «Интеллектуал», выдаваемую в Лондоне, потянет как минимум на два миллиона долларов, а то и больше. Но вы, как умнейший человек, понимаете, что работа предстоит чрезвычайно кропотливая. Звания и титулы мы не можем датировать две тысячи двенадцатым годом. Значит, надо иметь дело с архивами, и не с одним, а с несколькими. Первое — с документами Всероссийской аттестационной комиссии, Госдумы и Совета Федерации, кадрового управления президента и так далее. Из этих хранилищ необходимо извлечь ваши файлы, заново их заполнить и подтвердить де-факто ваш научный и общественный статус. В этих мероприятиях будут задействованы более ста человек. Потому и цена немалая. — Она помолчала, затем спросила: — Вы какой вуз заканчивали?

— Саранский институт государственного управления, — несколько неуверенно ответил губернатор и добавил: — Заочно.

— По какой специальности?

— Не помню.

— Когда?

— Кажется, в девяносто шестом году.

— Важно всё знать, ведь необходимо получить учёную степень кандидата и доктора, звание профессора, подготовить к публикации

книги, внести вас в состав авторского коллектива, получившего Государственную премию.

— Нельзя указать, что я люблю Эту партию?

— Какую Эту?

— Эту!

— Значит, ваша специальность «партийное строительство»?

— Нет, не просто партийное строительство, а строительство Этой партии. То есть одной общественной организации. Можно так записать?

— Когда платишь по действующему прейскуранту, дозволено многое. Вы что-нибудь писали? Например, статьи или доклады? И по какой теме?

— В школе строчил сочинения, а позже только заявление о приёме на работу.

— Готовы выложить два миллиона долларов плюс бонусы? И вообще, вам нужно знать: талантливые люди всегда платят больше.

— Это почему? — удивился Григорий Исаевич.

— Им всегда нужно больше, чем заурядному человеку. А чем амбициознее запрос, тем солиднее выглядит счёт на услуги.

— А, теперь понятно... — задумчиво кивнул губернатор, разглядывая свою новую обувь. Он поймал себя на мысли, что поднять глаза у него нет сил. — Два миллиона, чёрт побери, а смогу ли я вернуть такие огромные деньги? Где гарантия, что, украсив своё досье этими дипломами и наградами, я получу более высокое и доходное место? — размышлял он свистящим шёпотом.

Мазурина сделала вид, что ничего не расслышала, и, отлично понимая переживания Пуговкина, продолжила наступление:

— С такими документами, которые вам подготовят, и с нашими связями легко будет стать руководителем федерального округа или отраслевым министром. Превосходно зная современные механизмы политического успеха, технологию карьерного взлёта и методику создания имиджа талантливого государственного руководителя, я нисколько не сомневаюсь в вашем молниеносном продвижении наверх. А если вы прибавите к двум миллионам ещё два, я обеспечу вас замечательным сопровождением на всех медийных площадках. Телевидение, радио, газеты, журналы, интернет. В течение трёх месяцев ваше имя будет постоянно присутствовать в ведущих СМИ, как имя человека, у которого с юных лет обострено чувство социальной справедливости. О вас станут говорить как о надежде демократического развития страны, восходящей политической звезде Этой партии, борце за модернизацию российской экономики, правдолюб-

це. Вы станете участником популярных ток-шоу. Интервью с вами будут добиваться популярнейшие журналисты. Если же добавите к названной сумме ещё всего лишь один миллион, то во всех политических обозрениях и комментариях, во всех отечественных средствах массовой информации вам будут приписывать гениальные по точности оценки, аргументированные прогнозы, умнейшие предложения, якобы высказанные вами на совещаниях, конференциях, международных встречах. Вы станете пропагандистом нашего образа жизни, мировоззрения, которое мы всеми силами желаем внедрить в российское общество...

Пуговкин слушал не мигая, точно загнипнотизированный. Мазурина, помолчав, продолжила:

— Успешного россиянина не должны сдерживать нравственные или религиозные оковы. Он живёт исключительно для самого себя. Наше кредо — ренессанс эгоизма, культ собственного эго. Мы ознаменуем новый стратегический выбор человечества — не сфера разума должна увлекать современников, а сфера потребления, удовольствия, экстаза чувств. Ещё Ницше говорил: «Чем сильнее развиваются чувства единства с людьми, тем однообразнее становятся люди. Так возникает песок человечества: все очень одинаковы, очень малы, очень круглы, очень уступчивы, очень неповоротливы». А мы стремимся к тому, чтобы все были красивыми, разнообразными, утопающими в роскоши, без комплексов предавались античным по утонченности наслаждениям. Необходимо массовое и радикальное противопоставление этого нового гедонизма старой, исчерпавшей себя культуре, отжившим традициям — надуманной святости, учёности, ханжескому человеколюбию, абстрактной доброте. Наша программа должна быть адресной и иметь хорошую компенсационную перспективу. Под мощнейшим напором нового порядка, в авангарде которого мы выступаем, должны окончательно рухнуть мир советов, философия коллективизма, всякие там кодексы морали. Нам предстоит неузнаваемо преобразить себя, реконструировать в новом формате образ позднего Рима, воспеть упоение шикерией, повсеместно поощрять тщеславие, честолюбие и гордыню. Просвещённость надо объявить признаком упадка, ментальным пороком декаданса. Итак, через месяц-два вы станете предметом восхищения десятков миллионов соотечественников. При удачном стечении обстоятельств и на президентское кресло можно примериться.

Пуговкин икнул и виновато взглянул на Мазурину. Она понизила голос и склонилась к покрасневшему губернаторскому уху:

— Если хотите взлететь на олимп верховной власти — готовьте пять миллионов долларов. И не будет в России человека счастливее

вас, человека, чьи амбиции, желания и возможности сольются в великую гармонию успеха.

Григорий Исаевич слушал ослепительную красавицу и млея от потока её не совсем понятных слов. По роду занятий он воспринимал лишь речи и знаки, служащие практическим потребностям обыденной жизни. А тут было так много совершенно загадочного, витиеватого по слогу и парализующего его волю радужной перспективой. Что-то замкнуло в его сознании, и он сдался. Точно сквозь сон Григорий Исаевич услышал собственный лепет:

— Вы думаете, у меня есть шанс даже на... президентство? Неужели я смогу победить национальных лидеров?..

— Конечно, — кивнула Мазурина. — Вы пришли в нашу академию с желанием набраться знаний и опыта. Мы будем всячески помогать вам, и вы быстро сделаете личностный скачок. Ведь наша наиглавнейшая задача — духовное совершенствование современных политических деятелей. Мы пропишем вас в тусовку московской элиты. Вы войдёте в когорту лучших управленцев отечества и добьётесь того, чтобы жизнь истинного россиянина оказалась царствованием... Простите, — сменила она тон, — проект вашей головокружительной карьеры я детально раскрою после передачи нам пяти миллионов долларов. Подумайте. Может, вы о другом мечтаете... А теперь мне пора. Через пару минут у вас общая лекция «Звёзды и антизвёзды художественного авангарда». Желаю вам творческих успехов.

— Минутку, минутку. — Григорий Исаевич растерянно поскрёб щёку. — Как не мечтаю? Конечно, всякий раз думаю об этом. С моим потенциалом что мне Д-ская область?.. Скажите, а поторговаться можно?

— Вы хотите увеличить нашу премию и добавить к пакету «Всё и сразу» некоторые дополнительные элементы? — сверкнула голубыми глазами ректор. — Пожалуйста! Наши предложения не ограничены. Например, мы можем предложить умопомрачительный вариант: за два миллиона долларов в год будем включать вас во все зарубежные поездки президента. Всегда будете рядом с ним, и это послужит невероятному улучшению вашего имиджа. Есть нечто подешевле: за пятьсот тысяч долларов силовые ведомства будут в течение квартала распространять слух, что вы ближайший друг первого вице-премьера. Конечно, можно рассмотреть и самое эксклюзивное предложение: за пять миллионов долларов в год официальные и неофициальные каналы будут передавать информацию, что вы тайный, но ближайший друг самого премьер-министра. Это даст вам огромные преимущества не только в нашей стране, но и во всем ми-

ре. В нашем консультативном портфеле имеются и не очень дорогие услуги. Например, за четверть миллиона долларов мы установим на ваш автомобиль мигалку и специальный правительственный номерной знак. За сто тысяч вручим водительское удостоверение с правом любых нарушений правил дорожного движения. Решайте... Пока цены не поползли вверх.

Губернатор медлил и глядел на Мазурину почти с ужасом:

— Сколько у меня времени подумать?

— Немного. Едва вы отойдёте, как ко мне бросятся ваши конкуренты. Посмотрите налево. Народ занимает очередь, чтобы сделать мне предложения. Но у нас тоже свои лимиты. Я ведь не смогу сотню лиц ввести в состав делегаций, сопровождающих президента. Один-два человека, не больше. Ей-богу, господин Пуговкин, прощайтесь или решайтесь. Какой пакет вам по душе?

— Можно платить частями? — испуганно спросил Пуговкин. — Например, помесечно?

— Нет.

— Даже оставив залог?

— Какой ещё залог? Нужна наличность, — повела раздражённо плечом ректор.

— Я бы заложил свою область.

— О чём вы говорите! Фактический хозяин вашей области — господин Пузырьков.

— Что, это известно? — вытаращил глаза Григорий Исаевич.

— Нам все известно. Прощайте. — Мазурина повернулась.

Губернатора обдало ароматом её духов. Он заметил, что несколько мужчин действительно бросились в её сторону.

— Я согласен, согласен, — сдавленно выговорил он в шёлковую спину.

Мазурина замедлила шаг:

— На что? — Синеокий взор остановился на длинном лице губернатора.

— На десять миллионов, — шёпотом произнёс он. — Больше у меня пока нет.

— Какой пакет выбрали?

— Первый — «Всё и сразу», который вы оценили в пять миллионов. И ещё даю пять, чтобы слыть другом премьера. Вы правда даёте гарантию, что все будут знать о моей дружбе с нынешним руководителем правительства?

— Господи, голубчик мой, конечно, даю. Когда передадите деньги?

— Если вы меня от занятий освобождаете, то к вечеру доставлю.
— О'кей. Жду вас вечером. Ещё что?
— Кто будет считать? Мне самому на пересчёт этой суммы понадобились субботний вечер и всё воскресенье. Я почти не спал. Тяжело...
— Идите-идите, счастличик. У нас есть счётчики. Пока!..
Едва Пуговкин понуро удалился, как к ректору подбежал известный столичный проныра господин Носиков. Это был круглый, смешно картавящий человек. На ходу он улыбочиво приговаривал:
— Бриветик, бриветик, бриллиантовая красавица! Дай я тебя бацелую...
Мазурина уклонилась от его объятий и напонила:
— Ты мечтал стать сопредседателем научного совета нашей академии. Но цена твоя сегодня выглядит смешной. Тебя обошли. Последнее предложение — полмиллиона долларов. А ты, помню, предлагал лишь двести тысяч. Столько платят за членство в попечительском совете.
— Бабечительский совет? Чем он, собственно, занимается? Никогда не слышал о таком.
— Обеспечивает имидж академии, пополняет её фонды, занимается сбором пожертвований, — заявила ректор.
— Кандидатура бредседателя этого совета уже найдена? Брошла согласование? — заинтересовался Носиков.
— Председатель уже определён, но есть вакансия сопредседателя.
— Сколько стоит?
— Для тебя, Димочка, всегда специальная льготная цена. Триста пятьдесят тысяч долларов, — одарила его нежной улыбкой Мазурина. — Для других ставка значительно выше. Так что меня не выдавай!
— Что ж, о'кей, оставь за мной это кресло. Завтра же береведу на ваш счёт указанную сумму. Есть встречные бредложения?
— Нужен орден Почёта для одного губернатора из С-ского федерального округа. Интересуюсь ценой вопроса...
— С тебя возьму триста бятьдесят тысяч, зная, что ты выставила клиента на бятьсот. Тогда мы квиты. Кстати, человек, который мне поможет получить орден, хочет докторскую...
— Кто платит за докторскую?
— Бредлагаю сделать зачёт. Ты бладишь мне за орден триста тысяч и делаешь диплом доктора исторических наук. А я для твоего губернатора даю «Бачёта». Ещё что? Неужели в твоём бартфеле нет другого бизнеса? Не верю...
— Есть дипломат, мечтающий поехать послом в Б-ю. Какова цена вопроса?

— Кто он по национальности?
— Понятия не имею. Русский, наверное.
— Если русский — цена от миллиона до болутора в долларах. Если украинец или армянин — два с боловиной. За азику или узбека возьмут как минимум трёшку. Евреев и грузин даже не бредлагай, ни за какие бабки они не бродут.
— Ченч возможен?
— Что имеется в виду? Боясни.
— За должность посла заплатит не деньгами, а квартирой.
— Спрошу, шанс всегда есть. Какая квартира, в каком районе? Если будет хорошая цена, я сам выкуплю, а нал отдам на кресло. А ты узнай, какой он национальности.
— Если сам выкупишь квартиру, не забудь о моей доле — двадцать пять процентов от разницы в цене. Пока, дружок. Меня народ ждёт.
— Целую, обо всём договорились. Иметь с тобой дело одно удовольствие. Спешу печатать визитки: Дмитрий Носиков, сопредседатель бабечительского совета Международной академии совершенствования духовного мира. Так?
— Так, — засмеялась Мазурина.
Её уже заждался некто Мозгин, представляющийся обычно как «недооценённый слуга человечества». Он мечтал вручать международные премии известным артистам и философам. Мазурина милостиво обещала поддержать его кандидатуру, и он сияя удалился. После этого каждые пять-семь минут к ректору подходили другие лощёные господа с коммерческими предложениями и заверениями в их рентабельности. Возрастающая активность переговорщиков наводила на мысль, что здесь совершались высокодоходные операции. Вместилища истинного достоинства — банковские счета участников утреннего раунда коммерческих переговоров — обильно пополнялись поступлениями денежных средств. В первом часу дня очередь иссякла, и Елена поднялась к себе на пятый этаж. Проходя мимо ассистентки, она бросила:
— Алёна, зайди ко мне. Кофе покрепче и кусочек пармезана. Подобьём сегодняшний баланс.
В кабинете она сначала подошла к большому полуоткрытому окну. На Москву налетел тёплый ливень. Струйки стекающей с крыши воды переливались на солнце. Мазурина с удовольствием подставила брызгам лицо. Несмотря на успешно начавшийся день, ей было тоскливо. Она ненавидела мир, в котором жила, и при этом ощущала себя его заложницей. Молодая женщина пыталась оправдать себя тем, что так живут в России все «нормальные люди», что сами двой-

ные стандарты в наши дни норма, что ей люто завидуют девяносто девять из ста баб, но это не всегда помогало. Восторг и ужас чередовались в её сознании, как в мартовский день изменения погоды. Постепенно она научилась прощать себя, а заодно и всех вокруг, решив, что выхода из порочного круга нет и не может быть. Человек сам всё запутал, и корни этой глобальной путаницы уже обросли мощными побегами. Остаётся двигаться по этому порочному кругу и ждать естественного конца. А во время кратких передышек предаваться самобичеванию. Тот, кто не способен даже на это, стремительно теряет остатки самоконтроля, перестаёт быть деловым человеком и реагирует только на шопинг. Общаться с такими людьми — страдание. Особо женского пола с таким *углублением в материализм*, может быть, хуже всего. Прекрасная внешность стирается, чувственность умирает, сексуальность исчезает. Проницательный партнёр уже не видит стройную фигуру, его не воспаляют алые губы, не соблазняет пышная грудь, не будоражат притворно томные взгляды. Окончательно пропадают силы наслаждаться женскими сокровищами, прикасаться к ним, пробуждается лишь острое желание быстрого удовлетворения.

Прекрасная Елена пока не встретила в своём кругу ни одного мужчину, который не дал бы ей понять, что готов за круглую сумму немедленно повалить её на роскошную кровать. Со временем она перестала относиться к представителям противоположного пола как к одушевлённым объектам. Соблазнить её могли лишь заоблачные гонорары и царские подарки. А секс доставлял наибольшее удовлетворение не от чувства близости плоти, а от размера долларового перечисления на её банковский счёт. Она не помышляла о любви, не верила в чувство преданности, в дружбу и прочие сказки. Имущественная перспектива — вот смысл любой сексуальной связи. Она давно поняла, что совсем не прекрасное и чистое чувство сулит счастье, не любовь наполняет жизнь гармонией, а большие деньги, комфорт, налаженный быт и прочное положение в обществе. Её не возмущали любовники, торопящиеся от неё к своим жёнам. Ей не было стыдно, когда в едва остывшую постель к ней забирался новый ухажёр. Вопрос был только в мотивациях. Не было среди её знакомых ни одной красивой, светской замужней женщины, не имеющей любовников. И не было женатого мужчины с деньгами, который не предавался бы на стороне любовным утехам.

Мир на глазах менялся, прежние устои быстро дряхлели, нравы становились намного свободнее. То, что вчера считалось кощунством, сегодня уже никого не возмущало, а завтра будет нормой. Казалось, каждый человек перестаёт быть самим собой, у него много личин. Желаеть сделать добро, а дело внезапно оборачивается трагедией.

Или хочешь, напротив, продемонстрировать чёрствость, а по обстоятельствам ведёшь себя мягкотело... И даже не переживаешь, словно так и должно быть! Стоит ли корить себя за нетвёрдость характера? Ещё проследишься ненароком, потом весь день глаза будут опухшие.

Если бы она была философом, то, наверное, исследовала бы взаимоотношения полов как сферу, где начинается порча всех нравов. Тут, считала Елена, надо искать истоки и коррупции, и цинизма, и криминала. Все остальные вертикали и горизонталы лишь отражение этих главных связей.

Дождь утих. Она вздохнула и отошла от окна. В кабинет вошла Алёна. Поставила чашечку дымящегося кофе, блюдце с пармезаном. Затем села напротив, сложив руки на груди.

— Хорошо выглядишь, — заметила Мазурина. — Но помни, Алёна, молодость недолговечна. Чтобы её продлить раз-другой, провести лазерный пилинг, пройти курс ботокса, сделать липосакцию, лифтинг, и всё это неоднократно, — потребуется уйма денег. Уйма! Женщины умные заботятся об этом заблаговременно. Ладно, записывай. В нашей кассе десять миллионов долларов. Плюс три миллиона. Еще девять миллионов. Плюс два миллиона пятьсот. Ещё раз два миллиона пятьсот. Плюс двенадцать миллионов, плюс три миллиона. Один крупный куш — пятнадцать миллионов зелёных. И последний маленький презент — пятьсот тысяч евро. Итого сколько?

— Пятьдесят семь миллионов долларов и пятьсот тысяч евро! — Алёна взглянула на неё с восхищением. — Надо же... Bravo!

— Пузырькову мы должны отдать восемьдесят процентов от всей долларовой выручки. Евро наши. Двадцать процентов делим между собой по схеме восемьдесят процентов мне, двадцать тебе. Подсчитаешь и скажешь. До вечера все деньги будут внесены в кассу. Проследи. Мою долю отошли с инкассаторами в банк. Кстати, и свою тоже. Сегодня процентная ставка по депозитам не очень высокая — чуть больше семи процентов. Советую купить акции американских фармакологических фирм «Пфайзер» и «Мэрк», по пятьсот тысяч долларов на каждую. Еще миллион рекомендую потратить на покупку ценных бумаг угледобывающих американских фирм. Цена угля после событий в Японии ближайшие двадцать лет будет расти. Хвостик оставь для покупок и развлечений. Все понятно?

— Сделаю, как сказала. — Алёна улыбнулась, но не сдержала счастливого вздоха и быстро вышла из кабинета.

Мазурина набрала телефон шефа:

— Приветствую вас, Андрей Антонович! Хочу доложить: в первый день посреднический бизнес принёс вам сорок пять миллионов четыреста тысяч долларов. Свою долю мы с Русаковой вычли.

— По сумме ясно, что сложных обязательств ты на нас не взяла. Пустяковые поручения, не требующие тяжёлой артиллерии. Ждешь моей подмоги или сама справишься?

— Справлюсь.

— Есть проблемы?

— Нет-нет. Пока всё спокойно.

— Ну, запускай академию. А через недельку возьми трёхдневный отпуск. Слетай куда-нибудь. Скоро начнётся большой бизнес. Так что ты мне будешь нужна для мозговой атаки.

— Спасибо. До встречи.

Обычно после разговора с шефом она вставала и начинала ходить по кабинету из угла в угол, вновь и вновь повторяя про себя слова и интонации Пузырькова. С ним всегда надо быть начеку. От Андрея Антоновича можно ждать чего угодно.

12

«Скучная у меня жизнь, — размышлял меланхолично доктор Райский. — Весь мир одержим погоней за блестящим, пышным, красивым, богатым, и этому вселенскому стремлению нет конца. Краски жизни становятся всё более соблазнительными: все утончённее любовные утехи, яства и вина, быстро растёт число честолюбцев, гордцов и богачей, всех одолело тщеславие, банковские счета пухнут от многозначных цифр, титулы на визитных карточках будоражат воображение. А мой поиск сужен и однообразен — я довольствуюсь лишь выбором точного диагноза для каждого из своих пациентов. Ни на что другое у меня не хватает ни времени, ни сил, и я вынужден с удручающим равнодушием подавлять в себе интерес к земным радостям. Вот и опять начинается очередной рабочий день. Кого приведёт он ко мне в клинику?..»

— Заходите! — устало бросил Наум Львович в микрофон. «Пятница, — вспомнил он, — пациентов должно быть меньше обычного».

В кабинет бочком, мелким шагом хроника, давно страдающего ишиасом, вошёл мужчина средних лет. У него был унылый профиль смущённого человека, шея обмотана шёлковым платком, кончик которого владелец держал в зубах. Когда он повернулся к Райскому лицом, стало видно, что искривленный нос у него распух и отливал синевой. Со светлого летнего костюма капала на пол вода.

— Садитесь, — сухо пригласил психиатр. — Представьтесь, пожалуйста, и рассказывайте, на что жалуетесь.

Втянув голову в плечи, мужчина окинул Райского каким-то отсутствующим взглядом, помолчал, подумал и начал почти шёпотом:

— Фёдор Неелов. Меня преследует странное ощущение, что в стране все делается для того, чтобы я решился выдвинуть свою кандидатуру в президенты России и выиграл выборы. Даже сами власти толкают меня к антиправительственной борьбе. Довольно часто появляются нововведения, провоцирующие меня создавать общественные движения для штурма властных структур. Удерживая

себя от активных действий, борясь со своими амбициями, я плотно подсел на а...ин. — Неелов вздохнул и продолжил: — Но сегодня он уже не помогает. Страсть бунтовщика воспламеняется во мне бесконтрольно, как летние пожары две тысячи десятого года.

— А что конкретно вас провоцирует? — Наум Львович пристально взглянул на пациента.

— Как что? Действия правительства! Мы, кажется, единственная страна в мире, отмечающая календарные профессиональные праздники. И количество их всё время растёт. День шахтёра, День пограничника, День милиции, День пристава, торгового работника, врача, строителя, учителя, транспортника, моряка, лесника, менеджера, дипломата... И так далее, и так далее!

— И что? — спросил доктор Райский. — Какая тут связь с бунтом?

— Заявка на проведение митинга горняков в День шахтёра не может быть отклонена бюрократами. Какой тут веский предлог найдёшь для запрещения празднования? Нет ясности, какие критерии использовать, кроме политического насилия, отказывая профессиональным союзам в шествии по улицам города или в организации митингов на центральных площадях. А ведь требования в таких шеренгах могут быть самые разные: от улучшения условий труда и увеличения зарплаты до немедленной смены правительства и избрания Неелова президентом страны. Тут-то моя заноза и сидит. Бунтует сознание, приказывает взять на себя координацию народного протеста с целью получить высшую должность в государственной структуре. И время торопит, наступают на пятки. Скорый развал страны видится не только мне. К причинам, вызывающим глубокий кризис в России, я отношу социальную недоразвитость нашего народа. Мы долго и громко кричали на весь мир, что русский этнос самый выдающийся. А в итоге разучились критически осмысливать себя. Да-да, доктор! Кто мы? Давайте вместе трезво взглянем на себя. Есть ли у россиян признаки качественного отличия от других народов? Я даже не позволю брать для сравнения крупные этносы — германцев, евреев, китайцев, — тут у нас шансов никаких, мы уступаем им во всём. Как раз этот этнический кризис вынуждает меня стать первым лицом страны, чтобы, прилагая свой неординарный талант управленца, приступить к великому возрождению России. А главное моё преимущество — я русский, притом без всякой там примеси.

— Чем я могу вам помочь? — вежливо поинтересовался психиатр. — Думаю, кроме национальности, должны быть и другие аргументы. Знания, опыт, что-то ещё... Но я не эксперт в вопросах политики. Так что именно побудило вас записаться на приём?

— Чтобы зарегистрироваться кандидатом в президенты страны, необходимо собрать тысячу всяких справок. Одна из них — заключение психиатра о здоровье. Цель моего визита в этом и состоит — получить документ о своём великолепном самочувствии.

— Ах, вот в чём дело, — нахмурился Райский. — Значит, вы чувствуете себя замечательно? Что ж, расскажите, какие вы перенесли болезни, какие медикаменты принимаете и кто их вам прописал. Чтобы выдать вам медицинское заключение, я обязан заполнить соответствующую анкету. Прошу вас говорить честно. Такой документ проверяется в учреждениях Минздрава.

— Пожалуйста! Я Фёдор Сергеевич Неелов, русский, 1971 года рождения, москвич. Несостоявшийся инженер — бросил вуз, скучно стало изучать сопротивление материалов и теорию упругости. Какая от них польза президенту России? Ноль! Если бы изучались дисциплины «сопротивление людских ресурсов» и «теория упругости силовых структур», меня бы такие предметы, бесспорно, влекли. После Горного института общая апатия подружила меня на пару лет с алкоголем. Засыпал и просыпался с бутылкой белой. Потом вдруг подсел на травку — правду сказать, не помню, как это произошло. Позже втянулся в тяжёлые наркотики. В этот период пришлось попрошайничать, денег не хватало на самое необходимое. Так и жил — тупо, бездумно, отрешённо. Мыслил рассеянно. Все было по фигу. Я стал уже подумывать, что мне суждено всю жизнь лишь проклинать нашу действительность, проливая слезы от мучительной беспомощности. Я все более убеждался, как пагубно действует на моё состояние эта постоянная неудовлетворённость собой и окружающей жизнью. — Глаза Неелова затуманились — казалось, он входил в транс. — Нередко у меня возникало желание заранее надеть погребальные лаковые туфли... Вдруг в один прекрасный день угрожающие симптомы прекратились и в сознании родилась спасительная мысль: надо выползти из ямы угнетающего одиночества и рвануть во властные структуры, чтобы изменить привычный порядок вещей. Воображаемые яркие картины торжествующей справедливости подогревали потребность активно действовать и перестроить к лучшему этот поганый русский мир. Это идея, корнями уходящая в мой мрачный, тягостный образ жизни. Как музыка рождается от слов, так моё неожиданное стремление властвовать родилось от недовольства окружающим миром и тотальной собственной унылостью. Постепенно недовольство стало болезнью, а болезнь приняла форму навязчивой мании. «Довольно! Я сыт по горло! Довольно!» — говорил я себе и неожиданно стал агрессивно ненавидеть предпринимателей, презирать бизнес, проклинать так называемый истеблишмент. В голове возник грандиозный план нового переустрой-

ства России. Придя к власти, я в одночасье национализировал бы все крупные фирмы, концерны, перераспределил доходы, дал каждому россиянину по три тысячи долларов в месяц, очищенных от налогов, предоставил бы всем квартиру — 70 квадратов без коммунальных платежей. Постепенно генеральная линия моей программы стала обрастать деталями — например, разрешать в стране исключительно мелкий бизнес с доходом не выше пяти тысяч долларов на работника. Сформировалась идея строжайшего контроля над распределением доходов коммерческих структур и государственного сектора. Иначе, убеждал я себя, этот мощный финансовый ресурс может оказаться в руках олигархической группы, приближённой к власти. Что нынче и происходит. Вначале я думал, что президентом страны можно стать виртуально, что я способен силой мысли изменить русский мир. Но, как ни напрягался, как ни запускал в эфир свои идеи, как ни выкрикивал, ни вопил по ночам со своей кровати лозунги, как ни требовал выполнять приказы и распоряжения, меня никто не слышал, и ничего не менялось. Если раньше я лалял на мир из озорства, то теперь делал это из-за огорчения и безнадежности. Но страна оставалась прежней, несправедливой, бессердечной, антинародной, без хозяйской руки и концептуальной методики развития. Конечно, может, я спешил, на перемены необходимо время, но неудовлетворённость гложет моё сердце, сознание перестаёт управлять чувствами и поступками, и я основательно ныряю в самого себя, как в бездну. Я долго боялся ошибиться, это чувство держало меня в плену, потому что осечка всегда комична. Вдруг мне страстно захотелось отбросить от себя эти страхи. Так решительно отвергают любовниц, наставивших рога. И вот я решился!

— Вы отвлеклись. Меня интересует, прошу прощения, совсем другое. Вспомните, когда и чем вы болели, какие лекарства пьёте. — Наум Львович незаметно зевнул и потёр утомлённые глаза. — Я психиатр, а не консультант в вопросах обществоведения...

— А я ищу единомышленников, — твёрдо заявил Неелов. — Если я интересую вас как будущий президент страны, дайте справку без всякой анкеты. Необходимо повсеместно бороться с бюрократией. Этот вопрос входит в мою предвыборную программу. Помня, что дерзостью жив русский человек, я решил, что получение медицинской справки — чисто формальная процедура. И если вы, так же как и я, переживаете приступы отчаяния из-за нынешнего состояния России, то в День медика мы могли бы выступить с общероссийской гражданской инициативой: и богово, и кесарево, и абсолютно всё отдать обездоленным согражданам, которые составляют у нас больше восьмидесяти процентов. Я солидарен с Александром Погожиным в том, что надо воссоздать Российскую империю и укреплять её мощь на всём

евразийском пространстве. Россия может быть великой и всесильной или никакой, стать межконтинентальным гегемоном или распаться на несколько огромных этнических островов. Замечательная программа возрождения империи должна стать целью нашей политической борьбы. Помните, при отсутствии гражданских чувств личность деградирует. Именно эта мысль заставила меня сегодня поутру прервать привычное безделье. И я решил заглянуть к вам с предложением. Другой профессиональный праздник — День дипломата. Необходимо начать подготовку и выступить с грандиозными проектами по реформированию страны. Тунис, Египет, Йемен дают каждому из нас вдохновляющий мессидж.

— У вас уже есть партия или общественное движение? Как называется? Какой ориентации придерживается? Правой, левой, центристской? Честно сказать, я не владею необходимой терминологией, но вы меня понимаете, — спросил Наум Львович. — И пожалуйста, всё же несколько слов о ваших былых расстройках и врачебных предписаниях.

— Движения пока нет, но я в процессе его создания, — сообщил Неелов. Вдруг он резко встал. Глаза его вспыхнули, мышцы лица затвердели. — Пока не будет создана партийная ячейка, я не успокоюсь. Нельзя допустить дальнейшей криминализации страны, её полного разрушения и распада. — Будущий кандидат в президенты замолчал, но доктор Райский чувствовал, что воображение пациента достигло пика возбуждения. — А, собственно, чего ждать? — выкрикнул он. — Что даст ожидание? Только дальнейшее ухудшение обстановки. А этого допускать никак нельзя. Поэтому я немедленно объявляю себя президентом России. Реформация страны началась! Все общество, силовые и гражданские структуры переходят в моё полное подчинение. Вас я назначаю своим советником. — Неелов подошёл к двери, распахнул её и скомандовал: — Заходите ко мне в кабинет, начнём обустривать Россию.

— Что это вы тут хозяйничаете? — остановил его Наум Львович. — Прекратите, иначе вызову санитаров, которые наденут на вас смирительную рубашку...

Доктор хотел ещё что-то добавить, но не успел. Неелов нанёс ему сильный удар в челюсть, потом в печень, и Райский в беспомощности свалился на пол.

— Сказал, заходите! — рявкнул Неелов категорическим тоном. — Сколько тут вас? — Он стал пересчитывать ожидающих очереди в приёмной у Райского. — Семеро! Отлично! Заходите!

— У меня нет времени, — отмахнулась блондинка с худым лицом и писклявым голосом. Она быстро удалилась.

— Пожалуй, я тоже пойду, — заявил щеголеватый мужчина со старомодными усиками и подведёнными глазами. Казалось, он прямо выпрыгнул из приёмной.

Пятеро оставшихся, озираясь, вошли в кабинет Райского.

— Господа! — взволнованно начал Неелов. — Я объявил себя президентом России! Кто из вас желает войти в состав правительства и приступить к оздоровлению государства? Коррупция душит нас и наших сограждан татуированными руками криминала. Кто из вас готов выступить в защиту чести нации, получив должность министра?

Очередь отозвалась одобрителем гулом. Один пациент, небрежно одетый, в пёстром свитере и странной, не по сезону, шляпе, кивнул. Другой, с устремлённым в одну точку взглядом, слабо произнёс: «Я». Третий, с лицом, похожим на заросший газон, стал аплодировать. Четвёртый, вертящий в руках зонт, потребовал: «Назначьте меня начальником тюрьмы, куда начнёте свозить негодяев, разрушающих Россию. Я им покажу кузькину мать, как они показали всем нам!» Женщина с крупными красными бусами на шее прошептала: «Господин президент! Начните с Райского. Он ввёл меня в колоссальные расходы. Каждый раз выписывает новые и новые лекарства, стоящие огромных денег. Я разорена... Если вы дадите мне должность директора аптеки, чтобы я могла обеспечивать себя медикаментами, тайно вынимая из упаковок по одной таблетке, — ведь кто будет считать, сколько в баночке пилюль. Я стану самой преданной вашей службой. А доктор Райский загноётся от злости без моих гонораров».

— Итак, для модернизации России нам необходимо новое правительство. Нынешнее руководство неспособно эффективно управлять государством. Поэтому президентом страны я объявляю себя — Фёдора Сергеевича Неелова. Министром демографических ресурсов и миграционной политики назначаю вас, — обратился Неелов к мужчине с заросшим лицом. — Как ваше имя?

— Павел Павлович Поважный, — гордо представился тот.

— Прекрасно! Одно из важнейших ведомств страны возглавит господин Поважный. Демографическая проблема — главнейшая в России. Министром внутренних дел назначаю вас! Как ваше имя? — Неелов повернулся к человеку с зонтом, пожелавшему стать начальником тюрьмы.

— Сарафанов Сергей Иванович. Ух, я этим гадам покажу! — потряс тот своим зонтом.

— Вот-вот, господин Сарафанов. Мы будем всячески поощрять ваше усердие в действиях против коррупции. Составьте план наступления на неё по всем флангам. Без массовых расстрелов взяточни-

ков и ссылки их семей в сибирские глубинки эта борьба не даст эффективных результатов.

Он перевёл дух и, взглянув на мужчину в шляпе, объявил:

— Министром иностранных дел назначаю... Как вас?

— Сутягин Алексей Викторович.

— Владеете иностранными языками?

— Неплохо знаю латынь. С детства был вынужден читать рецепты и, чтобы разбираться в них, изучил древний язык. Кстати, он основа всех романских языков — французского, итальянского, испанского, румынского.

— Тоже мне открыватель Америки, — съязвила дама, поправляя на груди бусы.

— С погожинской позицией знакомы? Одобряете её? В будущем страна вам видится как империя или есть альтернатива?

— С мировоззрением господина Погожина не знаком, но глубоко уверен: Россия может существовать лишь как многонациональная империя.

— Прекрасно! Министром иностранных дел России назначается господин Сутягин. Министром экономики хочу назначить вас. — Неелов кивнул пациенту с устремлённым в одну точку взглядом. — Представьтесь!

— Неробеев Роман Петрович. Кстати, экономист по образованию.

— По зубам вам реформировать нашу квазирыночную экономику? Каждый гражданин государства отныне должен иметь доход от каждого совокупно заработанного Россией рубля. Систему оплаты чиновников необходимо перестроить: бюджет государства будет формироваться не правительством, не Думой, а свободными взносами граждан. Если то или иное министерство удовлетворяет население своим сервисом, общество свободными взносами аккумулирует финансовый ресурс, из которого выдаётся чиновничья зарплата. Но если к работе ведомства есть замечания, бюджета на довольствие нет. Согласны с таким подходом?

— Полностью!

— Готовьте программу. Наш лозунг: олигархов в стране не должно быть. Выдающийся интеллект поощряется всем обществом. Далее! Возглавить Министерство здравоохранения и социальной справедливости, или Минздравсос, попрошу вас. — Неелов взглянул на женщину с бусами. — Представьтесь!

— В истории болезни я записана как Наталья Милейкина. Но на самом деле я Наталья Владимировна Арбузова. Милейкина — вымышленная фамилия. Чтобы участковый не мучил меня поборами во

время своих контрольных визитов, я в больничной карте изменила имя и адрес. Я ведь в муниципальном списке душевнобольных...

— Есть желание возглавить министерство? У вас, наверное, богатейший опыт в этих вопросах? — поинтересовался Неелов.

— Смогу ли я тогда получать бесплатно медикаменты?

— Конечно! Как у члена правительства у вас будут незначительные льготы.

— Даю согласие немедленно принять министерство, — твёрдым голосом заверила Арбузова-Милейкина.

— Итак, кабинет министров сформирован. Ура, товарищи! Начинаем работать. Первый вопрос — демографическая ситуация в стране. В последние двадцать лет средняя рождаемость не превышала один миллион сто тысяч человек. При средней продолжительности жизни в России шестьдесят лет к 2040 году население страны составит не более семидесяти миллионов. Таким скромным демографическим ресурсом удержать государство размером в семнадцать миллионов квадратных километров никаких шансов нет. Для безопасности нашей территории на ней должны проживать минимум триста, а лучше пятьсот миллионов человек. Где взять, как и чем привлечь такой огромный человеческий ресурс? Известно, что Китай с января 2009 года разрешил своим гражданам, живущим в северных регионах, иметь второго ребёнка. Растут претензии к нашим территориям со стороны Японии. Россия имеет спорные земли — на границах с Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей, Словакией, Венгрией, Румынией, Грузией, Норвегией и Финляндией. Американцы сделали предложение арендовать девственный сибирский регион...

В этот момент Неелов и члены кабинета министров обратили внимание на то, что доктор Райский открыл глаза и приподнял голову.

— Министр Сарафанов, поручаю вам связать Райского, — приказным тоном заявил Неелов. — Заткните ему рот кляпом, да потуже, иначе он станет мешать проведению первого заседания нового правительства.

После того как поручение было выполнено, Неелов продолжил:

— Для грандиозной демографической программы у нас в запасе десять, максимум двадцать лет. С чего начать? Министр Поважный, записывайте мои слова и полагайтесь на сказанное мной в будущей национальной стратегии заселения России. Первым и ближайшим по культуре деморесурсом должно стать население стран СНГ. Из Киргизии мы легко можем привлечь около одного миллиона человек. Из Узбекистана — от трёх до четырёх миллионов. Из Таджикистана — миллион, из Казахстана — семь миллионов. Из Азербайджана — то-

же два, из Армении — пятьсот тысяч, из Грузии — сто тысяч, из Белоруссии — три миллиона, из Украины — четыре миллиона человек. Итого двадцать один миллион шестьсот тысяч. Сейчас в России проживает около ста тридцати пяти миллионов. Добавьте упомянутый ресурс стран СНГ, нас станет чуть больше ста пятидесяти миллионов. Китай — единственная страна мира, где соотношение мужского и женского населения в пользу мужского. Приблизительно шестьдесят процентов на сорок пять. Объяснение этому — древние национальные традиции. Получается, что сотня миллионов китайцев не могут иметь семью. И это ещё один наш ресурс. У нас десяток миллионов женщин незамужние — не хватает мужчин. Приглашаем из Поднебесной двадцать миллионов мужиков и расселяем их по всей территории от Балтии до Тихого океана. Каждому региону — своя китайская квота. Далее изучаем районы мира, подверженные климатическим стихиям. Из Гаити мы легко сможем взять три миллиона гаитян, из Японии после их Фукусимы все тридцать. А Латинская Америка легко даст двадцать миллионов переселенцев. Из Индонезии, Шри-Ланки, Индии, Вьетнама, Камбоджи в Россию будут согласны переехать не менее сорока миллионов. Таким образом, нас станет уже двести шестьдесят миллионов. Европа может дать нам три миллиона переселенцев, ведь только из Германии ежегодно в поисках лучшей жизни уезжают около двухсот тысяч немцев. Из арабских стран можно привлечь как минимум семь миллионов, из США, скажем, пять миллионов бедняков. А из Африки легко переедут минимум тридцать миллионов. И вот нас станет уже более трёхсот миллионов. С таким демопотенциалом можно легко прогнозировать, что в течение трёх поколений население России составит около четырёхсот миллионов человек. И рост продолжится. В стране сформируется прелестный евроафроазиатский этнос — мощный, красивый, трудолюбивый. В России воцарятся мир, благодать и единение народов. — Он стукнул рукой по столу в порыве чувств. — Чтобы Россия стала для мигрантов желаемым местом постоянного проживания, необходимо изменить законодательство. И коренным, и приезжим дать в бесплатное пользование по десять тысяч квадратных метров пахотных земель без права продажи. Тот, у кого есть деньги, будет иметь право докупать наделы на рынке. Помимо этого для строительства жилища в сто пятьдесят квадратных метров каждому будет разрешено бесплатно вырубать — с обязательством рекультивации — гектар леса — это десять домов. Чтобы построить сто миллионов домов, нужно вырубить десять миллионов гектаров. А у нас в стране шестьсот восемь миллионов гектаров леса! То есть местным и вновь прибывшим выделяется лишь меньше двух процентов от всего лесного массива страны. Мизер! Теперь касательно пахотных земель. Переселенцам

можно предложить сто пятьдесят миллионов гектаров вырубленных, но некультивированных лесных угодий, иначе говоря, брошенных земель. Часть в собственность, часть в аренду. Помимо этого более сорока процентов из двухсот двадцати миллионов гектаров сельскохозяйственных земель простаивают без хозяйственного пользования. А это ни много ни мало около ста миллионов гектаров. Так что в стране есть все возможности принять двести миллионов переселенцев. Конечно, богатые люди обычно не меняют место жительства по материальным соображениям. Поедут к нам бедняки или разорённые стихийным бедствием. Более семидесяти процентов переселенцев не будут иметь денег даже на транспорт. Невелика беда! Есть Всемирный банк, который частично возьмёт на себя финансирование этого гигантского проекта. Есть Организация Объединённых Наций, которая ежегодно тратит миллиарды долларов на продовольственную и гуманитарную помощь беднейшим странам. Есть десятки международных неправительственных организаций — от Красного Креста до «Каритаса», выделяющих под гуманитарные цели сотни миллионов долларов. Процесс переселения займёт около десяти лет. А Северная Америка заселялась двести лет. И по сегодняшний день туда ежегодно прут около сотни тысяч человек. Похожей, но ещё лучшей страной должна стать и наша Россия. В эпоху глобализации с людским потенциалом менее трёхсот миллионов государство не может быть экономически крепким, политически стабильным и независимым. Идея евроафроазиатского союза должна трансформироваться в концепцию воссоздания Российской империи. Нам с населением в семьдесят миллионов не выжить, а у стран с населением от двух до двадцати миллионов тем более нет перспективы дальнейшего существования. Великий передел мира грядёт начиная с 2040 года. Главным оружием станут финансовые, технологические и демографические факторы. Человек всегда обладал стоимостью. Но сегодня, как никогда ранее, чем выше рентабельность каждого члена общества, тем богаче государство. Ты понял меня, министр Поважный? Берись за дело с энтузиазмом первопроходца, поднимай страну! Россия должна успешно существовать во веки веков. Твой президент Фёдор Неелов, кабинет министров, все россияне будут оказывать тебе всемерную помощь. Демографический потенциал нынче — штука сильнее атомного оружия и космических ударных сил.

Наступила пауза. Все были воодушевлены. Один Райский оставался недвижим. Неелов передохнул и снова заговорил:

— Коллеги, следующий вопрос повестки дня — война с коррупцией. Прошу выступить министра внутренних дел Сарафанова.

— Господа! — начал министр строгим голосом. — Любая война начинается с выстрелов. Прошу кабинет министров дать мне особые

полномочия и мандат на проведение в стране новой Варфоломеевской ночи против коррупционеров.

— Сколько из них вы предполагаете подвергнуть высшей мере? — расхаживая своей мелкой ишиасовской походкой по кабинету, поинтересовался Неелов.

— В первую же ночь казним двадцать тысяч.

— Маловато! — хмуро сказал министр экономики.

— Если речь идёт о проведении спецоперации по всей России, это, господа, смешная цифра! Мизерное количество наказанных вызовет в народе злость, и только, — нервно поддержал его министр иностранных дел.

— Сколько же нам будет дозволено казнить? — насторожился Сарафанов.

— Для начала бери пятьдесят тысяч! — решил Неелов.

— Я бы поднял цифру до ста тысяч! — пробасил Неробеев.

— Нельзя забывать о международном резонансе, — кашлянул Сутягин.

— Что нам эти иностранцы? — презрительно пожала плечами Арбузова-Милейкина. — Суки! Они только радоваться будут. Вон китайцы каждую пятницу публично казнят десятки своих граждан. Даже по телевидению показывают. А мировые политические лидеры этих китайских вождей обцеловывают и из одной миски с ними едят. Мы обязаны избавить Россию от скверны, и они там, за бугром, нам не указ. Не трогайте только немецкую фирму «Байер», а то она перестанет экспортировать в нашу страну нужные мне медикаменты. А на остальных западников мне чихать.

— Принимаем предложение министра Неробеева. Сто тысяч так сто тысяч. Одной ночью ограничимся? Или на несколько суток затынем? — задумчиво спросил Неелов.

— Я бы предложила три ночи экзекуции — и хватит! — бойко вставила министр здравоохранения и социальной справедливости.

— Пять будет в самый раз! — сказал Сутягин.

— Остановимся на пяти, потом поглядим, — заявил Неробеев.

— Так что, пять? — Министр Сарафанов вопросительно взглянул на президента.

— Не хочу спорить на первом заседании. Пять так пять. Кому поручим составлять списки? — Неелов продолжал расхаживать по кабинету Райского. — Каким оружием будем пользоваться?

— Обойдемся макаровым. Выстрелом в голову, — решительно ответил министр внутренних дел.

— Может, ядом лучше? — предложила глава Минздравсоста.

— Я поддерживаю план Сарафанова, — твёрдо заявил Неелов. — Вопрос снят с дискуссии. Так кому поручим составлять списки врагов нации?

— Они же всем известны. Каждый россиянин знает эти списки назубок, — хмыкнул Сутягин.

— Начнем с Рабиновича и дальше подряд, — предложила Арбузова-Милейкина.

— С еврея начинать никак нельзя. Нас не поймут. Душок смрадный пойдет по свету, наши недруги вспомнят об Адольфе, — возразил Сарафанов. — А вот за грузин никто не заступится, их жалеть никто не станет. И даже наоборот — в народе ненависть к ним пробудим. Ведь Абхазия — лакомый кусок, забудем, что он грузинский. Расширим границы России, а абхазов ассимилируем. Поэтому первым в списке должен стоять Давиташвили. И вообще в первой десятке должны быть одни грузины. Евреев спрячем куда-нибудь в конец.

— Я думаю, для эффективной работы правительству нужны деньги, и немалые, — осторожно подал голос министр экономики Неробеев. — Будет логично, чтобы за определённый взнос в нашу кассу мы могли бы прощать грехи, выдавать, так сказать, индульгенции и гарантировать право на тайную эмиграцию спецрейсом за рубеж. История знает такие компромиссы. Зачем казнить людей из первой сотни богатеев и коррупционеров? Давайте возьмём у них впечатляющий выкуп, а казни начнём со второй сотни. Во все века так делалось.

— А какая это может быть сумма? — заинтересовался Сарафанов.

— Ну, скажем, сто миллионов долларов! — предложил Сутягин.

— У них десятки миллиардов, а ты о миллионах говоришь... — буркнул скептически Поважный.

— Каждый из первой сотни за свободу легко отдаст нам по миллиарду! — уверенно заявил министр экономики. — А из ста миллиардов мы легко выделим каждому из нас по одному.

— Не шутишь? Правда? — зачарованно замер Сарафанов.

— Гарантия сто процентов! — твёрдо заявил Неробеев.

— Но почему по миллиарду? Предлагаю каждому из нас выделить по пять!

— А я не против, чтобы всем досталось по десятку миллиардов.

— Наконец поживём в роскоши, — мечтательно вздохнула Арбузова-Милейкина. Лицо её выражало восторг.

— Смогу дома в Барвихе, во Флориде, в Лигурии, в Каннах купить! Каждому из трёх сыновей по «Бентли» подарю, — облизнулся Сутягин. — Гарем обустрою, тёлочка из Африки, Азии, Латинской Америки выпишу. Чтобы не только самому пользоваться, но сыновей да

друзей угощать. Ведь за тридцать лет жене ни разу норковую шубу не смог преподнести. Теперь фабрику приватизирую и сотни разных шуб шить стану... Себе пару костюмов приобрету, а то в советских обносках хожу. Да и вообще наконец позволю себе предаться порочным утехам. Должно быть, они вызывают сладость души и тела!

— У меня две дочки и жена. Ютимся в однокомнатной хрущёвке. Значит, смогу огромный дом в элитном местечке купить, в сказку семью переселить, — вырвалось у Сарафанова.

— Господа! Господа! — заорал Неелов, злобно трясая головой. — Вы — члены кабинета министров! Вам нужно думать о стране, а вы что несёте? Не галлюцинации ли это? Какие дачи, какие «Бентли», шубы, заводы? Неужели вы из тех, кто спит и видит себя на поганных тусовках бомонда, где бурно расцветает пошлость и тон задаёт позорное невежество? Все собранные деньги мы отдадим русскому народу, который давно и постоянно голодает. Даже не надейтесь на привилегии. Иначе распущу кабинет министров и созову новый состав. Стране нужны революционеры, а не нахлебники. Видно, поторопился я назначить вас на высокие посты. Нет в вас никакого идейного содержания. — На лице Фёдора Сергеевича проступила горькая обида.

Все промолчали, затем неожиданно заговорил Поважный:

— Минуточку! В представлениях Неелова много утопических и опасных идей, касающихся якобы защиты интересов народных масс. Но, господа, эти высказывания в нашей стране способны привести лишь к повсеместным бунтам. Призываю вас игнорировать этот бред. Если ты не с нами, Неелов, то против нас. Инфантильным идеалистам нельзя руководить государством. У меня родилась блестящая мысль. Мы лишаем тебя полномочий президента. А я выдвигаю свою кандидатуру на этот пост. Кто проголосует за Поважного? — Он недобрым взглядом обвёл членов кабинета министров. — Один, два, три, четыре... Четыре голоса «за». Один «против». Теперь я, Павел Павлович Поважный, президент России. Надеюсь, пожизненно! Объявляю заранее, меня переизбирать нельзя. Из присутствующих я больше всех достоин. Моя кровь самая благородная и генетически выверена на управленца номер один. Это обстоятельство убеждает меня в том, что я президент на все времена. Таким считайте мой первый указ. Вторым указом я сделаю из вас обеспеченных людей. Каждому дам возможность умыкнуть из бюджета по десять миллиардов долларов плюс бонусы за работу по укреплению моей единоличной власти.

— Вы не имеете права, — побагровел Неелов. — Я первым назвал себя президентом! И свидетель у меня есть — доктор Райский. Такой подлый выпад вынуждает меня дать поручение министру Сарафанову выпороть вас. Я думаю о народе, а вы о своём брюхе. Ничем

позитивным потребительская ментальность членов правительства обернуться не может. Вспомните события в Тунисе, Египте, Ливии, в других арабских странах. Надо изучать уроки истории.

«Министры» сбились в кучку и растерянно топтались на месте.

— Я займу сторону Поважного, — наконец решился Сарафанов. — Что это, понимаешь, за идея — отдать все деньги народу? Что бы всё было моментально разворовано? Поважный же заботится о нас. Нищим доверить управление страной никак нельзя. Какое начало самое мудрое? Нам необходимо очень быстро разбогатеть. И Павел Павлович даёт нам такую возможность. Именно он наш новый президент! Bravo, Поважный!

— Не успела порадоваться, а этот Неелов уже всё захотел отнять, — поддержала Сарафанова глава Минздравсоста. — Омрачил мою радость. Не нужен нам такой президент, коллеги! Я тоже за переизбрание. Поважный понимает трудности членов кабинета министров. Старая истина: больному всегда нужно больше, чем здоровому. Если бы можно было открыть черепную коробку, как я на кухне открываю кастрюлю, то стало бы видно, что все наши извилины постоянно сигналият: «Деньги, деньги, деньги!..»

— Бедные меньше всего беспокоятся о других! — рассудил Неробеев. — Собственная корысть мешает, зависть душит. А нам сегодня требуется ясность перспективы — чтобы понимать, ради чего из сил выбиваться. Я за Поважного!

— Надо менять президента. Точка! — заявил Сутягин. — Я устал бороться, устал ненавидеть, устал глотать горькую слюну обиды на окружающий мир. Дай пожить, президент Поважный! Я мечтаю о скромном титуле «денежный мешок». Вкус жизни можно почувствовать лишь с полным карманом ассигнаций. А красивые слова о чести, достоинстве и братстве — пустое, они ломаного гроша не стоят.

— Развязать доктора Райского. Послушаем, что он скажет, — приосанившись, распорядился Поважный. — Поглядим, кто кого пороть будет.

Освободили Наума Львовича. Вытащили кляп. Поважный спросил:

— Доктор, что вы скажете? Кто из нас президент России — я или Неелов?

Психиатр закашлялся.

— Надо позвонить в справочную, они подскажут, — с трудом хрипло произнёс он. От изумления и страха лицо его стало смертельно бледным.

— Звоните! Звоните! Сейчас же! Я настаиваю! — требовал Неелов.

Поважный сверлил доктора злобным взглядом.

— Я открыл сейчас в себе президента, потому что когда-то в прошлом его потерял, — твёрдо сказал он.

Райский дрожащей рукой снял трубку связи с дежурными санитарями. Это был сигнал о помощи в экстренных случаях. Через минуту в кабинет ворвались четверо крепких мужиков в белых халатах. Молча и быстро они натянули на всех пациентов смирительные рубахи и затолкали в машину «скорой помощи».

Чудом уцелевший, весь в ушибах и ссадинах, Антон Антонович Пузырьков по шпалам доковылял до Хоровска, на вокзале воспользовался услугами банкомата, сел на местный поезд и утром проснулся в Ярославле. Довольно часто за свою короткую жизнь молодой человек пользовался железной дорогой, открывал новые станции и прекрасно знал ведомственную инфраструктуру. В банке он снял по кредитке наличность, в буфете взял круасан и выпил дешёвый кофе. Потом с усмешкой глянул на предвыборный слоган Этой партии — «Обустроим Россию», занимающий полстены вокзала, и поплёлся на посадку. Электропоезд в Москву отбывал через двенадцать минут. Пузырьков не торопился. Вельские передряги он не вспоминал, на ум лезло новое: где осесть, какую профессию или временную роль примерить, чтобы наверняка подвергаться постоянным унижениям и оскорблениям.

Едва он нашёл место у прохода и поезд медленно покатил в столицу, как в вагон вошли две молодые женщины. Одна, в мужской шляпе, играла на аккордеоне. Другая пела под её аккомпанемент. В поющей Пузырьков тут же признал свою знакомую вельчанку — Евгению Головину. Она тоже заметила его, но явно не хотела прерывать пение. «...Не забудь потемнее накидку, кружева на головку надень...» — сильным и звонким голосом выводила она. Когда романс закончился, аккордеонистка сняла свою шляпу и пошла по вагону собирать деньги со слушателей. В конце вагона она остановилась перед Пузырьковым. Антон Антонович сунул руку в карман, вытащил не глядя несколько купюр и, почувствовав на себе лучистый взгляд Головиной, бросил их в шляпу.

— Эй, чего так много? — шепнула ему аккордеонистка. — Здесь четыре тысячи. Ты что, сдурел?

Антон Антонович, не обращая на неё внимания, подошёл к Головиной, взял её руку и поцеловал.

— Так замечательно, что мы встретились, — сказал он. — А я думал, что потерялись навсегда.

— Выйдем на минутку, господин Ч., — усмехнулась Евгения. Она взяла его под руку и вывела в тамбур, где наконец заговорила: — Вы как здесь оказались? Бросили своё рабочее место? Наш уютный Вельск?

— Пришлось, обстоятельства вынудили. Но и вы, как вижу, начали работать на новом месте и в неожиданном жанре. Очень, очень рад.

— Слышь, Женька, твой знакомый нам четыре тысячи подбросил. Щедрых кавалеров имела, — вставила подошедшая к ним аккордеонистка.

— Это мой вельский приятель, он чистильщик обуви...

— Скажешь тоже. Чистильщики сапог такими деньгами не сохрят. Может, вернуть ему половину? Эй, парень, возьми две тыщи назад. Жалеть будешь, а тогда они у нас в горле застрянут. Лучше сама отдам, иначе твоими слезами подавимся.

Антон Антонович по-прежнему не обращал на аккордеонистку никакого внимания. Он был искренне рад встрече с Головиной и, как влюблённый мальчик, не сводил с неё сияющих глаз. На Головиной было светлое шёлковое платье в крупный горошек и туфли на высоких каблуках. Длинные волосы она зачесала назад и собрала в пучок, который венчался тёмно-красным бантом. Женщина выглядела почти по-европейски. Трудно было поверить, что это мелкая путана из северного городка. Она заметила по-детски восторженный взгляд Пузырькова и опять улыбнулась ему. Антон Антонович удивлял её своим болезненным видом, сочетающимся с твёрдым характером и необычной страстью к унижению. Сейчас чистильщик выглядел растерянным и изрядно похудевшим. Узкое лицо было желтовато-землистого оттенка, в припухших глазах мерцал слабый огонёк. С низкого потолка тамбура свисало какое-то замасленное тряпье. Антон Антонович мотал головой, увертываясь от него, но глаз с молодой женщины не спускал. Казалось, его приворожила к ней какая-то высшая сила. Оба молчали. Затем Головина спросила:

— Куда держите путь?

Он немой и неподвижно стоял перед ней. Она с улыбкой повторила:

— Куда едем?

Улыбка подействовала на молодого человека как живая вода. Малейшее внимание вызывало в нём прилив благодарности. Он медленно ответил, что едет в Москву.

— Впрочем, не совсем в столицу, — уточнил он сразу. — Поселюсь где-нибудь в области.

— Занятие останется прежним — чистка обуви? — спросила она.

— Хочу подыскать что-нибудь новое, но, честно сказать, пока не представляю, что именно. Обязательно что-то такое, что раздражает людей, вызывает у них крайнее недовольство.

— Тогда наденьте ментовскую форму, — посоветовала Головина. — Трудно встретить соотечественника, который без злобы относился бы к этим типам, заполонившим всю страну.

— Самовольное ношение полицейского мундира запрещено Уголовным кодексом. Я бы не хотел нарушать закон. Вот подумываю о должности инспектора в ведомстве природопользования. Многие наши сограждане, живущие в пригородных собственных домах, с земельным участком, бурят скважины более ста метров глубиной, чтобы для бытовых нужд выкачивать артезианскую воду. Закон это запрещает, поскольку природному балансу наносится огромный ущерб. Но зажиточная публика хихаёт на запрет.

— Так это работа для взяточников, — рассмеялась Головина. — Не представляю вас лихоимцем. Поищите что-нибудь другое.

— Я об этом не подумал... Впрочем, меня деньги не интересуют. И это отличная почва для будущих конфликтов. Они задабривают меня барашком в бумажке, я категорически отказываюсь. Происходит, так сказать, столкновение позиций, что мне и требуется.

— Эх, господин Ч., несмышлёный вы человек! Плохое у вас представление о собственной стране. Зная поведение наших людей, можно представить их действия, если чинуша вдруг откажется от бакшиша. Они выходят на его начальство, подкупают его, а дурак инспектор под любым предлогом тут же лишается работы. Другой вариант ещё страшнее: люди платят ментам, фабрикуют заявление о вымогательстве сотрудника природопользования, и вот уже вашего строптивного законника берут под арест по статье «шантаж»! Скажете, подлость? А я отвечу, что у неё общерусский масштаб. Она характерна для всех регионов, и особенно для Подмосковья. Не советую взваливать на себя эти инспекторские функции. Держитесь стороной от мест, где процветают взятки и коррупция. Есть другая идея?

— Пока нет.

— Для чего это вам вообще надо? Неужели... — Не успела молодая женщина закончить вопрос, как заскрежетали тормоза, громыханье колёсных пар стало спадать, а кондуктор по микрофону объявил: «Осторожно, двери открываются. Станция Ростов Великий».

— Женька, нам надо выходить, — напомнила аккордеонистка. — Сейчас менты зайдут. Деньги станут отнимать.

— Пора, голубчик, нам расставаться... — нежно взглянув на молодого человека, сказала Головина. — Бог даст, ещё встретимся... Впрочем, кто знает. — Она поспешила к выходу.

Антон Антонович молча последовал за ней.

— А ты куда? Не скажи, что за нами... Возврат денег будешь требовать? — сердито оглянулась на него аккомпаниаторша.

Увидев его на перроне, Головина покачала головой.

— Как! И ты сошёл? — переходя на «ты», удивилась она. — Я-то здесь на работе. Стала вагонной певичкой. А ты что будешь делать? Башмаки чистить в поездах никто не закажет... Что я тебя хотела спросить... — уже идя с ним рядом вдоль состава, продолжила она. — Неужели у тебя такое сильное презрение к миру, что ты назло всем себя истязает? До отправления следующего поезда у нас есть пятьдесят минут. Расскажи, чего ты ищешь в жизни.

Молодой человек виновато улыбнулся. Пожелтевшие зубы усиливали ощущение болезненности его облика. Он помолчал, затем тяжело вздохнул. Ему, кажется, проще было умереть, чем выдавать сокровенные мысли. Но в то же время он не хотел обижать Евгению отказом искренне ответить на вопрос. Аккордеонистка раздражённо шагала чуть поодаль.

— Я пользуюсь своим сознанием как храмом, куда складываю все свои заветные помыслы и чувства, — осторожно подбирая слова, заговорил он. — Только оставаясь в одиночестве, я со всей серьёзностью рассуждаю о своём месте в жизни. В такие минуты я вылезая из своего эго и становлюсь неким собирательным существом со множеством лиц. Во время такой трансформации я переживаю перевоплощение в разных исторических персонажей, пробуждая их к жизни. Вначале у меня возникает смутная картина реальности. Но постепенно, как в захватывающем сюжете, ось событий и образов начинает вращаться с такой скоростью, что прежние нечёткие видения преобразуются, и начинаешь ощущать себя в определённом времени и конкретном пространстве. Таким образом, я становлюсь человеком прошлого, живущим теперь, но в то же самое время я человек настоящего, затерявшийся неизвестно где. Кстати, реальность никогда не создается мыслью. В её реконструкции участвуют, прежде всего, чувства. Они повинны не только в развитии интеллекта, но и в развитии способностей к ужасным превращениям. Перед тобой разворачивается мир, ты видишь его, чувствуешь, понимаешь, в полном смысле живёшь в нём. А всё на самом деле сущее становится, напротив, призрачным, потусторонним. Итак, чем умнее мы становимся, тем в большей степени возрастает у нас талант к извращённым и жутким поступкам. А они уже управляют сознанием без твоего согласия, и всяким странностям здесь огромное поле для выявления... Ваш вопрос, Евгения, чисто метафизический. И если отвечать вам в том же духе, то скажу: я сторонник идеи многообразия, и чем больше этой самой многоликости, тем слаще мо-

ему сердцу. Конечно, вполне логично может возникнуть вопрос: считать ли безумства Пузырькова его частной прихотью, или это некая страшная болезнь, свойственная человеческой природе?.. — Антон Антонович умолк и минуту спустя робко заметил: — Честно сказать, не знаю, как вы меня поняли.

— Что он тут болтал? — фыркнула аккордеонистка.

— Ах, сама не знаю, как тебе это пояснить, — махнула рукой Евгения. — Одно вроде ясно, другое нет. Понятно, что непростой он человек. Перегрелся от чтения, видно. — Тут она повернулась к господину Ч.: — Что будешь дальше делать? Мы сейчас сядем на следующий поезд и начнём работать. А ты? Не хочу, чтобы у тебя сложилось впечатление, будто мы тебя бросили. Но дело есть дело... — Она чувствовала его ранимость и застенчивость, поэтому старалась говорить деликатно.

— Мне надо в Москву. А там видно будет. Почему-то стало важно, чтобы ты меня поняла. Можно ещё пару слов добавить?

— Давай. Время есть пока.

— Мир в каждом из нас совершенно разный, — торопливо заговорил он. — Чем меньше времени мы уделяем окружению, тем больше остаётся у нас энергии постигать самого себя, расширять границы своей индивидуальности. Я никак не могу разобраться в главном — что такое бытовой комфорт. В России менее одного процента богатых людей с доходом в двадцать пять тысяч долларов в месяц. Почему же богачи все время недовольны жизнью? Их многое не устраивает — власть, правила бизнеса и прочее. Медийные центры пестрят жалобами представителей этого класса на свой быт. А основная масса соотечественников глухо молчит в беспросветной нищете и полном бесправии. У меня возникло подозрение, что, видимо, в образе жизни беднейших слоёв общества есть что-то таинственное, привлекательное, даже завораживающее. Ну не молчали бы они, если бы им было крайне тяжело, немоготу! Но и протестных примеров в истории, что в давней, что в новейшей, уйма. Чтобы окончательно во всём разобраться, я решил на эксперимент.

— Опять ничего не поняла, — фыркнула аккордеонистка. — Несёт какую-то чушь, а ты уши развесила.

Головина отмахнулась от неё и опять улыбнулась Пузырькову:

— Оригинальный ты человек, господин Ч. Не много встретишь таких чудачков. Одному богу известно, откуда такие странные люди берутся. Но мне твоя идея пришлась по вкусу. В ней есть что-то. У древних греков была школа киников. Их девиз был такой: «Предпочитай безумие наслаждению». А Диоген Синопский подарил потомкам массу любопытных историй. Ты, конечно, знаешь, что он

жил в бочке на городской площади, на виду у всех справлял малую и большую нужду, занимался рукоблудием. Понятно, он принимал подавание, ел что попало, одевался как придётся, ходил босиком... Его образ жизни и был формой философствования, когда поведенческий жест становился и *поучением*, и *аргументом*. Как-то один знакомый взял Диогена с собой в богатый дом. Но предупредил, что в гостях нельзя плевать куда попало. Тогда тот, смачно отхаркнувшись, плюнул в лицо своего спутника. И тут же объяснил свой поступок тем, что ничего худшего не нашёл. При ярком свете солнца Диоген зажигал фонарь и разгуливал с ним, словно тщательно что-то выискивая. «Ищу человека!» — объяснял он. Тем самым он доносил мысль о редком присутствии среди нас достойных людей.

— Они дерзили сильным мира сего, — благодарно подхватил Антон Антонович. — Отрицали религиозные культы, проповедовали общность жён и детей, выворачивали наизнанку всё, что считалось почитаемым и сакральным. Учили жить «никого не боясь и ничего не стыдясь». «Моя родина — бесчестье и нищета», — говорил каждый киник.

— Интересно, — кивнула Головина. — Знаешь, как я понимаю такую эксцентричную позицию киников? Срываю все социальные одежды, снимаются все запреты, всякие общественные и культурные предписания и нормы. А что остаётся? Во-первых, человек абсолютно свободный — его нельзя согнуть и принудить к чему-либо. Во-вторых, «голый», смертный человек, кем он, по сути, и является, будь он царь или бомж на вокзальной площади Вельска, должен понимать, что ждёт его в недалёком будущем — гниение, вонь, смешение с землёй и грязью... Ты как, придерживаешься тех же взглядов, что Диоген и киники?

Платформа, на которой они говорили, была заполнена снующими пассажирами. Все куда-то неслись, гружённые чемоданами и тяжёлыми баулами. Наши герои, поглощённые беседой, не обращали на толкотню никакого внимания. Молодой человек смотрел на Евгению с восхищением и то и дело непроизвольно кивал. Их суждения совпадали, и смысл сказанного во многом сводился к теме пользы, которую можно извлечь из любых бед и несчастий. Поэтому необходимо стремиться к ним, чтобы собственные увечья или даже смерть принимались как нечто благодатное.

— Киники мне близки, — подтвердил Пузырьков, — но в основе моего мировоззрения всё же лежат библейские сюжеты. Вспомни страдания Иисуса в Гефсиманском саду в предчувствии позорной казни. Бог здесь как бы мучительно проникает в естество Ветхого Адама, в тленную и смрадную человеческую шкуру, взваливая на

себя уродливую громаду его грехов. И это столь нестерпимо, что из груди Его исторгается вопль к Богу Отцу: «Отче! О, если бы благоволил пронести чашу эту мимо меня! Впрочем, не моя воля, но Твоя да будет». А на какое бесконечно унижающее поношение пошёл Иисус, когда Его, Творца мира, подвергли перед судом бичеванию! Несчастного раздели догола, поставили в согнутое положение, привязали к низкому столбу и кожаным хлыстом с вкраплениями свинца, костей, железа рассекали каждым ударом кожу и мясо, разрывали жилы и нервы... Над Ним потешались, обрядили в потрёпанный солдатский плащ, натянули терновый венец, колючки которого впивались в голову. Спасителя били по щекам, ему плевали в лицо, насмехались над Ним как над самозванцем. Тем поразительнее слова Иисуса, когда, истерзанный, претерпев поношения, муки, насмешки толпы, из последних сил Он взывает к Отцу Небесному с просьбой простить своих мучителей — а по сути, всех бывших, настоящих и будущих людей: «Отче! Прости им, ибо не знают, что творят». Именно история страданий Сына Человеческого побудила меня к осознанию своего места в жизни, к поискам своего миропонимания и сверхзадачи существования. Вот почему я далёк от пошлостей быта, а довольствуюсь гармонией внутри себя. Моё кредо — лучше быть помешанным, чем благополучным... Я действительно часто нахожусь в полном одиночестве. А в душе крепнет отвращение ко всему, к чему стремится обычный человек. И совсем уж непонятно, почему я смотрю на себя с удивлением. Это чувство меня, кажется, спасает.

Он замолчал. Аккордеонистка нетерпеливо оглядывалась, всем своим видом показывая, что пустая болтовня её совершенно не интересует. По микрофону диктор то и дело объявлял о прибывающих и отходящих поездах.

Головина спросила:

— У тебя в столице есть жильё-то? И как ты вообще перебиваешься? Не чистой же обуви промышляешь... — Её миловидное лицо выразило то ли сочувствие, то ли презрение.

— Место для ночёвки есть, — заверил Пузырьков. — Я человек бедный, но не нищий. Если у тебя материальные трудности, могу и тебе помочь по мере сил.

— Спасибо. Буду знать. — Она опять дружески улыбнулась.

— У неё не всегда на хлеб хватает. Живёт почти впроголодь, ночует где попало, — вмешалась аккордеонистка. Она отошла на несколько шагов, но продолжала прислушиваться к разговору. — А бывает, — она сделала страшные глаза, — спим в депо, прямо в вагоне! Мешок под голову — и кемаришь три-четыре часа. Вот тебе и ночной отдых в отеле!

— Перестань! Нашла тему! — недовольно остановила её Евгения. — Мне, например, бесконечно нравится такая жизнь. Вчера я спала в купейном вагоне, сегодня найду ночлег в сторожке у стрелочницы, завтра прилягу в брошенной легковушке, а послезавтра подремя в речном трамвае. И не надо к любимому дивану привыкать, хулить судьбу и лить слёзы по комфорту. Конечно, были бы у меня муж, дети, тогда другое дело. При всей скудости моей нынешней жизни в ней много романтики и приятных неожиданностей. Богатые люди этого не знают, а потому не ценят. В бедности человек реализует себя больше, чем в достатке. Дивлюсь на тюки со всякой всячиной, которые тащит наш брат бомж, питая иллюзию, что этот хлам послужит добрым знаком для получения жилища. Для меня главное, чтобы голова была полна идей и фантазий. А деньги потекут сами. Вначале каплей, потом ручейком, а затем и обильным потоком. Господин Ч., не обращай на слова моей партнёрши ни малейшего внимания. Бедность не порок. Глупость — вот истинная беда, что никогда не избавит от несчастий. Но чтобы это понять, опять же надо иметь голову. И тут возникает проблема: невозможно поставить верный диагноз, потому что нет мозгов. И человек мучается всю жизнь, находя разные причины вне себя... Тут и политика, и недостойное общество, и рок судьбы, и языческие суеверия... На самом деле всё просто — не хватает ума-разума. Люди только с виду похожи, а по сути между ними колоссальные различия. Конечно, возможно, я немного драматизирую. — Она окинула Антона Антоновича нежным взглядом своих тёмных глаз.

Мимо станции промчался товарный состав. Перрон задрожал, словно его сотрясали подземные толчки. Лязг и грохот заглушили все прочие звуки. Солнце стояло в зените и нещадно жгло. Воздух, наполненный парами нефтяных шлаков, был невыносимо тяжёлым. Впрочем, неблагоприятная обстановка не мешала молодым людям ощущать душевный подъем от взаимопонимания. Мысли их текли легко и свободно, точно шарик рулетки, перескакивающий с одной лунки на другую.

— Логично, но всё же невероятно, — торопливо кричал, перекрывая шум, Антон Антонович. — Человеку необходима сверхидея. Если она есть, его не интересуют ни комфорт, ни капитал, ни общение с себе подобными. Он находит гармонию исключительно в движении мысли. В пассивном, успокоившемся интеллекте нет движения, а значит, он не приносит удовлетворения жизнью. В наши дни счастье в общепринятом понимании зависит не столько от ума, сколько от хитрости, сноровки и скорости бега на месте. Впрочем, такое бытовое счастье ограничивает свободу. Человек боится сделать шаг влево или

вправо. Мысли, что он потеряет достигнутое с таким трудом, страшат его и превращают в раба своего состояния. Ему приходится добровольно замыкаться в клетке, где он благополучно деградирует. Счастье — не обитель для интеллектуала. Ему нужны горечь от несбывшихся ожиданий или триумф временной достигнутой цели. И эти ощущения почти равнозначны. Поражение от победы он не отличает. Если существа примитивные посвящают жизнь возвеличиванию собственного «я» как средству достижения сверхцели или, иначе, гарантии «счастливой судьбы», то натуры более утончённые и сложные ищут гармонию в страданиях.

— Теперь я тебя лучше понимаю, — усмехнулась Евгения. — Да, поиск самого себя, видимо, ценнейшее занятие. Даже смешанное с горечью, оно может давать силы, подпитывать энергией волю к жизни. Скучающий человек меня никогда не заинтересует, потому что тоска — первый признак душевной капитуляции.

К платформе подошёл поезд на Москву. Двери с судорожной натугой открылись, и люди, галдя, двинулись к вагонам. Странная особенность у российского пассажира. Он несётся на посадку как слепой, глухой и безумный, сметая всё на пути. А потом, найдя своё место, в скуке томится долгие часы, не обращая никакого внимания на окружающий мир. Лень прочно захватывает его. А может быть, он просто пользуется короткой передышкой в непрестанной гонке на выживание?

— Сейчас начнём работать. Не мешай нам своим никчёмным трёпом, — процедила сквозь зубы аккордеонистка. — Забейся в какой-нибудь угол и до конечной станции не подходи. Понял? — Она вздёрнула плечи, поправила ремешки аккордеона, закинула голову и торопливо направилась на посадку.

Молодой человек заметил сочувственный взгляд Головиной — она молчала, но явно не разделяла мнение своей партнёрши. Когда дамы скрылись в вагоне, а дежурный по вокзалу дал протяжный свисток к отправлению, Пузырьков тоже вскочил в поезд. Он прошёл в последний вагон, сел в углу и затих, уставившись полузакрытыми глазами в одну точку. Казалось, он даже заснул.

Очнулся он от звучного голоса: «...Уйди, совсем уйди, я не хочу свиданий, свиданий без любви и ласковых речей...» Пузырьков открыл глаза и сразу встретился взглядом с Евгенией. Комок подступил у него к горлу, и он непроизвольно отвёл глаза.

Выступление закончилось. Подруги сели на свободные места вдали от молодого человека и стали тихо шептаться. За день они собрали четыре тысячи семьсот тридцать два рубля, из которых четы-

ре тысячи дал сам Пузырьков. Теперь надо было решить, на что потратить деньги. Они не заметили, как поезд остановился на станции Лось и в вагон вошли трое крепких парней.

Молодые люди уселись напротив девушек. Аккордеонистка, побледнев, сжала в кулаке деньги. Но они всё равно были видны. Она убрала руку за спину. Наступило общее молчание.

Вдруг парни громко расхохотались. Один, продолжая смеяться, бросил:

— Давай-ка нам твоё бабло, краля! Тихо и быстро! А главное, всё. И колечки тоже сними! — Это было сказано весело, как бы без угроз. Его приятель вытащил из кармана зелёное яблоко, затем складной ножик. Холодно блеснуло лезвие. Амбал неторопливо, чуть рисуясь, стал счищать с яблока кожуру. Опять наступила тишина. Девушки беспомощно переглянулись. — Больше повторять не станем. Давай бабло и кольца! Тихо и быстро! — потребовал тот, кто чистил яблоко, направив острие ножа к горлу аккордеонистки.

Женщины от страха совсем растерялись. Звать на помощь им и в голову не приходило. Русские люди в отчаянии часто становятся совершенно пассивными и надеются исключительно на чудо. К сожалению, человек поздно начинает понимать, что сам способен дать отпор обидчику.

— Галина, отдай им все! — взмолилась Евгения. — Деньги можно заработать, а жизнь одна... — Лицо её пылало, она вся дрожала.

— На что жить будем? — уперлась музыкантша. — Возьмите половину! — обратилась она к грабителям. — Это тоже немало — две тысячи триста рублей... Имейте совесть, ребята! Нам есть нечего!

— Последний раз говорю: отдай всё! И без шума! — Парень злобно оттопырил нижнюю губу, а нож сильнее вдавил в девичье горло.

— Кстати, передай и баян, — спохватился третий.

Аккордеонистка зарыдала и наконец робко выдавила: «Помогите!» Пассажиры, однако, не обратили или не захотели обращать на инцидент никакого внимания. На тихий призыв о помощи встал только Антон Пузырьков. То, что он увидел, ошеломило его. Сломая голову он бросился по проходу к девушкам.

— Уберите нож! Это опасно! — на ходу закричал он. Голос у него был слабый, как всегда, немного неуверенный. Он даже забыл о своём желании быть жестоко униженным и оскорблённым.

— Ты кто такой, презерватив сморщенный? — встретил его один из парней с перекошенной от ярости рожей. — Выворачивай-ка и свои карманы! Тихо и быстро! Опосля можешь кого угодно просить или защищать. Понял? Тихо и быстро выложи всё, что в карманах.

— Нож-то убери! — повторил Антон Антонович, обращаясь к парню, приставившему лезвие к горлу аккордеонистки. — Вот все мои деньги, — он вывернул карманы. — Это мобильный телефон. Возьмите всё, а их оставьте. Прошу вас! — Пузырьков повернулся к Головиной и, увидев её помертвевшее от страха лицо, невольно вздрогнул.

— Сколько там? — спросил кореша третий бандюга.

— Две тысячи всего.

— А мобильник какой марки?

— «Самсунг».

— Ладно. Не утаил ли он что? Мужик ещё не знает, что просьба, обращённая к нам, денег стоит. Выгребай всё, что имеешь. Ты что, их начальник? Импресарио? — Парень язвительно рассмеялся. — Если найдём у тебя хоть копейку, получишь рану в живот. А за упрятанные большие деньги отрежем голову. Понял? Вытаскивай всё!

— Уверяю вас, господа, я всё вам отдал.

— Как всё? А деньги, спрятанные под домашним матрасом? Сколько их у тебя?

— У меня и дома нет, тем более матраса с деньгами, — развёл руками Пузырьков.

— Где ж ты живёшь?

— В разных местах, когда как.

— А у родственников можешь взять займы, чтобы с нами считаться? — спросил парень с ножом.

— Сколько вы хотите?

— За жизнь отдают обычно всё! — ухмыльнулся главарь. — А без выкупа тебе хана. Разрежем на куски и отдадим свиньям. Так что думай, у кого деньги будешь занимать.

— А вы отпустите женщин?

— Одну отпустим, а с баяном возьмём с собой. Будет нам настроение поднимать, — отрезал амбал.

— Да-да, вторая с нами поживёт, в заложницах останется. Гарантия, что не обманешь. Не дашь денег — и тебя, и её в свинарник отправим! Ох, любят свиньи человечину... — радостно взревели двое других.

— Так где деньги родственников? — спросил главарь. — Куда ехать? Сколько бабла подготовишь?

— В Москву. Но сколько вы хотите?

— Всё что есть! — Амбал поднёс к его лицу нож. — Минимум двадцать тысяч. Иначе будет чик-чирик на кусочки. — Он прижал лезвием невыразительный нос Пузырькова.

— Это только за девиц, — подхватил второй. — А за самого себя ещё тридцатку.

— Итого полтинник! Не будет денег — не будет жизни! — пригрозил третий.

— Значит, пятьдесят тысяч рублей? — переспросил Антон Антонович. — Дайте телефон, мне надо позвонить, чтобы приготовили деньги.

— Кому? — насторожился амбал.

— Брату!

— Кто он, чем занимается? Не мент?

— Он предприниматель...

— Большой бизнес?

— Не интересуюсь. Думаю, немалый.

— Ах вот как... Скажи, чтобы готовил сто тысяч, — потребовал главный.

— Это только за тебя, а за женщин ещё сто! — добавил амбал. — Двести тысяч, и никаких претензий.

— Дайте телефон, — попросил Антон Антонович.

— А что ты ему скажешь? — поинтересовался первый.

— Не знаю, дайте совет.

— Слышишь, лох какой-то ручной. Полива не будет? Что-то он очень ласковый... — обратился амбал к друзьям.

— Увидев твою рожу, каждый руки поднимет! — буркнул первый. — Тебя на «Мосфильм» без конкурса возьмут злодеев играть.

— Звони! — Второй протянул трубку Пузырькову. — Скажешь, дескать, задолжал двести тысяч и надо срочно отдать. Иначе могут быть неприятности с ментами. Болтнёшь лишнего, отключим телефон и тебя порежем на куски. Местные менты у нас схвачены.

Антон Антонович взял мобильник и неуверенно набрал номер. Брат сразу взял трубку.

— Привет, Андрей. У меня большая проблема. Я задолжал двести тысяч рублей серьёзным людям. Они могут доставить нам массу хлопот. Сможешь подвезти деньги?

— Они рядом? — услышал он ровный, как обычно, голос брата.

— Да.

— Где ты?

— В поезде. Через двадцать минут прибываю на Ярославский вокзал. Успеешь?

— Двадцати минут мне не хватит. В Москве пробки. Минут через сорок жди у первой платформы. Скажи, деньги будут.

— Повтори, пожалуйста, я хочу, чтобы они сами услышали. — Антон Антонович передал трубку второму грабителю.

— Вы меня слышите? — спросил Андрей Пузырьков.

— Да, слышу.

— Долг моего брата в двести тысяч рублей будет возвращён вам на вокзале, — сдержанно сообщил олигарх.

— Без глупостей, у нас заложница. Это его девка...

— Я человек слова.

На этом разговор прервался. Оживившиеся грабители стали обсуждать дальнейшие шаги.

— Девка с баяном и ты, Крюк, со станции едете прямо к Шраму, — командовал главный. — И там нас дожидаетесь. Если пару часов от нас не будет вестей, мочишь девку и едешь по известному адресу. А мы сейчас берём вторую кралю с голубком и едем на вокзал. Надеюсь, всё будет чин чинарем. Нам не звони, встречаемся у Шрама. Всё понятно?

Наступила тишина. Слышен был лишь перестук колёсных пар на стыках. Волнение перед надвигающейся встречей, грозящей вылиться в криминальный инцидент, с каждой минутой нарастало. У женщин участился пульс, стучало в висках, дыхание стало затруднённым. В такие моменты малейший, даже едва заметный, но подозрительный пустяк, мимолётный посторонний окрик, неожиданный кашель или скрежет зубов соседа сознание может воспринять как предвестие катастрофы. Вот почему, когда из репродуктора вдруг зазвучал голос начальника поезда: «Подъезжаем к станции Москва, Ярославский вокзал», у девушек душа ушла в пятки.

— Бери баянистку и пошёл на выход первым, — велел главарь. — Лезвие держи открытым. Если завопит, бей её прямо под лопатку, против сердца. Из толпы легко выбраться.

Второй бандит повесил на плечо аккордеон, крепко взял за локоть музыкантшу и повёл её к выходу.

— Пока, Галя, надеюсь, скоро встретимся, — сдавленным голосом проводила подругу Головина. — Старайся держаться...

После того как вагон опустел, амбал поднялся и заявил:

— Теперь и нам пора. Вставайте! Шаг влево или вправо будет тут же наказываться. Мне не нужны нож, пистолет, шприц с ядом. Удар моего кулака весит триста килограммов. После него никто не выживает.

Четверо, в том числе Антон Антонович, вышли из вагона. На перроне их встретил шум мегаполиса. Для Головиной этот непрерывный многосоставный гул — людской гомон, транспортный лязг, резкие сигналы автомобилей и скрежет тормозов — был в диковинку. Она впервые оказалась в Москве и после замкнутого пространства вагона растерялась.

— Обманешь — из-под земли достану. Пощады не жди, прибью! — шепнул громила на ухо Пузырькову. — А сдержишь слово — гуляй!

Антон Антонович кивнул. Головину он тихо попросил: «Не волнуйся».

Главарь шёл, прижавшись к Пузырькову, показывая, что тот в его полной власти. На шаг сзади следовали второй бандит с Евгенией. Все они двигались медленно и молча, точно по тюремному коридору. Но у каждого нервы были на пределе. Они дошли до конца перрона и завернули на площадку с расписанием. До места встречи оставалось не больше пятидесяти метров. В этот момент человек двадцать набросились на них и молниеносно скрутили; на обоих преступников надели наручники, рты заткнули кляпами. Потом, ухватив их за руки и за ноги, понесли куда-то. Те не успели даже вымолвить слово. Антона Антоновича и Головину тут же освободили. Плотный мужчина в камуфляже услужливо объяснил им:

— Прошу прощения, во избежание травм пришлось имитировать общий захват. В таком деле лучше перестараться. Брат ваш ждёт в машине на стоянке. Я провожу. Эта гражданка с вами?

— Да. Евгения, на пару минут придётся пройти с ними. Не возражаешь?

— Теперь нет. Как тебе удалось сообщить полиции? — усмехнулась она.

— Потом расскажу. Впрочем, я сам не подозревал, что она прибудет. Все организовал брат. Он человек деятельный.

На стоянке человек в камуфляже подвёл их к «Майбаху» цвета мокрого асфальта. Сидевший в машине Андрей Антонович говорил по телефону. Он приоткрыл окно, кивнул и приложил палец к губам. Минут десять он вышел из автомобиля, подошёл к брату и обнял его. Правда, несколько сдержанно. Затем отвёл в сторону и спросил:

— Продолжаешь с ума сходить? Может, хватит? Эти типы тебя пытали? Били?

— Нет-нет! Угрожали, но довольно смешно, неумело. Не так, не так угрожают настоящие бандиты. Мне даже жалко их стало. Ты куда их забрал? Сдашь в полицию?

— У меня своя полиция. Подержу придурков у себя. Утром им профилактику... — Он помолчал. — Продам их цыганам, чтобы бомбили на перекрёстках милостыню. Ни на что другое они уже не будут годны. Пусть знают, как пугать Пузырьковых.

— Андрей, оставь их, — взмолился Антон Антонович. — Выпусти на волю. Мелкие грабители, вымогатели... Чего с ними связываться?

Да, кстати, их третий поделщик взял в заложницы Женину подругу. Надо её освободить. Дай команду...

— Женщин в заложницы брать? И ты просишь их отпустить? Нет, я уж дам свободу своему изошрённому воображению. Унижать мерзавцев и насильников — святое дело. Так что отстань. Я вот тебе денег на расходы принёс и новые кредитки.

Он щёлкнул пальцами. Водитель выскочил из автомобиля, держа в руках пакет.

— Держи... Здесь три миллиона рублей. Даже не спрашиваю, что будешь делать дальше... Пока!

— Спасибо, Андрей. У нас разное миропонимание, а потому и разные дороги. Мы с Евгенией найдём себе ночлег. Свидимся.

14

— Приём начался, — произнёс, как обычно, бесстрастно доктор Райский в микрофон.

В кабинет смущённо, болезненно улыбаясь, вошёл мелкими шажками лысоватый мужчина лет сорока. Под глазами у него были заметны мешки, глубокие носогубные складки казались ещё резче из-за обвисших щёк. На его чёрной рубашке впереди были нашиты два больших нуля из белых лент. Чёрные шёлковые по виду перчатки скрывали руки. Вошедший сжимал пузатый портфель.

— Здравствуйте, — начал пациент сдавленным голосом. — Я Геннадий Красахинский, литератор. Пишу под псевдонимом Г.К. — Он протянул Райскому руку в знак приветствия и опять застенчиво улыбнулся.

Наум Львович встал и, словно не замечая его жеста, прошёлся по кабинету. При этом он обнаружил на спине Г.К. ещё два огромных нуля. «Может, это не нули, а буквы «О»?» — без особого интереса подумал психиатр.

— С чем пожаловали? — спросил он, снова усаживаясь за стол. — Что вас беспокоит?

— Как бы это описать... — Г. К. вздохнул и заговорил быстро, с жаром: — Меня всё сильнее радует мысль, что российская бюрократия расширяет границы невежества, беспардонно тесня последние островки некогда великой цивилизации. Зловещие чиновничьи вотчины, бывшие не столь давно просторами огромной страны, вызывают у меня в сознании необычайное упоение шокирующей действительностью. — Он нервно огляделся, словно боялся прослушивания или чего-то ещё более неприятного, вроде внезапного нападения. — Да... Только вдумайтесь в множество мелких повседневных фактов, всмотритесь в обрушивающийся на нас шквал невероятных сюжетов из жизни бюрократов. Но дело не только в том, что бюрократы всех нас очаровывают неожиданными выходками. Ещё больше меня восторгает вирус злобы, которым наши чиновники инфицируют население. Тем самым нас ловко отвлекают от беспредела, творимого самой

властью. Как это мудро — запутать всех граждан в бытовых дрязгах. Лично я неизвестно почему в последнее время стал чувствовать себя последним дерьмом. И в то же самое время — персоной, достойной восхищения. Когда я окончательно убедился в своём замечательном перерождении, мне захотелось донести это до сограждан. Я нашёл на одежду нули, чтобы ни у кого не вызывать сомнения: «Геннадий Кра-сахинский, литератор, полное дерьмо! Он ходячий клозет!» И этим я возгордился! Теперь передо мной не встаёт вопрос, вздор наша жизнь или нет. Способность к протестам, исканиям, мечты о справедливости исчезли. Отныне я об этом не думаю. Мне самому страстно хочется только одного — обливать людей дерьмом. Я всё больше убеждаюсь, что прежний Г.К. жил в бреде. Да, всё прошлое моё представляется не иначе как юношеской нелепицей. Так что своим прозрением я обязан нашей фонтанирующей изошрёнными идеями бюрократии. Если меня спросят, когда я чувствовал себя лучше, прежде или теперь, я с готовностью отвечу: теперь! Поэтому к собственному прошлому я отношусь с горьким презрением. И охотно расскажу вам о моей нынешней общественной и литературной деятельности. Вы поняли, доктор?

— Я слушаю...

— А, интересно? Еще бы! Я сам задыхаюсь от богатства проявления собственного «я»! Из моего сознания изгнаны бывшие глупые идеалы: например, превратить Москву в центр правового и демократического государства. Ныне я посвящаю себя главному делу моей жизни — вымарыванию людей фекалиями. Дерьмо вегетарианцев меня не интересует, оно без едкого запаха. Я скупаю, а иногда собираю и сам экскременты любителей свинины, борщей, солянок, разносолов. Добавляю туда листья дуриамы и широкой кистью размазываю эти купажи по физиономиям тех, кого ненароком вспомню или кто случайно попадётся мне на глаза. Нередко выливаю на их головы дерьмо вёдрами со страниц печатных изданий. Увлекательное состояние, милейший доктор, чувствовать в себе достаточную моральную силу, подтверждая на практике верность собственным философским принципам...

Райский суховаато кашлянул:

— Всё сказанное мне понятно. Вопрос один: что привело вас ко мне? Обычно у меня оказываются люди, недовольные своим состоянием...

— О, я хочу найти в вас единомышленника и соратника по борьбе! — Г.К. порывисто встал, подошёл к Райскому и перешёл с шёпота на крик: — Опираясь на авторитет бюрократии и сознавая свою правоту, предлагаю вам участвовать в активной пропаганде зла! Стать обвинителем ненавистной для русского народа свободы! Честные

граждане России мечтают видеть страну без дерзких заблудших сектантов, проповедующих абстрактные идеи демократии. Наш народ пока не созрел для их восприятия. Чем скорее в России воцарится дух ненависти друг к другу, чем больше людей поймут, что у страны есть историческая перспектива исключительно в том случае, если нравы в ней предельно ожесточатся, тем вернее скомпрометируют себя сторонники сближения с Европой. Нам нечего ждать от европейцев. Полагаться надо только на наш крутой нрав. Не щадя сил и средств, необходимо вести идеологическое наступление на все слои общества. Вы убедитесь, что энергия масс способна вершить чудеса. И мы навсегда забудем пресловутые европейские соблазны и так называемые ценности. Тьфу! — Любитель обливать других фекалиями перевёл дух и деловито поинтересовался: — Какая у вас должность?

— Психиатр. Принимаю любого обладателя московского страхового полиса.

— Невысоко! Давно служите?

— Двенадцать лет.

— Что ж вас не продвигали? — всплеснул руками литератор. — У нас сила большая! На городской уровень могли бы вас вывести. Потом на федеральный. Но лучше вообще...

— Лестное предложение, спасибо, — остановил его доктор. — Однако у меня совершенно нет свободного времени. Ежедневно я принимаю до тридцати пациентов. И вообще я не способен лечить всё общество. Я занимаюсь исключительно своими больными. Мне симпатична ваша форма выражать радикальные устремления, но я врач и хочу им остаться при любом социальном устройстве. Свою оппозиционность я проявляю только по отношению к душевным расстройствам. Борюсь с различными формами бредообразования, шизофренией, маниакальными проявлениями, лунатизмом и прочими недугами. Других объектов для активного сопротивления я не ищу и не знаю. Как писал один гений: «С высоты разума вся жизнь представляется злым недугом, а мир — сумасшедшим домом». Так что у меня своих хлопот предостаточно. А вы вполне адекватный человек и в моих рекомендациях не нуждаетесь. Живите и здравствуйте.

— Минутку-минутку! — Г.К. ещё крепче прижал к себе портфель. — Я пришёл не к врачу, а ищу своих сторонников. Мне нужны люди с моей идейной ориентацией. Необходимо расширить наше братство, включать в него всё новых и новых ярких людей. Давайте совместно вернём русским их законные права господствовать на собственном пространстве от Балтики до Тихого океана, от Ледовитого — до Тянь-Шанских гор. Ещё раз призываю вступить в ряды

передовых граждан! — Он вытащил из портфеля свёрток, развернул его и положил на стол большую малярную кисть. — На первых порах достаточно вымазывать обильным слоем дерьма всех, кто не с нами. Чтобы отличать их по запаху. Слишком долго — уже более двадцати лет — демократы оскорбляют общественное мнение своей прозападной пропагандой. Хватит! Тьфу! Призываю вас отложить на время врачебную практику, забыть пару десятков людей с их отклонениями в поведении. Кстати, шизики останутся в наших рядах. Без них власть нам никак не взять. Ими у нас руководит известная личность — господин Жирков. Талантливый политический организатор.

Райский, не перебивая, как-то отстранённо слушал Г.К., и тот приободрился:

— Итак, у вас два задания, профессор. Начать надо с согласия участвовать в движении «Эта партия». Прежде всего, необходимо публично признать, что люди не равны. Такое суждение уже двадцать лет властвует над сильными умами. Его ежечасно продолжают доказывать наши активисты. Мы не равны не только по своим правам, но куда больше по своим обязанностям. У меня, члена нашей ложи, обязанностей по отношению к обществу, если не считать членов нашего коллектива, нет никаких. А у вас они пока есть, господин Райский! Но зачем они вам нужны? Какая чепуха! Какие могут быть обязанности по отношению к чужакам у истинного россиянина? Ведь эти обязанности отягчают жизнь. У нас карают за малейшее неповиновение нашему уставу. Виновник тут же получает наказание. Если откажетесь от моего предложения вступить в ряды Настоящих Русских, это обстоятельство не останется незамеченным. Тут же отберём лицензию на врачебную деятельность, перепишем на себя ваши банковские счёта, переоформим ваше жильё на однопартийца, передадим адреса и списки ваших пациентов службе из нашего сообщества. Устроим вам ещё тысячу крупных и мелких неприятностей, после которых человек или мигрирует, или повесится. И другой вариант — вы полностью отдаётесь нашему движению. Могу гарантировать — дурман счастливых чувств опьянит вас. Вы погрузитесь в упоительный труд по выбраковке негодного людского материала. Вкусите азарт насилия, переходящий в торжество от безумного истязания всех, кто не с нами. Носитель отличного от нашего мировоззрения станет для вас хуже дьявола, он будет вызывать у вас рёв бешенства, желание как можно больше укусить его. Прочь страхи и малодушие! Никакой пощады интеллектуалам! Без обвинительных декретов объявляем войну активистам, проповедникам социального, этнического и идейного

многообразия. Необходимо быть сильным, грозным и безжалостным по отношению к врагам. А наш противник — всякий, кто мудрствует, и мудрствует лукаво.

— Я вас понял, — подняв руку, остановил Г.К. психиатр. — Аудитория закончилась. Меня ждут другие пациенты. Чтобы успокоить вас, могу предложить г...ол. Этот препарат выписывают не больным, а нормальным людям, испытывающим сильные эмоциональные стрессы. А вы совершенно здоровы, необходимо лишь снять повышенную чувствительность, в некоторых случаях способную перерасти в тахикардию. В вашем возрасте этого надо остерегаться. Вот рецепт, можете заглянуть ко мне в любой день. Вы — интересный собеседник. — Доктор подошёл к двери, открыл её и позвал: — Следующий!

В кабинет ворвался тощий мужик лет сорока, в джинсовом костюме, с воспалёнными глазами и длинными лохмами. Прямо с порога этот хипарь возбуждённо бросил:

— Доктор, укротите мои страсти! Я целый день не нахожу себе места. Объясните, но только честно, почему не действует Конституция России? Мне даже кажется, что она забилась в какую-то щель. Примостилась в тишине и одиночестве. Ей совершенно чихать на нашу сволочную жизнь. А эти мракобесы, желающие вернуть нас в прошлое, совсем распоясались и ведут форменную охоту на нашего брата демократа. И в эту компанию записали меня. А мне-то надо всего чуть-чуть — чтобы иногда меня слушали. И не массы, а хоть редкий прохожий наострил бы уши. Я готов годами растолковывать свою единственную мысль. Хочу призвать сограждан выступить с требованием к правительству: не пропагандировать идею строительства счастья россиян на национальном фундаменте. Ложная, опасная это доктрина. Потому что самый никчёмный вид гордости — национальный. Но русского человека легко зажечь лжепатриотическими речами. Здесь гордость побеждает разум, истину и знание. У русских людей эта болезнь имеет исторические корни. Она возникла и развилась на фоне апокалипсической тревоги за собственную судьбу и за будущее своего огромного жизненного пространства. Тут вина и Романовых, и Ленина, и Сталина, и всех других правителей, включая нынешних. Реформаторские иллюзии последних веков ничего не дали. Этническая ментальность не меняется. Никаких сдвигов я не замечаю. С недавних пор любить свой народ для меня стало сущим наказанием. Раньше я всеми фибрами чувствовал собственный этнос, он был во мне — в душе и сердце, он принадлежал мне, как я сам принадлежу себе. Но по мере возмужания сознания многое переменилось. Этнос как бы оторвался от меня, стал чуждым, живущим вне меня, в непо-

нятной, далёкой стороне. Где-то за высоким бугром или за непроницаемой стеной. Видимо, там же, куда спряталась наша конституция! В закоулках дома с плотными шторами, мрачными гардинами? Там кладбищенская тишина, а в гараже — затемнённые окна чёрных лимузинов. Игра в прятки и жмурки не только моя беда, но главная беда всей нации! Поэтому я требую, профессор, чтобы конституция вылезла из своего укрытия! Требую, чтобы общественные комиссии публично расследовали деятельность презренных людей, изъывших основной закон страны из широкого правоприменения. Преступники не только скрыли его от народных глаз, но и стёрли память о нём в сердцах и душах всех россиян. — Хипарь поубавил пыл, осмотрелся и неожиданно спросил: — Можно, доктор, задать один вопрос: этот человек, — он указал на продолжавшего сидеть у стола Г.К., — ваш коллега? Кто он такой? Почему он без халата?

— Нет, этот господин здесь по делу. Он сейчас покинет кабинет. После чего я попросил бы вас рассказать, что конкретно вас беспокоит.

— Вначале он должен выйти, — заупрямился мужчина с длинными лохмами.

Доктор повернулся к Г.К. и твёрдо произнёс:

— Прощайте, я всегда к вашим услугам. — После чего сухо поклонился.

— А я не желаю уходить! — вдруг заорал Г.К. — У вас нет никаких прав выставлять меня за дверь! Я принадлежу к высшей правящей касте, если хотите знать. Мы распоряжаемся русским миром. Нас должны беспрепятственно слушать, мы должны знать, о чём говорят наши граждане в таких вот кабинетиках! Наша партия стоит у руля России. Так что у меня особые права! Только я один среди вас понимаю, что такое истинное единство! Един наш народ, не поддающийся сравнению ни с каким другим народом. Или мы все вместе, как одно целое, или нас нет совсем. Русский человек — это монолит, к нему не могут применяться арифметические действия, деления или вычитания. Активное качество всегда одного вида. Я хочу дослушать этого типа и сделать соответствующие распоряжения.

— Доктор Райский, удалите постороннего! Или я выставлю его силой, — решительно заявил хипарь. — Если раньше я уступал, то теперь даю отпор нахамам такого рода. Я сразу заявил вам, что во мне кипят страсти, я готов растерзать любого. Особенно достанется филькиной грамоте — если она в ближайшее время не вылезет из своего укрытия и не станет основной частью национальной публичности!

Литератор Г.К. тем временем почувствовал острое желание пустить в ход кулаки и обрушить на незнакомца необузданную энергию

своей ненависти. Райский заметил его состояние и поспешил примирительно улыбнуться:

— Прошу вас выйти. У меня приём, а разговор с пациентом всегда основывается на конфиденциальности. Пожалуйста... — Психиатр дружелюбно улыбнулся.

Однако литератор и не думал повиноваться. Теперь он обращался к пациенту Райского:

— Ну ты, башка бездарная! Мы изучили вас, паникёров и бездельников. Оппозиция тоже мне. Пустомели! Вы способны лишь обматерить противника. Если не боишься меня, то назови своё имя. Я вот Геннадий Красахинский, член правящей партии. А ты кто, гнида?

— Минутку, прошу обоих выйти из кабинета, — вмешался доктор. — Или вызову охрану. У нас ребята плечистые, смирительные рубашки крепкие, а боксы для размещения буйной публики узкие. — Райский старался не повышать голоса и примирительно добавил: — Прислушайтесь к моим словам. Могут быть неприятности. А они всегда помеха в жизни.

— Ладно, выйдем оба, — согласился демократ. — Я, Валентин Захлёбкин, с удовольствием помну твою похабную рожу.

— Так и думал, — обрадовался Г.К., — что этот тип окажется каллом или поносом. Пошли на улицу. Твоё счастье, что доктор рядом, вовремя подоспеет помощь. Вижу, что мозгов у тебя немного, а после нашей встречи их вообще не останется. Котелок будет порожним. — Он вытащил из кармана мобильный телефон и деловито набрал номер: — Где вы? Через какое время подъедете на Полянку? Надо проучить одного дерьмократишку. Угрожает... Биты с собой? Поторопитесь, я у Райского... Сейчас поглядим, чья рожа больше помнётся, — пообещал он.

— Господа, оставьте ваши распри. — Райский решительно встал между двумя пациентами. — Предлагаю заключить мораторий на выяснение отношений. Иначе мне придётся вызвать полицию, и вам обоим не поздоровится. Предлагаю компромисс. Два кубика э...ма — и ваше возмущение ослабеет, агрессивность спадёт, в ваших сердцах и в моём кабинете воцарится спокойствие. Минут через пятнадцать после инъекции вы оба выйдете в холл, а я продолжу принимать пациентов. Им нужна моя помощь. А мне надо думать о заработках. Да-с! Моя профессия далека от политических и мировоззренческих дискуссий. Меня беспокоят лишь расстройства психики. Как настройщик роялей, я прислушиваюсь к тонким нервным струнам, нахожу изъяны и стараюсь их исправить.

Быстрым движением он поднял трубку, вызвал медсестру и распорядился приготовить раствор для инъекции. В кабинете стало тихо.

— А, затишь перед бурей, — хмыкнул литератор. — Я же презентовал вам кисть, доктор. Почему бы вам не броситься в туалет, чтобы вымазать этого негодяя дерьмом ваших пациентов? В противном случае мне придётся обливать помоями вас обоих. Я давеча заявил, что полностью погружен в этот национальный проект. И никаких компромиссов быть не может. Не надо путать уважение к человеку с мировоззренческими принципами. А они толкают меня на решительные шаги. Возьмите, говорю, кисть и сделайте полезное, даже святое дело. Заявите, с кем вы! Ведь качество человека — это совокупность его деяний, по которым и можно судить о личности. Я уже истосковался по выражению чувства ненависти. Ярость охватывает при встрече с такими зачуханными подонками, как тот, что вдруг оказался в вашем кабинете. Откуда он взялся? Этот мерзавец не только прервал нашу милую философскую беседу, он отстаивал совершенно чуждые моему сердцу идеи. Конечно, меня, как истинно русского человека XXI века, стала переполнять страсть к произволу, который решительно приветствуется в современном мире. И вам, доктор, надобно знать, что беспредел в достижении цели — самая характерная черта моих однопартийцев. Без неё нам человек не свой! Чужак! И если такой стиль поведения станет желанной забавой, то русский человек состоялся! А как иначе сохранить страну? Ведь с такой негодней публикой, которой у нас полным-полно, разговор должен быть всегда кулачный. Чтобы выиграть войну с отступниками, необходимо воспитать в себе свирепость. Жажду мщения! Хватайте кисть, доктор, и действуйте... Великое удовольствие быть заряженным, как электрический кабель, мерзавцем. Я человек партии единомышленников. Если партийная дисциплина требует быть жестоким к чужакам, я не без удовольствия свирепствую. Нынешним миром управляют ублюдки. Безграмотных граждан дураят словесными помоями. В стране великой духовной и научной культуры хозяйничают люди, гордящиеся причёской восстановленных волос, каблучком высотой в бутылку французского вина, реставрированным носом в стиле римской классики и силиконовым интеллектом, напоминающим вздутую искусственную грудь. А потому нас окружают личности малодушные, праздные, расслабленные, в любой момент готовые к измене — идейной, финансовой, национальной, любовной. Нынче у русских в башке лишь три пункта: полное пренебрежение к духовности, необузданная жажда роскоши и пошлая мания величия. И во всех этих грехах виновны дерьмократы! — Литератор побагровел и зарычал от бешенства на незримых врагов. —

То есть именно те типы, которых представляет ваш посетитель! Через пару минут в офис заглянут наши молодогвардейцы. При встрече с таким, как Захлёбкин, у нас возникает импульс изрядно поработать кулаками. Борьба идей приводит к насилию — это политграмма. И чисто русская традиция. Ведь тот, кто подменяет реальность своими фантомами, заслуживает жёсткого наказания. Это обстоятельство воспитало во мне идеалиста-радикала. Растоптать надуманное достоинство соотечественника — для меня самое увлекательное занятие.

— Успокойтесь, господин Г.К., — осадил психиатр. — Сейчас препарат умерит ваш пыл. Нервные срывы крайне вредны организму. А его надо беречь.

В этот момент в кабинет вошла молодая женщина. Её пышные чёрные волосы были эффектно скототы двумя блестящими брошками. Брюнетка была выше среднего роста, несколько полновата по критериям современных модельеров, но не лишена элегантности. Полы белого врачебного халата соблазнительно скользили на бёдрах при каждом её шаге, словно ладони кавалера. Но ни хипарю, ни литератору, ни самому Райскому сейчас было не до женских прелестей.

— Анжела, приготовь два шприца по три куба э...ма, — распорядился Райский.

— Ничего не трогайте! Никаких уколов! — вскипел Захлёбкин. — Мне от этих шприцов, пилюль и компрессов житья нет. Я уже давно их так же возненавидел, как и оголтелых националистов. К примеру, вот этого! — Он гневно взглянул на Г.К. — Я ещё в состоянии определить окончательную цель, которая даёт мне волю к жизни, — глубокое отвращение к российской действительности. Первое время я жадно искал в стране истинное добро, упорно отмечая суррогаты. Но тщетно! Его нет! Российский мир поражён порчей! Всё вокруг низко и подло. Это горько и бесит меня! Восприимчивость к добру, открытость ему постепенно атрофировалась во мне. В ответ на притеснения и оскорбления, с которыми я постоянно сталкивался, в душе зрели планы мести. Я мечтал заткнуть рот этим придуркам — певцам национального превосходства и всем прочим агрессивным ортодоксам. Я даже перестал признаваться, что я русский, особенно после августа 2008. Я открыл в себе страшную фобию: оказываясь на публике, испытывал неудержимую потребность по-собачьи лаять на всех! Я абсолютно уверовал в идею, что с такими типами, как этот фрукт, у меня и у России нет будущего. После этого признания я стал ощущать себя скелетом — точно с меня содрали живую плоть. Смерть больше не вызывает во мне ни малейшего страха. Я зол лишь оттого, что появился на свет в неурочное время. Да, Валентин, почему ты ре-

шил жить в этом пространстве, полном, полном... А чем оно полно? — еле шевеля непослушными губами, вопрошал кого-то Захлёбкин.

Его зрачки расширились, на губах появились капельки слюны, ноги подогнулись. Последнее, что он видел перед падением, — стремительно растущий в размерах огненный шар. Багровый диск летнего солнца повис перед глазами. Голова Захлёбкина запрокинулась, глаза закатились, тело содрогнулось, пальцы сжались в кулаки, лицо обезобразила искажённая гримаса, зубы стиснулись, на губах выступила обильная пена.

— Эпилептический припадок, — мрачно констатировал Райский.

— А, испугался, трус несчастный! — заорал литератор. Он подошёл к лежащему без сознания Захлёбкину и, пнув его ногой, с восторженным криком бросил: — На тебе, сволочь, на тебе, сволочь! Вставай, дерись, а не валяйся, бояка...

Профессор ухватил Г.К. за плечи и закричал:

— Анжела, вызывай охрану и санитаров!..

Сил у психиатра явно не хватало. Рослый литератор, смеясь, вырывался и продолжал пинать безжизненное тело Захлёбкина. В какой-то момент ему удалось отшвырнуть врача в угол кабинета и подскочить к столу доктора. Правой рукой он схватил игольчатое колесо Вартенберга, левой — молоточек Тейлора. После этого в диком восторге, заливаясь хохотом, стал колоть и бить несчастного припадочного, приговаривая:

— Захотел трус с нами связаться, ха-ха-ха! Теперь надолго запомнишь Эту партию! Ха-ха-ха! Чем чаще опрокидываю на ваши головы ведра с дерьмом, тем больше наполняю сердце радостью жизни!

Вбежавшие в кабинет санитары и охранники мигом скрутили литератора. Анжела ловко всадила ему в ягодицу дозу з...кса. Спаситель России обмяк. Санитары натянули на него смирительную рубашу и выволокли в прихожую. Невозмутимая красавица нащупала его вену и ввела ещё десять кубиков д...ма.

Райский попросил двух охранников остаться в коридоре. Он помнил, что литератор звонил своим друзьям.

— Анжела, — помедлив минуту, произнёс психиатр, — зови следующего.

15

Андрей Антонович Пузырьков минут пятнадцать изучал женщин московского ресторана «Яр». Зорким взглядом он оглядывал то красоток из танцевального ансамбля, выступающего на подиуме, то посетительниц известного злачного заведения. Лицо Пузырькова при этом оставалось бесстрастным. Физиологический интерес, видимо, таился на самом дне его души, в глубинах сокровенных желаний.

Официант долил в бокал немного красного вина. Пузырьков отпил, продолжая оглядывать зал. Внезапно глаза его вспыхнули. На сцене появилась молодая женщина с обручами. Тёмные кудри лежали на её белоснежных плечах, лёгкое платье молочного цвета покрывало тело и мягкими складками спускалось чуть ниже колен. Большие властные глаза смотрели поверх столиков. Вот она, истинная властительница «Яра». Губы её приоткрылись, словно в ожидании объятий и поцелуев. Пузырьков выхватил из кармана пиджака ручку и прямо на шёлковой салфетке написал: «десять тысяч долларов за ночь». Затем сложил салфетку и кивком подозвал официанта:

— Отдашь девице с обручами.

Официант ловко принял протянутую купюру в тысячу рублей и умчался.

«Пожалуй, она лучше всех, — решил Андрей Антонович, — я выберу её, чистую и непорочную по виду. Пусть попробует отвергнуть меня — невзрачного и порочного. Покупать людей для меня уже не просто привычка, но единственное подлинное удовольствие. Впрочем, в этом я вовсе не оригинален. Такой забавой нынче тешатся многие русские. Торжество над сломленным соблазнами человеком, порабощение его воли, подчинение чужого сердца твоему безрассудству вызывают у меня сильнейший прилив страсти. Чем больше человек проявляет суверенность, чем яростнее отвергает мои заманчивые предложения, заставляя меня изобретать всё новые ловушки, доискиваться до скрытых в его душе грешков и слабостей, чтобы свратить его полностью и окончательно, то есть чем упорнее становятся мои старания овладеть этим человеком, когда его несговорчивость

и сопротивление вызывают у меня уже бешенство, страдания и муки, — тем восхитительнее сама интрига. И тогда предчувствие победы охватывает всё моё существо! Правда, недолго! Одно мгновение. Но восторг колоссальный! Не странное ли это увлечение? И почему оно сближает меня с огромным количеством соотечественников? Нашлось бы что-либо более оригинальное... Ан нет! Видимо, оно какими-то родовыми нитями связывает меня с многовековым российским крепостным правом. Ведь современных россиян отделяют от поры крепостничества всего-то пять-шесть поколений. Чепуха!»

Андрей Антонович глотнул вина и огляделся. На подиуме танцевали девушки в блестящих костюмах, они творили какую-то ослепительную феерию. Официанты, все как на подбор рослые, с бледными, отёкшими лицами, разносили на подносах еду и выпивку. Отрепённый вид молодого человека не привлекал внимания. Ресторан гудел в своём обычном ночном ритме. К Пузырьковскому уху пригнулся посыльный.

— Она прочла ваше послание, — прошептал официант, — попросила указать на вас, взглянула из-за кулис и написала что-то в ответ. Вот, посмотрите. — Он положил на стол всё ту же свёрнутую салфетку.

— Держись поблизости! — скомандовал Пузырьков.

Глаза его опять вспыхнули. Он развернул салфетку и прочёл: «Вы ошиблись». Затем усмехнулся, достал ручку и написал: «Согласен. Bravo! Плачу двадцать тысяч долларов за ночь!» Не успел он поднять руку, как тот же официант подскочил к столу.

— Отнеси ей, — распорядился Пузырьков.

Красавица с обручами была за сценой. Ответ пришёл быстро. Андрей Антонович развернул салфетку и с улыбкой прочёл одно слово: «Неубедительно».

«Теперь начинается настоящая охота на человека», — мелькнуло у него в голове. Он мигом составил новое предложение: «С 3 июня по 3 июля — премия триста тысяч долларов. В течение этого срока яхта и дом в Каннах. Плюс дом в Барвихе, «Майбах» с шофёром, итальянский повар, прислуга, массажистка из Таиланда». «Пока хватит, — с усмешкой решил он. — Здесь всё удовольствие в пошаговом движении. Не надо перебарщивать».

Едва он свернул салфетку, как рядом опять вырос официант.

— Отнести?

— Давай! Получишь тысячу рублей.

Посыльный мигом удался.

Танцовщица с обручами вышла на подиум. Она действительно была пленительна. Нити жемчуга, вплетённые в её смоляные кудри, придавали ей сходство с какой-то сказочной принцессой. Огромные

глаза её мило шурились, словно что-то обещали, губы двигались в такт музыке. Мужская часть посетителей нетерпеливо заёрзала на стульях под действием властных флюидов. Вот красавица вновь скрылась, и по залу пронёсся лёгкий вздох.

Пузырьков заметил, как уголок бархатной кулисы сдвинулся, и увидел устремлённые прямо на него, чуть прищуренные глаза. Затем на столик опять легла сложенная шёлковая салфетка. «Что вы хотите купить?» — прочёл он. Андрей Антонович не раздумывая написал: «Вначале хочу купить вашу память. Потом начну платить за тайны вашей интимной жизни. И наконец, постараюсь завладеть вашим сознанием! А. П.». Он подумал и дописал: «Человек невзрачной внешности, кривой, косой, горбатый, косолапый. Но с огромным состоянием. Получив ваше согласие, я тут же передам вам наличными или переводу на ваш банковский счёт первые триста тысяч долларов».

Он вытащил очередную тысячерублёвку. Официант подскочил к столу, схватил салфетку и понёсся за кулисы.

Андрей Антонович тем временем отпил вина, вяло осматривая зал «Яра» и размышляя о том, что он лишён мужской привлекательности: тщедушный, низкорослый, с залысинами, не то что многие посетители, гордо восседавшие за соседними столами. Но вряд ли найдётся здесь кто-нибудь, способный столь виртуозно, как он, исполнить замечательный план, созревший в его голове. Покупка людей в современной России стала банальной процедурой. Однако лишь некоторым удаётся перевести этот пошлый ритуал в регистр высокой драмы, чтобы радовать себя размахом соблазнов, искусно обрушиваемых на человека. Фантазмагория приватизации незнакомцев поначалу разворачивается лишь в сознании Пузырькова, при этом сюжет никогда не повторяется, не становится шаблоном, а удовольствие достигает апогея при превращении человека в безвольную марионетку. В куклу на ниточках, которой управляют пальцы Андрея Антоновича. Что может быть более волнующим, чем акт превращения человеческого существа, с волей, желаниями, надеждами, в раба? В полную собственность другого человека? Манифестом Пузырьковских рабов должно стать убеждение: в покровителе-хозяине сосредоточен главный смысл жизни. Единственное, что позволено рабу, — относиться к окружающему миру безучастно либо с пренебрежением.

Подбжевавший официант молча положил на стол салфетку. Пузырьков развернул её и не без удовлетворения прочёл: «Вы странный человек. Вначале я подумала, что вас интересует секс... Можно подумать над вашим предложением. Впрочем...»

«Ага, началось, — обрадовался он. — Моей коронной картой всегда было предложение, от которого, пожалуй, никто никогда не отка-

звался». Он взял салфетку и написал: «Я открываю вам депозит на миллион долларов. Условие перехода денег в ваше распоряжение простое: я должен испытывать от общения с вами восторг. Мало того, заставьте меня ещё сильнее полюбить самого себя. Сделайте меня в течение месяца счастливым. Подчинитесь мне полностью, исполняйте самые сумасбродные мои желания с улыбкой и радостью. Открою секрет: природа действительно наделила меня странностями. Например, я захочу, чтобы вы называли меня «Господин патрон всего моего существа». Может быть! Даже совершенно определённо: да! Но я щедро плачу за свои прихоти. И ещё: вы должны забыть, что в этом мире есть нечто превосходящее меня по ценности. Тогда помимо обещанных гонораров за различные услуги вы прибавите к своим капиталам ещё один миллион долларов. А я буду безмерно польщен нашей дружбой. Где и когда вас ждать? Андрей П.»

Получив очередную ассигнацию, официант кинулся за кулисы. «Таких людей покупаешь без торга и контракта, — усмехнулся олигарх. — Мир сообразен с моей ментальностью. Он полон низменных натур, нестойких перед искушениями. А у меня непрерывная игра в соблазны вызывает безумства азарта. Припоминаю, как за тысячу долларов один вполне приличный с виду господин дал согласие на моё совершенно идиотское предложение. Он надел на себя ошейник, разрисовал лицо под собачью морду и целую декаду лаял на памятник Тимирязеву. Причём лай его звучал вполне натурально. Другой случай: девица выпросила у меня семьсот долларов и неделю неотлучно простояла перед зданием Думы, предлагая желающим «секс под мышкой». Из этой скромной суммы она ещё платила ментам за крышевание. Ну как тут человеку со средствами не поддаться искушению?»

Официант в очередной раз положил на стол Пузырькова уже изрядно помятую салфетку. Андрей Антонович не сразу развернул её и уже без прежнего волнения прочёл: «Жду вас на улице Марины Расковой, у дома 57, в 21.15. Алиса Д.»

«ОК», — крупно вывел Пузырьков и передал послание официанту. «Алиса, — слегка удивился он. — Наверное, псевдоним».

Было без двадцати девять. Он допил вина и заказал чашку капучино. Андрей Антонович любил «Яр», сохранивший стиль советского ампира. Тяжёлые люстры с подвесками гранёного хрусталя ярко освещали просторный зал. Огромные канделябры горели на мраморных стенах, словно огненные цветы, придавая ресторану старомодную помпезность. Перед подиумом возвышались три вазы с шапками алых роз. Может быть, менеджеры заведения рассчитывали на то,

что гости, вдыхая цветочные ароматы, быстрее расслабятся и легче расстанутся с деньгами. Официанты бесшумно сновали по залу, разнося кулинарные изыски и вина разных стран мира. Ужин подходил к своему пику — часу, когда между партнёрами все согласовано, все блюда заказаны и уже многое съедено и выпито.

«У меня ещё полчаса, — подумал Пузырьков, — можно успеть как-нибудь приколоться».

Он взглянул на официанта и повёл подбородком в его сторону. Тот мигом подлетел.

— Принеси мне ту салфетку, от Алисы, и ещё одну, чистую.

Приказание было вмиг выполнено. Пузырьков увидел, что за одним из столиков сидели парень с девушкой. Обычные лица, одежда середнячков. Затем он перевёл взгляд на соседний столик. За ним ужинали двое молодых людей. Один походил на банковского служащего — полноватый, в дорогом костюме. Другой ему под стать, лысоватый, с тонкими чертами лица. Вероятно, они кого-то ждали — на столе стояли ещё два нетронутых прибора.

Пузырьков взял салфетку и написал: «Если хотите заработать пять тысяч долларов, выйдите в фойе».

Он подозвал официанта, указал на столик и отдал «письмо» вместе с тысячерублёвкой. Парень, сидевший с девушкой, получив послание, удивлённо повертел салфетку в руках и вопросительно обвёл взглядом публику. Затем закурил, шепнул что-то на ухо своей девушке, встал и, прихрамывая, пошёл к выходу. Поднялся и Пузырьков. Он догнал хромого перед баром и поклонился. Парень глядел на него настороженно.

— У меня к вам обычное коммерческое предложение, — улыбнулся Андрей Антонович. — За столиком в первом перед эстрадой ряду сидят два типа. Один из них, лысоватый, несколько раз оскорбил меня. Я намерен его проучить. Но, как видите, сам я человек неспортивный, даже, извините, чихлый. Поэтому решил обратиться к вам за помощью. Плачу пять тысяч долларов, если вы публично обрушите на этих наглецов отменную брань, а лысому раза три-четыре дадите кулаком в рожу. Расчёт на месте авансом.

— Можно сперва взглянуть на этих ребят? — спросил парень. — Трудно, знаете, так — незнакомым и в рожу. Я по натуре вообще-то человек не злой...

— Конечно-конечно. Четвёртый столик в первом ряду. Как говорится, пробудите в себе зверя.

Парень ушёл в зал и вскоре вернулся с более решительным видом.

— Принимаю предложение, — кивнул он. — Но у меня два условия. После того как я устрою бучу и несколько раз дам этому типу по морде, я уже не смогу оставаться в ресторане со своей девушкой. Поэтому добавьте к пяти тысячам долларов оплату моего счёта за ужин. И ещё мне потребуется сто долларов на такси, — в сильном волнении выложил он.

— По рукам, — согласился Пузырьков. — Скажите, чтобы счёт за ужин положили на мой стол. Я, конечно, оплачу его. — Он стал отсчитывать обещанную сумму.

Получив пачку долларов, молодой человек попросил:

— Запишите мой телефон. Может, я буду вам полезен и в другой раз, и по другому... впрочем, по любому поводу. Всегда рассчитывайте на Платона Преснякова.

Он вернулся к своей девушке, что-то тихо сказал ей. Затем позвал официанта и о чём-то договорился. После этого пара покинула зал. Тем временем Пузырьков, вновь усевшись за свой стол, стал дожидаться развития событий.

Воздух в ресторане «Яр» всё сильнее насыщался винными парами и разогревшимися эмоциями.

Прошло пять минут, затем десять. Прихрамывающий молодой человек не появлялся. «Неужели смылся? — усмехнулся про себя Пузырьков. — Не похоже... Вроде приличный парень».

Вдруг в распахнувшуюся дверь зала влетел Пресняков. Лицо его было бледным, губы точно восковые. Он подскочил к указанным Пузырьковым посетителям и начал громко крыть их матом. По ходу ругани он несколько раз заехал лысому кулаком по физиономии. Когда «банкир» вскочил с места, чтобы схватить обидчика за руки, Платон ударил его винной бутылкой по голове. Тот без звука свалился на пол.

Общего смятения и интереса к инциденту в зале между тем не наблюдалось. Единичные женские крики довольно быстро стихли. В зале воцарился мерный гул. Пресняков быстро, несмотря на хромоту, и не оглядываясь выскочил из ресторана. Возле «банкира» уже суетились администраторы и два охранника. Раненого вынесли на руках, лысый тоже вышел. Когда Пузырьков рассчитывался по двум счетам, в ресторан вошли трое полицейских — они начали опрос персонала. Официант, обслуживавший покинувшую ресторан молодую пару, указал на Пузырькова и что-то рассказал. После этого стражи порядка подошли к Андрею Антоновичу.

— Этот хулиган ваш знакомый? Встаньте! — резко потребовал капитан. Он был плотный, с угрюмым выражением лица, лет тридцати с небольшим.

— Ничего подобного! — усмехнулся Пузырьков, не двигаясь.

— Говорят, что вы оплатили счёт преступника. Незнакомым людям никто счёт не оплачивает, — капитан повысил голос. Прядь чёрных волос выбилась у него из-под фуражки.

— Если вы о том хромом парне, то он подошёл ко мне в фойе и сказал, что пригласил девушку в ресторан, но не может оплатить ужин. Я человек сентиментальный, доверчивый. Решил помочь бедолаге. Вот и согласился оплатить счёт. Простая история. Что ещё?

— А пострадавших вы знали? — мрачно спросил капитан.

— Первый раз их видел. Да, они, кажется, сидели по соседству, но я совершенно не обратил на них внимания. Здесь столько шикарных женщин! Зачем рассматривать мужчин? — Он улыбнулся.

— Пройдёмте с нами в отделение. Там разберёмся, — всё так же хмуро приказал капитан. Пузырьков был ему явно не по нраву. — Вставайте! Живо! Он с вами рассчитался? — обратился капитан к официантам.

— Да! Претензий к нему нет, — вставил словечко тот официант, что обслуживал Пузырькова. Он даже подмигнул: дескать, я не выдам, что вы переписывались с преступником.

Андрей Антонович оценил его понимание в сто долларов. Он протянул ему ассигнацию со словами:

— Спасибо за прекрасный ужин и великолепное обслуживание.

Полицейские уставились на руки Пузырькова. Один из них даже буркнул: «Ух ты...»

— Пошли! — нетерпеливо потребовал капитан.

Пузырьков встал, взглянул на часы, затем нажал кнопку вызова охранников и направился к выходу. До встречи с Алисой оставалось одиннадцать минут. У стены в фойе уже стояли четверо громил из его команды. Подходить к боссу без сигнала они, согласно инструкции, не имели права.

«Пустячок, как говорится, а приятно, — порадовался обострившейся ситуации Пузырьков. — Конечно, купить трёх мелких менгов — плёвое дело, но я ухитрюсь придумать что-нибудь остренькое».

— Капитан, — миролюбиво понизив голос, обратился к старшему по званию Андрей Антонович, — понимаешь, у меня свидание с красивой женщиной. Сам знаешь, мой привод в участок вам ничего не даст. За пару сотен долларов меня через четверть часа отпустят. Но я опоздаю на встречу, а это невежливо. Плачу тебе пятьсот долларов, а твоим парням по двести пятьдесят — и прощаемся. Но это лишь вступление. Ещё по тысяче долларов дам всем троим, если в участок заберёте обоих пострадавших. Неспроста же хромым их избил. Значит, было за что. — Не дожидаясь ответа, Андрей Антонович продолжил: — Ещё по тысяче долларов получите, если проучите этих мерзавцев. Нужно

хорошенько их выпороть. Особенно этого смазливового... По морде, по почкам, по печени. Так, чтобы рожи у них стали похожи на физиономию Каддафи после расправы с ним повстанцев. — Пузырьков сделал паузу и пристально посмотрел в глаза онемевшему капитану. Затем тихо произнёс: — Но и это ещё не все! Обогащение только начинается! Впереди у вас зелёный дождь! Плачу ещё три тысячи долларов, если вы от души поимеете этого лысого красавчика. Не мне вам это объяснять. Тут я не только за хромого заступаюсь — у меня с такими пижонами свои счёты. Но и это ещё не конец. Дождь зелени усиливается и переходит в ливень! Плачу тысячу долларов за деликатное поручение. Мне нужны снимки. Фотосессия! Чтобы всё запечатлелось в лучшем виде! За эти картинки я дам ещё премию — добавка три тысячи долларов. Что ты язык проглотил? Подсчитываешь доход? Помогаю. Если возьмёшься за дело, то прямо на месте получишь одиннадцать тысяч долларов. А если обманешь... — Пузырьков усмехнулся и нажал кнопку вызова охраны. Четверо амбалов с открытыми стволами мгновенно окружили их. — Мои ребята сами тебя и ваш наряд трахнут во все замечательные места. Сегодня купить генерала легче, чем представительницу второй древнейшей профессии. Приплачу наверх — мигом выпрут из ментовки... Ну пока, я тороплюсь... Меня ждёт история другого чувственного возбуждения.

— Русланых, пора, пора из нищеты выкарабкиваться, — картавя, взмолился сержант, выдавший себя перед тем завистливым вздохом «Ух ты...»

— Мне... нужны... свидетели, — сдавленным голосом заговорил наконец капитан. — Кто-то должен показать в протоколе под роспись, что драку начали те двое... Ведь надо будет дело заводить...

— Нет проблем. Вот, познакомься — Ник Борошенко. Он напишет всё что нужно. Он мастер доносов, едких оскорблений и клеветы. Может такое накрутить, что я сам побаиваюсь! Поэтому на особом режиме держу. День — пряник, два дня — пряник, а на третий обязательно выпорю. Мерзавцы — люди полезные в команде, но и опасные... Ник, — обратился к охраннику Андрей Антонович, — дай капитану одиннадцать тысяч долларов и проследи, чтобы всё было выполнено. Завтра положишь мне на стол фотоснимки. Я ухожу. Со мной поедет бригада из Q-7. А вы оставайтесь с капитаном. — Он с удовольствием отметил, как на лице полицейского отражается гамма противоречивых чувств.

«Пустьячок, но приятно, — ещё раз подумал Пузырьков. — Такие эпизодики и наполняют, в сущности, мою жизнь смыслом. Ведь другого ничего нет».

Он вышел на улицу, сел в тёмно-бордовый «Роллс-Ройс» и назвал адрес Алисы. Шофёр медленно покотился по Расковой. За лимузином Андрея Антоновича тронулись два чёрных Q-7 с охраной.

К нужному дому автомобиль бизнесмена подкатил беззвучно, словно подплыл. Один из сопровождавших джипов припарковался метрах в тридцати впереди. Другой на таком же расстоянии сзади. Пузырьков оставался в машине, а четверо крупных парней в чёрном уже выскочили из автомобилей и с оружием в руках заняли позиции. Такой эскорт произвёл бы сильное впечатление даже на очень влиятельных людей, а молодую женщину способен был ошеломить и лишить дара речи.

Выходя из машины, Пузырьков бросил секретарю:

— Набирай меня каждые пять минут на все симкарты. Говорить ничего не надо.

Алиса появилась в двадцать минут десятого. Она была в платье с глубоким вырезом, который прикрывала шарфом. Лицо у неё было строгое, без каких-либо признаков волнения. Голова высоко поднята, она словно не замечала элитного автомобиля и охрану.

Андрей Антонович подошёл не спеша, делая вид, что занят важным разговором по телефону. Он окинул девушку рассеянным взглядом и в знак приветствия поднял указательный палец. Между ними оставалось не больше пары метров, лица обоих были бесстрастными. Каждый явно желал набить себе цену.

Алиса заговорила первой:

— Так это вы тот богатый человек с причудами? Смущаете незнакомых людей соблазнительными предложениями? Что ж, пройдемся. Расскажите же, что именно вас интересует. Только предупреждаю: атлантическая история мне не нужна. И ни за какие деньги я не соглашусь стать вашей любовницей.

«Она на двадцать сантиметров выше меня, и это в туфлях без каблучков», — отметил мысленно Пузырьков.

— Что вы имеете в виду? — спросил он, беря её под руку. — Что за «атлантическая история»?

— Атлантическая история — это, другими словами, краткий любовный сюжет. Девушку вывозят за границу для временной забавы, потом бросают на произвол судьбы.

— Могу вас успокоить, я не ищу ни любовницу, ни компаньонку. На меня работают несколько сотен тысяч человек. Из них шестьдесят процентов женщины. В столице проституцией — хочу заметить, только скрытой, то есть не публичной — занимается более ста тысяч женщин от восемнадцати до пятидесяти лет. Интернет заполнен всевозможными предложениями. Зачем мне платить вам огромные

деньги, если цена шикарной женщины на московском рынке не превышает десяти тысяч долларов в день? Отвечаю: я ищу понимания и близости, а не просто секса.

Они медленно прогуливались по безлюдной улице. Охранники двигались на некотором отдалении. Пузырьков не видел лица Алисы, но, как ему казалось, чувствовал её лёгкое дыхание.

— Для большинства людей счастье, — говорил Пузырьков, — это состояние, сравнимое с комфортом. Для меня же это прежде всего субъективное наслаждение. Человек с богатым внутренним миром находит для себя нетривиальные формы счастья, порой мистические. Некоторые люди считают себя счастливыми, живя скромно, даже бедно, но большинство стремятся к богатству. Оно для них символ истинного счастья. У меня есть возможность фантазировать наяву, то есть оплачивать воплощение своих причудливых идей. Одна из таких идей родилась, когда я увидел вас на сцене. Нет слов, вы великолепны. Редкий мужчина при взгляде на вас не размечтается о близости с вами. Так вот, я из разряда этих редких. — Он замолчал на миг. Алиса по-прежнему никак не реагировала на его слова. — Впрочем, это вовсе не значит, что в какой-то неурочный час я не загорюсь желанием быть с вами. Всё возможно. Однако сейчас на первом месте у меня иное. — Он достал из кармана исписанную салфетку и развернул её. — Если вы запомнили, я готов повторить свои предложения. Да, мне нужны ваша память, полная доверительность, собственно, всё сознание. Вы не должны ничего утаивать — ни о прошлом, ни о настоящем. Мелочи так же интересуют меня, как и большие события. Не забывайте, всё крупное состоит из мелочей. Они-то меня всё больше интересуют. Ведь нет ничего прекраснее, чем минута восторженных чувств. Я получаю их, когда реализую свои сокровенные желания. И за это я щедро плачу.

— Это что будет — своеобразное интервью длиной в месяц? — наконец подала голос Алиса. — Где оно должно, по вашему плану, происходить? В читальном зале, в кафетерии или в А-клубе?

— Сколько часов в день вы работаете?

— В «Яре» — три дня в неделю по три часа. И три часа ежедневно тренировки.

— Значит, тридцать часов в неделю вы заняты. Восемь часов ежедневно уходит на сон. Полтора часа в день тратится на гигиену и уход за телом. Десять с половиной часов в неделю отводим на дорогу. Кстати, все мои машины оборудованы мигалками, а у водителей есть спецталоны с правом нарушений. Итого получаем сто семь часов. В моём распоряжении остаётся шестьдесят один час в неделю,

или восемь с половиной часов в день. Если вы подписываете наш контракт, то эти восемь с половиной часов в день вы должны быть в полном моем распоряжении. Скажу честнее — в моем абсолютном владении. Не знаю, впервые или нет, но у вас появится хозяин, дающий вам приказы, что делать. Всё это время вы должны, обязаны во всём угождать мне. Непослушание исключено. У вас не будет права сказать «Этого я не могу сделать» или «Этого я не хочу». Но за вами сохраняется право выставить мне счета. И если я их не оплачу, вы можете отказаться от моих приказов. Напомню, что за каждую просьбу я плачу вам от трёх тысяч долларов — за незначительное задание — и до десяти тысяч долларов — за более сложное. Через месяц мы расстанемся. А на ваш счёт ляжет круглая сумма. Её смело можно назвать солидным капиталом. Что помешает вам принять моё предложение? Конечно, тщеславие, побуждающее вас к другому, более независимому, чистому (это слово я взял бы в кавычки) успеху. Успеху без жертвенности, без унижения. Вы думаете, я не унижаю себя, зарабатывая деньги? Или другие, обеспечивающие свою комфортную жизнь, не приносят в жертву своё самолюбие? Волю? А те, кто требует жертвенности, тоже, в свою очередь, не продают себя более могущественным силам? У вас, прелестная Алиса, наивное представление о мире. То, что человек мечтает создать вокруг себя, то, чего он хочет достичь в процессе собственного самоутверждения, — исключительно его личное дело. И он должен игнорировать всех и плевать на комментарии, говорящие о том, как искажённо его успех отражается в головах публики. Когда у вас есть капитал, общество готово простить многое, даже то, что вы ещё не делали. Так что раздумье — пользоваться или нет предложением разбогатеть, сделать состояние любой ценой — это удел слабых. Да и вообще воля необходима человеку, чтобы пренебрегать предрассудками. Только она может стать заслоном между собственными интересами и мнением разношёрстной черни, как говорили в старину. Поэтому интеллектуальная и властная элита не придаёт никакого значения ни многоголосою хуле, ни восторженным панегирикам.

Он взглянул снизу вверх на Алису и отметил, что девушка внимательно слушает его. После чего вновь заговорил:

— Думаете, я не шёл против своей воли, не смирял тщеславие, создавая капитал? Не сглатывал горькую слюну обиды, когда меня выставляли за дверь высокого чиновника, от которого зависело развитие бизнеса? Увы, сотни раз! Меня выгоняли из приёмной, а я старался проникнуть к ответственным персонам через балкон, через окно, через форточку! Я бросался под их автомобили, симулируя травму,

рискуя подвергнуться новому унижению. Стремясь к своей цели, я забывал о такой ценности, как собственное достоинство. Становился безликим субъектом, человеком без знаний (они могли навредить), без воли (она могла насторожить собеседника, оборвать тонкую нить намечающегося понимания). Приходилось — и тем чаще, тем ближе я был к успеху — прикидываться дурачком, чайником, бесхарактерным кретином. И всегда мимикрия к внешней среде сопровождалась предельной внутренней концентрацией. Я молниеносно проигрывал в сознании десятки ситуационных сценариев и выбирал лучший, потому что отлично знаю ментальность нашего воспитанного перестройкой чиновника. Особое удовольствие он получает от общения с придурками. Неописуемый восторг вызывает у такого временщика возможность сломить волю собеседника. Я приучил себя наслаждаться оскорблениями, сознавая, что через аппаратные тернии пробьюсь к звёздам — получу доступ к ресурсам, которые дадут мне вначале небольшие средства, потом солидный доход, потом капиталец, а затем и настоящее состояние. Ныне фокус моего внимания переместился в Кремль. Кабинетов, куда предстоит попасть, стало меньше, но эффективность визитов возросла в десятки раз. Роль дурачка я продолжаю играть с немалым искусством. Итак, милая Алиса, я был с вами откровенен. Теперь ваша очередь. Решайте: или мы немедленно едем ко мне в Барвиху, или расстаёмся. Ваше счастье, что я обратил на вас внимание. Не разочаровывайте меня мелкими вопросами. Главное правило в жизни: никогда не доверяйте движениям души, а положитесь на разум. Человек в России перестал быть художником, он укоренился в потребительстве.

Алиса молча кивнула в знак согласия.

— Мне надо собраться. На это уйдёт минут тридцать. Подождёте? — Она говорила немного охрипшим голосом, хотя лицо её оставалось спокойным.

«Неплохая выдумка — купить память, — похвалил себя Пузырьков. — На эту уловку может клонуть каждая. Эту наживку человек ждёт сам, чтобы красиво сломаться».

— Конечно! — бодро заявил Андрей Антонович.

Он знал, что нет силы, способной противостоять его аргументам. Про себя же подумал: «Итак, ещё один трофей в охоте на человека. Мечтаю наконец встретить упорное сопротивление, но пока одерживаю победы. Неужели такой случай когда-нибудь всё же представится?»

— А как насчёт контракта? — немного помявшись, спросила Алиса. — Будем подписывать? Или довериться вашему слову?

— Контракт есть. Можем у меня подписать. Есть и моё слово, которое я никогда не нарушаю. А триста тысяч долларов за месяц вперёд готов дать вам немедленно. Но куда вы их денете? Это трудный вопрос для начинающих. Впрочем, у вас есть банковский счёт, депозит?

— Пока нет.

— Предлагаю разместить деньги на депозите под десять процентов годовых в банке первого класса. Это даст вам тридцать тысяч долларов в год. Проценты можно снимать ежемесячно. Но сегодня уже всё закрыто. Подойдём к машине — я дам вам первый гонорар. Предлагаю взять сумму в рублях по текущему курсу. Если в Персидском заливе разразится война, рубль укрепитесь на десять, а то и на пятнадцать процентов. Сегодня доллар равен тридцати двум рублям. Итак, вы получите девять миллионов шестьсот тысяч рублей. Готовить?

— Пока не надо. Завтра.

— А вещей вам брать не стоит. У меня есть всё, что вам может понадобиться. Если чего-то не хватит, составим список, к утру привезут. Ну что, поехали?

— Поехали! — глухо отозвалась Алиса.

«Противный тип, — думала она. — Пока не знаю, как ему отказать, если начнёт приставать. Ведь он о покупке памяти говорил. А может, уступить, чёрт с ним? Ведь деньги обещает чумовые — за исполнение любой просьбы ещё отдельно платить вызвался. Зажмурюсь, буду считать до ста, двухсот... А если он к губам потянется... Брр! Не скажешь, что в губы целовать нельзя. Миллион потерять можно. Скажу, чтобы называл меня Варварой. Со сценическим именем Алиса мне ещё долго жить. А Варвару после месяца общения с ним, когда он будет полный мой владелец и сможет позволять себе что угодно, легче из памяти вычеркнуть. Так и надо сделать. Варвара так Варвара! И отречься на время от собственного имени — Наталья Буйнова».

— Алиса, хотите сесть за руль? Это не просьба, а предложение. Как вы понимаете, есть разница, — усмехнулся Пузырьков.

— Алиса — моё сценическое имя. Называйте меня Варварой. А за руль я не сяду. У меня и прав нет.

— Понял, — кивнул Пузырьков.

Машина тронулась с места.

Пять гектаров барвихинской земли, на которой стоял особняк Пузырькова, были обнесены каменной оградой. За ажурными коваными воротами расстилались малахитовые газоны. Из них, словно праздничные свечи, поднимались громадные канадские клёны с бордовыми узорными листьями. Не успела гостя толком рассмотреть

величественный фасад, как оказалась в гостинной. Зал утопал в роскоши, при этом во всём было соблюдено чувство меры.

— Располагайтесь, — сказал Андрей Антонович. — Вино, кофе, чай? Может, чего-нибудь перекусить? Вот колокольчик. Если позвоните, придёт прислуга. Скажите, чтобы ужин накрыли в моих апартаментах. Теперь я оставляю вас на пару минут. — Он подошёл к дверям, затем вернулся: — Жить будете на моей половине.

Оставшись одна, Варвара забралась с ногами в синее бархатное кресло. Со смешанным чувством она оглядывала интерьер, в котором так внезапно очутилась. Это был какой-то мистический романс камня, металла, дерева и тканей. Вся прежняя жизнь казалась ей ничтожной, в душе закипала досада и зависть. «Богачи проклятые! — думала она. — Неужели всё это можно нажить к тридцати годам?» Встреча с роскошью вызвала у неё некий комплекс неполноценности. Молодая женщина всё глубже принимала наказание — разочарование собственной жизнью. От потрясений этого вечера она вдруг впала в забытие. Ей померещилось, что она давно живёт здесь — среди колонн из светлого мрамора, светильников богемского стекла, строгой английской мебели, персидских ковров и китайского фарфора...

В гостиную бесшумно вошёл Пузырьков. Он переоделся в спортивный костюм, который ещё больше выдавал его неказистость. У человека несведущего этот богач мог вызвать жалость и неприязнь.

— Освоились? Вам тоже лучше переодеться. В гардеробной есть одежда для дома и отдыха.

— Спасибо. Это просьба? Во сколько её оцениваете? — набравшись храбрости, пошутила Варвара.

— Это совет. Но если хотите открыть счёт, запишите три тысячи долларов, — усмехнулся Андрей Антонович.

— На Расковой вы такие скромные цифры не называли, — потупив взгляд, заметила молодая женщина.

— Три тысячи долларов — скромная цифра? Вы делаете успехи. У вас открываются предпринимательские способности, — похвалил девушку хозяин дома. — Заведите тетрадку и заносите под мою роспись все обещанные гонорары, чтобы через месяц не было споров. Мой бухгалтер подведёт баланс.

— Вы говорили, что у вас в гардеробной есть одежда на разные случаи, — сменила тему Варвара.

— Там целый магазин, взгляните. Но вещи можно брать только для себя. Понёсите в течение месяца, а если захотите, заберёте с собой. Смелее.

— Душ принять можно?

— Варвара, вы у себя в доме! Пользуйтесь всем без стеснения.

Через двадцать минут молодая женщина зашла к Пузырькову в спальню. На ней было лёгкое платье песочного цвета. Грудь едва прикрывал шёлковый платок. Олигарх лежал на широченном диване и листал русско-английский словарь. Мельком взглянув на Варвару, подумал: «Похоже, приготовилась к интиму. Но до этого ещё далеко...»

Варвара нерешительно присела на край дивана.

— У вас характер не боязливый? Вы не трусиха? — заговорил первым Пузырьков.

— Хм... Не знаю. А что, желаете напугать?

— Думаю, с чего начать... Пожалуй, с простых заданий. Как повашему, можно ли считать отбытие наказания искуплением греха? И ещё: приходилось ли вам нарушать закон самым грубым образом? Вы не на допросе, не торопитесь, подумайте. Поройтесь в памяти — по договорённости, она принадлежит мне. — Её хозяин демонстрировал полнейшую серьёзность.

— О каком грехе вы говорите? — неуверенно спросила Варвара. — Что вас интересует? Уголовный кодекс? Или не нарушала ли я десять заповедей?

— Я далёк от религии.

— Больших грехов я не припоминаю. Мне даже сам кодекс, прощу прощения, толком не известен.

— В моём сознании, — медленно произнёс Пузырьков, — нередко возникает образ раскалённого солнечного шара. А на горизонте я при этом вижу огромный щит с надписью: «Я слежу за проявлением твоей совести». Что вы думаете по этому поводу? Откуда такие видения?

«Просьбы нужны! Мне блокнот надо заполнять, счёт наполнять, а не на дурацкие вопросы отвечать», — пронеслось в голове у Варвары. Но она ничем не выдала своего недовольства.

— Андрей Антонович, такого рода вопросы ставят меня в тупик. Я не психиатр. Спросите о чём-нибудь другом.

— Напоминаю, вы взяли на себя обязательство называть меня не по имени, а исключительно со словами: «Господин патрон всего моего существа». Прошу не забывать. На вашу просьбу отвечу: вы у меня в распоряжении двести сорок четыре часа, — сказал Андрей Антонович. — Так что не прибегайте к уловкам. После вашего искреннего ответа на мой вопрос я хочу сам порыться в вашей памяти. И тут-то мне надо понять, готовы ли вы принять наказание, если я найду в вашем прошлом преступления, пусть и не перед законом. Я имею в виду нарушение нравственных норм и поведенческих стандартов. Цель моя

при этом — разобраться, характерно ли то, что я сам пережил, для всего человеческого рода, то есть типично ли оно для гомо сапиенс. Или я оказался тем редким типом, который сдуру пошёл на поводу у российских чиновников, исполняя их извращённые требования и преследуя свою главнейшую цель — во всём угождать бюрократу, чтобы продвинуть бизнес и заработать огромные деньги. Я купил вашу память, так сказать, паушально, то есть всю. Но за откровенный ответ вы получите дополнительные пять тысяч долларов.

— В моей биографии нет ничего, что бы вас заинтересовало, — осторожно возразила Варвара. — Девственность я потеряла после школьного новогоднего бала, ученицей одиннадцатого класса смоленской школы. Училась я неплохо. Троек у меня не было, при этом я не списывала. Поступила без блата в цирковое училище. Взятки за отметки никому не давала. Проституцией не занималась. У меня было всего четверо мужчин. С нимфоманками я не встречалась и никогда не стремилась к этому. В близости я придерживаюсь классики. Один из партнёров настаивал на анальном сексе. Я категорически отказалась и больше с ним не встречалась. В ресторане я каждый вечер получаю записки — приглашения заниматься любовью. Больше пяти тысяч долларов за ночь никто не предлагал. Хозяин требует, чтобы я шла навстречу гостям. Есть негласная установка: надо стремиться всеми силами, чтобы посетитель оставался в ресторане, а не уходил в другой. Только я никогда не соглашалась на эти игрища. В чём же я грешна? Подумаю. Может быть, в том, что не вышла на Болотную площадь? Хотелось было, но побоялась. Владелец «Яра» — член Этой партии. Мой единственный доход — работа в ресторане. А он может так ослабить, что больше никуда не возьмут. Кадровики за всеми следят. Наверное, малодушие можно считать грехом. Но если представить все обстоятельства моей жизни, то доброе сердце меня не осудит. Сегодня честный человек в России так зависим и бесправен, что понятно, почему он не решается участвовать в публичных протестах. Да, сразу не догадалась! Страшный мой грех — что приняла ваши соблазнительные предложения. Тут, конечно, грешна! Грешна! Грешна! И, надеюсь, один грех можно отмолить!

— Таким же чистосердечным и юным я начинал свой путь в бизнесе. Уже в пятнадцать лет я в каникулы прислуживал в ресторанах известного Тимофеева. Кланялся ниже пояса, чтобы получить чаевые. Путь от монет до денежных знаков занял у меня восемнадцать лет. Своей чистотой вы мне и понравились. Но не скрою, моя задача — совратить вас морально. Я не борюсь с унынием, лишь пытаюсь оправдать себя в прошлом. Помню первое задание, которое я получил

когда-то от крупного чиновника агропромышленного министерства за контракт на поставку калиевых удобрений в Н-ую область. Помимо отката он потребовал, чтобы я голышом сел на пивную бутылку и просидел так десять минут. Если бы бутылка вошла ко мне в анус, я бы не получил весьма желанный заказ. Тем самым он хотел приучить меня выполнять любую его прихоть, любое условие, каким бы невероятным оно ни было. Итак, запишите в блокнот: плачу десять тысяч долларов, если пройдёте аналогичное испытание. Не пройдёте — останетесь при своих. И мне, как сейчас говорят, по-фиолетовому, получится у вас или нет. Заходите в ванную, там всё готово. Камеры за вами следят. Позже, просматривая видеозаписи, я буду видеть ваше страдальческое выражение лица, судороги напрягшегося тела и вспоминать себя. Тяжела дорога в российское предпринимательство. — Его лицо потемнело. — Там надо забыть о чистоте нравов и помыслов.

— У вас получилось? Тогда? — испытующе взглянула на него Варвара.

— Идите в ванную!..

Через две минуты из ванной комнаты послышался крик и звон. Потом раздались громкие стоны и вздохи. Пузырьков взглянул на экран. Варвара лежала на полу с искажённым от боли лицом. «А у меня тоже тогда ничего не получилось», — подумал Андрей Антонович.

Вскоре Варвара вышла. Лицо её было спокойным.

— Всё! Больше к этому не возвращаемся, — пообещал он. — Следующее задание также оценивается в десять тысяч долларов. Лет семь-восемь назад мне пришлось через него пройти по капризу одного высокого чина из Министерства экономики. «Ты протрёшь мне лицо и шею оливковым маслом, — велел он, — потом нанесёшь на него толстый слой ядрёной горчицы и начнёшь слизывать, пока кожа не станет чистой. Хочу, — добавил этот гад, — приучить тебя постоянно облизывать меня. И при этом получать удовольствие». Вот так, Варвара.

— А это не вредно? — засомневалась молодая женщина. — Получишь десять тысяч долларов, а на лечение уйдут миллионы. Сколько надо иметь силы воли, чтобы преодолеть брезгливость!

— Вы правы. Но, во-первых, масло несколько смягчит остроту горчицы. Кроме того, разрешаю вам выпить стакан соды, чтобы избежать ожога внутренних органов. — Он вспомнил: «А я тогда несколько месяцев лечил желудок и поджелудочную железу. Правда, с помощью того чинуши заработал пару десятков миллионов долларов... А этой девице предлагаю лишь десять тысяч! Сволочь ты, Пузырьков.

Но она сама на деньги польстилась, впрочем, как и я в тот давнишний день... Бизнес есть бизнес. Воспроизвести прошлое должно стоить дешевле». Вслух он добавил: — Так меня приучали к пониманию: административный ресурс может потребовать все, потому что даёт всегда больше, чем берёт!»

— Если будет немота, откажусь от этого задания, — произнесла Варвара убито.

— У нас демократия: каждый вправе сказать «да» или «нет». Я предупреждал, что испытание деньгами — непростая штука. Начинаем?

— Попробуем. — «Надо побольше заработать, чтобы убраться из России, — подбодрила Варвара сама себя. — Облизывать этого мерзавца... Брр! Тернист путь к цели, мама...»

И вот уже, высунув кончик языка и умирая от брезгливости, она пытается слизать горчичный слой с шеи Пузырькова. Во рту горько и отвратительно. Помимо горчичного и уксусного запаха, она чувствует его пот. В глазах стоит цифра с шестью нулями — миллион долларов. Этот миллион словно гипнотизирует Варвару. Слизывая горчицу с пузырьковского носа и щёк, она встречается с ним взглядом. Ей показалось, что её мучитель испытывает восторг от происходящего. Она справилась и на миг перевела дух.

После этого были новые прихоти, такие мерзкие и шокирующие, что их невозможно описать. Далеко не каждый из читателей знает такие слова, как фельчинг, йогорема ситаги, танатофилия, за которыми скрываются новейшие извращения.

Андрей Антонович был доволен. В очередной раз он убедился, что человек слаб, низок, малодушен и продажен. Так что себя корить совершенно незачем.

...Через месяц Варвара, она же Алиса, она же Наталья Буйнова, иммигрировала в Канаду. Её следы полностью затерялись.

А Пузырьков в первый свободный день отправился на бега. Там он решил выбрать очередную жертву — какого-нибудь парня лет тридцати атлетического сложения. Мужчинам, с которыми он развлекался, предлагались более скромные суммы. И он ещё не встречал среди них несговорчивых. Потребность вновь и вновь подвергать людей испытаниям и проверять их способность к сопротивлению самому дикому и унижительному обращению стала истинной страстью Андрея Антоновича. Ему казалось, что понять национальную ментальность можно, лишь разгадав и изучив не особенности души, а своеобразие русской воли и секрет долготерпения.

16

Попрощавшись с братом, Антон Антонович возвратился к Головиной. Нервное напряжение, которым он был охвачен в момент схватки с бандитами, сменилось усталостью. Но при встрече с Евгенией он ощутил новый приток энергии. В душе его росло желание помочь молодой женщине.

— Это был ваш брат-близнец? — осторожно, опять переходя на «вы», поинтересовалась Головина. — Вы так похожи! Правда, только внешне. Он ведь у вас олигарх...

Пузырьков не хотел касаться тем, связанных с братом, поэтому тут же перевёл разговор на другое:

— Думаю, через час-два появится ваша партнёрша. Полицейские найдут её и освободят. У вас есть условленное место встречи?

— Вокзал. Другого места ни я, ни она не знаем. Поезда Ярославской дороги — место наших выступлений. В городе мы никогда не были. Москва — сущий муравейник. Мне, провинциалке, здесь страшновато... — Она умолкла и опустила глаза. Казалось, ей трудно было побороть смущение.

— Предлагаю пойти перекусить, — улыбнулся Антон Антонович. — Хочу угостить вас столичными изысками. Для бодрости и сам выпью пару чашек кофе. А потом вернёмся на вокзал. Бог даст, ваша аккордеонистка уже будет на воле. Какую кухню предпочитаете?

— Не смешите... — укоризненно посмотрела на него Головина. — Моя «кухня» — дешёвые пирожки, хлеб с сыром, кефир и вода. Иногда банан или яблоко.

— Ну, тогда вперёд. Поблизости найдём что-нибудь подходящее. Думаю, начнём с итальянского ресторана. — Он бережно взял молодую женщину под руку, и они вышли на площадь Трёх вокзалов.

Вокруг кипела, бурлила и гудела столичная жизнь.

Скоро они нашли уютный ресторанчик. Зал с репродукциями картин известных итальянских живописцев утопал в искусственной зелени. Оранжевый цвет стен создавал ощущение жаркого лета.

Мебель с античными мотивами должна была, вероятно, напоминать о царственных пирах древних римлян.

Когда они заняли столик в оконном проёме, Антон Антонович посоветовал Евгении морское меню — омаров, королевских креветок и устриц. К ним предложил стакан пьемонтского вина. Она кивала головой и с восторгом приговаривала, как ребёнок: «Ой! Да! Да! Да! Как здорово! Замечательно! Даже не верится!»

Себе он взял кофе и порцию пиццы.

Обед проходил почти молча. Головина время от времени бросала на спутника лучистый благодарный взгляд, выражая своё восхищение. Для неё чудеса множились поминутно. Молодой человек тем временем впадал в обычную меланхолию. Ему, как наркоману, не хватало ощущения угрозы агрессивного насилия — того, чего он постоянно ждал и искал. Такого человека, как он, дружба смущала не меньше, чем вражда. Оба эти явления ему были так же вредны, как сырость и слякоть гриппозному больному.

«Хорошо, но в меру! А мера у меня мизерная, — подумал он. — Переноса истязания, я испытываю острое чувство познания окружающего мира. А наблюдать за человеком, с восторгом уплетающим креветки, можно не более десяти минут. Я уже давно покончил с интересом к чему-либо, что связано с тихой, спокойной, порядочной жизнью. Когда я не получаю желанных оскорблений извне, то сам обрушиваю на себя унижительные проклятия. И неплохо получается! Я преотлично научился наблюдать за самим собой взглядом постороннего. И не хочу исцеляться, не желаю увлечься чем-то другим. Мой мир, моя страсть, мои искусства мне нравятся! Я облюбовал их всем сердцем, соприкоснувшись с российской действительностью. А она всё больше убеждает меня, что это моё болезненно-восторженное состояние быстро становится массовым явлением, чем-то вроде пандемии. Удивляться тут нечему — охватившее наших людей чувство потерянности ничем другим обернуться не может. Я-то сам из трусости спрятался в насилие над собой. Вначале безуспешно воспитывал в себе мужество, а затем уже осознал, что другой судьбы у русского человека и быть не должно. Ведь мы всегда упиваемся насилием — над собственной персоной или над кем-то другим, но обязательно соотечественником. С унижением мы свыклись, как с плохой погодой. Какая-то чёрная иррациональная тяга к нему таится у нас в сердце. Очевидно, она овладела мной с ранней молодости — потребность быть и чувствовать себя постоянно оскорблённым. И это не от ненависти к миру, это проекция современной национальной ментальности. Русский человек ищет себя в разгадках своей истории...»

— Какие у нас дальнейшие планы? — нерешительно спросила Головина. Глаза её после сытного обеда блестели, щеки зарумянились. — Вы говорили, что мы вернёмся на вокзал. Вдруг появится Галина...

— Пожалуйста! — очнулся Антон Антонович. — Я действительно надеюсь, что её выпустят. А вы что собираетесь делать? Помню, в Вельске вы мечтали о научных исследованиях. Что-то о проблемах управления воздушными массами и использования солнечной энергии, хотели посвятить себя изучению солнца, использованию его природного феномена. Неужели с этим покончено?

— Эх, Антон, с таким родственником, как у вас, я бы и минуты не оставалась на вокзалах и в поездах, — неожиданно резко заявила она. — Не собираюсь распускать слюни, но как и на что жить? В научных центрах деньги не платят. Так, мелочь, на автобус и хлеб, может, и хватит. И этого мне было бы достаточно. Но где жить? На что снять хотя бы комнатку или угол? Опять на панель? Так что оставьте эту тему, наука для меня несбыточная мечта.

Наступила пауза. Затем Пузырьков достал из сумки свёрток, вытащил из него несколько купюр, а пачку протянул Евгении.

— Здесь чуть меньше трёх миллионов рублей, — пояснил он. — Возьмите! Возьмите! Нет необходимости меня благодарить, я это делаю не для того, чтобы потешить своё самолюбие, а ради справедливости. Они вам нужнее, чем мне. Их вам хватит на год или даже на два для обустройства в Москве. Снимете комнату, найдёте работу по специальности. Может, ещё и открытие научное сделаете. И вспомните о нашем знакомстве. Впрочем, пожалуй, лучше об этом вообще забыть. Пусть случайный встречный полностью исчезнет из вашей памяти. А я отправлюсь дальше. Признаюсь вам: я получаю наслаждение исключительно при потворстве капризам собственного сознания. Желание составлять сценарий своей жизни сейчас особенно распалось. Мне нужна сцена, и я намерен её соорудить. Прощайте, у меня возникли любопытные мысли. Надо спешить.

— Такие... огромные деньги... — растерялась Головина. — Как я могу их взять? Под расписку? А если не смогу вернуть? Совесть меня замучает. — Болезненное замешательство отразилось на её побледневшем лице.

Антон Антонович уже не слышал её. Он вышел из ресторана и заторопился к Садовому кольцу. Молодая женщина кинулась за ним, но господин Ч. ускорил шаг и не обернулся.

«Итак, где я найду своё место развлечений? Своё поле чудес? — продолжал размышлять Антон Антонович. — Лучшая площадка для

пузырьковских экспериментов — Д...ский рынок. Почему именно он? Где ещё собрано столько гастарбайтеров, которых пинают все, кому захочется? Да, такие желания возникают у многих. На узбека или таджика я никак не похож. Зато не уступлю им в социальном статусе — стану шестёркой, уборщиком, «поди подай». Так что перевоплощусь-ка я в азиата, смешаюсь с нелегалами и обеспечу себе уйму сладчайших унижений. На кредитных карточках деньги у меня есть, наличка тоже осталась. Так что приобрести разную мишуру не составит проблем. Антон Пузырьков всегда ищет счастье в двух противоположных ощущениях — внутреннего величия и собственного убожества по оценке его среды обитания. Это обогащает воображение, и вымышленный мир становится реальностью. Но это не шаловливые игры с драматической символикой, это моё выстраданное мировоззрение».

Молодой человек дошёл до института Склифосовского, остановился, пошарил в карманах и, убедившись, что мелких денег на транспорт нет, двинулся дальше. Мысли сбились, что-то важное в них ускользнуло. Он поморщил лоб, потряс головой, стараясь восстановить логику рассуждений, но тщетно. Сознание словно погасло. Только когда он миновал Театр Сатиры, память обрела ясность.

«Почему бы не поискать пластического хирурга, способного вылепить из меня настоящего узбека? — осенила его неожиданная идея. — Став азиатом, я облегчу себе путь к цели. Встречный люд постарается меня пнуть, оскорбить словом, натравить на меня ментов, а то и собак, плюнуть мне под ноги... О кайф! О счастье! Отличный ход! Я подарю своему сознанию его приоритеты — быть оскорблённым. Ведь чем больше обогащаю я себя этими чувствами, тем меньше границ моему счастливому состоянию. Для кого-то физические и душевные муки, ссадины и раны, следы пудовых кулаков на теле — жуть беспросветная, а для меня это великое блаженство. Примерив чужую этническую маску, я вызову на себя шквал грязного насилия. Именно этого требует мой здравый, а не больной рассудок. — Он резко остановился, обхватив голову, обрадовавшись новой мысли: — Да! Необходимо срочно найти хирурга! Стать типичным узбеком. Ведь то, к чему я стремлюсь, не должно становиться типичным для всех. Оно моё, оно для меня одного, и мне совершенно наплевать, как его оценивают и комментируют другие. Как же выглядит узбек? Как описать его врачу? У них чёрные волосы, а у меня они русые. Это просто — надо выкраситься. Глаза... У азиатов глаза тёмные, а у меня они светло-зелёные. Тут тоже несложно — надо купить цветные линзы. Кожа... У меня она бледная, а у них — смуглая. Как это изменить? Без понятия! Можно положиться на врачей, они подскажут. Нос у азиатов плоский, небольшой — и у меня он невелик. То есть стать

узбеком совсем нетрудно. Разница небольшая. А, кстати, почему наш русский человек так нетерпим к азиатам? Не такие уж мы разные, да и говорят многие из узбеков на одном с нами языке. Неужели такие незначительные различия во внешнем виде могут вызвать столько агрессии и ненависти? Что, этнические различия так сильно влияют на восприятие себе подобных, вызывают крайнюю злобу, побуждают к насилию? Для меня унижение, которому подвергаются в России азиаты, непонятно. Может быть, эта ненависть затаилась ещё со времен покорения Туркестана?»

Задумавшись, Пузырьков чуть не сбил с ног прохожего, но не заметил этого. «Или всё это на уровне инстинкта? — продолжал размышлять он. — А он сильнее сознания. Случаи публичного унижения азиатов многократны, но никто — ни интеллектуалы, ни газеты, ни госучреждения — не чувствует себя по-настоящему задетым происходящим. У каждого из моих соотечественников в избытке хороших качеств, у них не утрачено желание творить добрые дела. Неужели тяга к насилию перевешивает? Никак иначе отношение к гастарбайтерам не объяснишь. Мудрая природа не позволила бы развить в массах такие низменные инстинкты, как отвращение к смуглолицым и узкоглазым. Допускаю, что кто-то не терпит их, но чтобы все сразу? Не верится. Каждый человек плох и хорош по-своему. А наш этнос почти весь поражён одним и тем же пороком — мы питаем вражду к ближним иноплеменникам! Жаль! Однако надо этим воспользоваться. Не скажу, что могу рассчитывать на понимание моих земляков и близких. Мои игры разума представятся им метафизическим вывертом. Но любое альтернативное мнение мне не важно. Если я решил, заднего хода не будет. Истина чаще является неожиданно, и не в исследовательских лабораториях, а в образах, порождённых болезненным сознанием. Помимо изменения внешнего вида надо придумать имя. Буду не Антоном, а, например, Ахмедом или Ибрагимом. А может быть, Абдуллой? Или Сафаром? Что лучше для раздражения русского незнакомца? Хочу, чтобы, услышав имя Ибрагим, он тут же вскипел, захотел обматерить, высмеять, дать затрещину по моей узбекской физиономии. Решено: назовусь Абдуллой. Ха-ха, маленький спорный вопросик. И я не гнушаюсь его в возбуждённом состоянии смаковать, потому что это доставляет мне череду счастливых ощущений. Есть повод к внутренней дискуссии, к препирательству с самим собой, к борьбе мнений, что мне ужасно нравится. Ведь я способен вести спор исключительно с одним оппонентом — Антоном Пузырьковым. А я чувствую себя счастливецом и совершенно не нуждаюсь во внешних контактах. Мой мир самодостаточен и в поисках чего-то вне себя не нуждается. Чужое нужно мне только как поделочный, так сказать, декоративный материал. Таково

уж моё предназначение — думать о вещах и чувствах, которые никого не интересуют и никому никакой пользы не приносят. Ну и пусть! Если я так замечательно чувствую себя в своём герметичном мирке, глупо искать себя где-либо ещё. Поэтому я отличаюсь постоянством. Проникаюсь мыслью, что во мне может доминировать только страстное желание надругательства над собственной личностью. Кроме Пузырькова, я никого не собираюсь улаживать. А справедливые отношения с самим собой я строю, опираясь лишь на свои пристрастия. Антон Пузырьков нечувствителен ко всему, что происходит вокруг. Он видит и слышит исключительно самого себя, упивается своими странными страстями. Эта особенность растёт и растёт и, думаю, скоро превратится в настоящую манию. Или уже превратилась. Я, видимо, совершенно не похож на своих соотечественников. Если они больше заняты производством капитала, чем возмужанием духа, если основная линия жизни связана с потреблением, удовлетворением непомерного тщеславия, то меня влечёт совсем иное. Я всё больше и больше нуждаюсь в общении с самим собой. И моё миропонимание не подлежит никакой ревизии!»

Тут он перевёл дух и остановился. Д...ский рынок был уже рядом. «К хирургу сегодня уже не успею, — поменял планы Пузырьков. — На преобразование уйдёт месяц, а то и все два. Займусь пластикой как-нибудь позже. Идея превосходная. А теперь зайду с другого конца. Невзрачного, убогого, корявого русского узбекам, видимо, тоже захочется пнуть».

Огромный торговый зал был наполнен шумом голосов, запахами восточных пряностей, свежей зелени, рыбы и мяса. За прилавками стояли в основном услужливые азиаты, а покупателями были, как правило, заносчивые москвичи с тугими кошельками. Повсюду велись напряжённые дискуссии о цене и скидках, качестве товаров и странах их происхождения. Вступая в контакт, продавцы зазывно улыбались, а покупатели хмурились. Затем они словно менялись ролями. На рынке свои законы. Людская масса, толчея напугали Пузырькова. «Вдруг никто меня не заметит? — огорчился он. — Не желает дать по шее или обругать?»

Он стал медленно прохаживаться между рядами богатейшего продуктового рынка столицы. Мимо проносились лакеи-азиаты, несущие в обеих руках объёмные покупки богачей. Этим подручных отличало восторженное преклонение перед сильными мира сего. Казалось, они лучились счастьем оттого, что прислуживают солидной публике. Лощёных мужчин, снисходительно поглядывающих на окружающих, и разодетых, горделивых дам, чьи томные подведённые глаза сверкали не меньше, чем бриллиантовые украшения, сопровож-

ждали вооружённые бритоголовые охранники с людоедским оскалом. Бизнес здесь был представлен в своём классическом варианте: самые экзотичные пожелания потребителя выполнялись качественно, быстро и давали достойный доход. Мелкие деньги в обращении не участвовали.

Рассматривая продукты, выложенные затейливыми узорами, молодой человек поймал себя на мысли, что этот рынок способен удовлетворить самый нетрадиционный вкус. «Д...ский базар не место для такого аскета, как я. Но я не за этим тут и появился. Мне бы кого-нибудь зацепить, чтобы разгулялись творческие фантазии. Скучно! Вторая половина дня, а я всё маюсь без удовольствий. А я ведь русский и хочу им остаться».

Он болтался без результата уже больше часа, пока наконец не наткнулся на молодого парня с тяжёлыми сумками. От столкновения парень выронил ношу. Из одного пакета на грязный пол выпали большие куски баранины. Из другой сумки выкатились свежая хурма, гранаты. Носильщик закричал как резаный. Он тут же получил несколько подзатыльников от хозяина — это был мужчина с жидкой косичкой, увешанный бусами и браслетами. С возмущённым видом он крикнул:

— Такой товар я домой не понесу. Понял? Иди отмой всё или верни мне деньги. Такой товар мне не нужен! А ты, убогий, — обратился он с брезгливой гримасой к Пузырькову, — пошёл помогать. И не просто грязь размазывай, а мой продукты самым тщательным образом... Даже лучше, чем это делает стиральная машина. — Он хмыкнул. — Иначе душу выпотрошу...

Азиат дал Антону Антоновичу сильный пинок, сплюнул и, злобно скалясь, зашипел:

— Сабирай прадукты. Пашли за мной, сволочь. Ти ва всом винават. Шайтан.

Замирая от счастливого предвкушения, Пузырьков подхватил свёртки и, сгибаясь под их тяжестью, последовал за смуглолицым. Только одна забота занимала его сейчас — как извлечь максимум удовольствия из счастливого мелкого происшествия. Какой-то таинственный голос подсказывал, что место и время он выбрал верное. Именно здесь и сейчас он даст своим страстям разгуляться. Глаза его вспыхнули, шаг стал твёрдым, вера, что он нашёл свою бичевальню, окрепла. Он едва сдерживал нетерпение.

Вскоре он очутился на мойке. Здесь прихорашивали товар, наводили глянец на все, что шло на прилавок. Появление чудака «славянской внешности» вызвало у завсегдатаев явное замешательство.

Нелегалы насторожились. «Намучин ол барик челди?»¹ — настороженно спросил смуглый коренастый человек, видимо, начальник мочечного цеха. Азиат, приволокший Пузырькова, объяснил: «Ол мэни йере екты. Продукталарым хапай ере докульди. Ходжаин ислиди пулыны изине гайтарип алманы. Яда болмаса продукталырыны арассалап олманы»². — «Гой арассап аусым. Бутайда руслара ер ек. Булары миграция хадимлери гарашмаги мумтин. Биз олари бильяс. Без озимис ювяс сенден учус рубли. Инди гайтип руслары детерме»³. После этих переговоров начальник рыночных нелегалов решительно обратился к Антону Антоновичу:

— Слушай, ухади, сдес работа идет. Ухади, пращу, ухади другой места!

Вступать в диалог Пузырьков не видел никакого смысла. Убитый сорвавшимся планом, он двинулся прочь в слабой надежде ввязаться в более перспективную заварушку. Впрочем, коридоры были почти пусты. Редкие азиаты сновали между проволочными контейнерами с картофелем, свёклой, морковью, капустой. В отчаянии Пузырьков наконец забрёл в разделочный цех. В первом ряду на медных крючьях конвейера висели говяжьи туши. Второй ряд был отведён свинине, третий — баранине. На длинном металлическом столе лежало неразделанное мясо, рядом с ним — огромные ножи. Обвальщиков не было видно. Антон Антонович ещё никогда не наблюдал за распиловкой туш на подвое. Он невольно содрогнулся, но не от ужаса, а от мощного прилива адреналина. Пузырьков двинулся вперёд. Через несколько шагов он увидел средних лет азиата в заляпанном кровью фартуке и грязном колпаке. Мясник сдирал шкуру с бычка, висящего на крюках. Руки двигались по туше мастерски и точно, словно то был ваятель перед своим творением. Пузырьков засмотрелся, зачарованный зрелищем. «Вот как это происходит...» В этот момент он услышал сухие щелчки из соседнего помещения. «А это ещё что?»

Он дошёл до двери и толкнул её — она вела в огромный зал, разделённый на несколько отсеков. Здесь было грязно, от нестерпимой вони к горлу подкатил липкий ком. У одного из загонов с быками стоял крупный лысый мужик с бабым лицом и непомерной нижней частью туловища. На его физиономии не было заметно никаких следов растительности, но руки были рабочими, мужскими, с татуировкой.

¹ Чего сюда припёрся? — *Туркменский яз.*

² Он сбил меня с ног, продукты рассыпались на грязный пол. Хозяин потребовал вернуть деньги или помыть все. — *Туркменский яз.*

³ Пусть убирается. Русским здесь не место. Он может сдать нас миграционным чиновникам. Знаем мы их. Сами помоем, а с тебя триста рублей. И больше никогда не води сюда местных. — *Туркменский яз.*

От кисти до локтя крупными буквами красовалась надпись: «Коля — славный парень». В руке Коля держал пистолет. Как раз в тот миг, когда Пузырьков читал надпись, «славный парень» выстрелил в голову бугая. Животное забилось в агонии, но не упало. Николай сделал ещё два выстрела. Бык присел и замертво развалился на цементном полу. Крови не было видно. «Чем же он его убил? — думал с любопытством Антон Антонович. — Пневматическим оружием? Электромолотком или шокером? Может быть, каким-то специальным наганом? Что, если на себе попробовать? Не будет нужды кого-то искать, когда боль захочу почувствовать. А жажда её во мне перманентная».

К быку подошла сухопарая тётка с каким-то отрешённым взглядом почти бесцветных глаз. Она деловито набросила сзади на копыта забитого животного цепи и включила двигатель конвейера. Туша стала медленно подниматься на крюк. Тётка узким ножом проколола какую-то бычью артерию, и кровь хлынула по жёлобу в специальную ёмкость. Кровь была густая, бордовая, с прочернью. От неё шёл лёгкий пар и приторный запах.

Спустя две-три минуты работница взяла в руку электропилу, громко высморкалась, сплюнула мокроту на бетонный пол в красных потёках и со злобным выражением лица, шёпотом бранясь, проворно отделила от туши голову. Рогатая бычья голова свалилась на движущийся транспортёр и стала удаляться. Пузырькову показалось, что глаза на ней оставались ещё живыми, он с дрожью поймал их спокойный, несколько удивлённый взгляд. Через несколько метров голова поравнялась с другой работницей убойного цеха. Скуластая низкорослая женщина с бельмом на левом глазу и крупными родинками по всему лицу с помощью ножа с вакуумным насосом, насвистывая какую-то мелодию, ловко вырезала из головы бугая язык с уздечкой и корнем. Огромный мясной кусок закрыл её невыразительную грудь. Жилы работница бросила в контейнер с отходами для утилизации. «Процесс убоя и разделки начинается в этом помещении, — понял Антон Антонович. — Вернись-ка в разделочный цех. Без сомнения, я найду там много полезного. Не надо будет скитаться по городкам в поисках собственного удовольствия».

Ему захотелось в последний раз заглянуть в бычьи глаза. Неужели они все ещё глядят на мир? Но едва он шагнул к контейнеру с отходами, как раздался окрик:

— Эй, кто такой? Что здесь шастаешь? Видно, что не наш.

Это была скуластая работница с конвейера.

— Забрёл к вам случайно, засмотрелся, всё так ново, необычно, — виновато улыбнулся Пузырьков. — С людьми вашей профессии ни-

когда не встречался, за их работой не наблюдал. Разрешите подойти к контейнеру с отходами?

— Ты мне не пудри мозги! Небось проверяющий? — злобно уставилась скуластая. — К нам без разрешения входить нельзя. У нас здесь чистая зона. — В голосе её звучала нотка гордости. — Кто знает, что у тебя на подошве или на уме? А вдруг какую заразу решил пронести? И мы из-за тебя работы лишимся. Пошёл вон! Чем быстрее, тем лучше.

— Разрешите только в бычьи глаза взглянуть, — попросил Антон Антонович. — Вы только что голову в мусорный контейнер сбросили. Очень взгляд его мне в душу запал. Не подозревал, что с таким достоинством и мужеством глаза убитого животного способны смотреть на окружающий мир...

— Ты что, псих? Пошёл вон! — рассердилась окончательно женщина.

— Уважаемая, я дам вам тысячу рублей, — взмолился Пузырьков. — Это ведь пару минут. Никак не дольше. Вот, возьмите... — Тут Антон Антонович вытащил из кармана рыхлую пачку денег, извлёк из неё тысячерублевую купюру и протянул скуластой работнице.

Она тут же замолчала, взяла деньги и буркнула себе под нос:

— Мне что, смотри, если хочешь. Хоть час разглядывай мёртвую голову. Нынче народ пошёл странный. Что ни человек, то чудак, загадка... Тьфу!

Замызганный контейнер был забит отходами почти доверху. Чего здесь только не было! От птичьих перьев и петушиных гребешков до разнообразных костей и выпотрошенных голов свиней, овец и крупного рогатого скота. На куче требухи высилась голова быка. Молодой человек тут же встретился с бычьим взглядом. Огромные красноватые глаза животного глядели на него, казалось, с какой-то тихой радостью. Почудилось, что бык что-то доверительно прохрипел: Пузырьков вдруг отчётливо услышал его монолог, обращённый к представителю человеческого рода: «После ряда разочарований, мой друг, наступил момент истины. Потребность в абстракции и вдохновении возникла у меня с какой-то новой силой. Я наконец окунулся в подлинную реальность. Мне хорошо. Мне радостно! Все дни и ночи я теперь буду проводить в творческом уединении, в раздумьях и сочинительстве. Без материальных забот и принуждённого труда. Смерть — великое таинство. Теперь между нами нет разницы. На свалке мой бычий интеллект легко сравнить с человеческим сознанием и даже с божественным разумом. Здесь гордость не в почёте, материального богатства не существует, никто не борется за хлеб на-

сущный, никто никем не командует, никто никого не выбирает. У нас нет ни магазинов, ни губернаторов, ни фискальных органов, ни банков, ни кредитных историй. Нет ни жён, ни детей. Каждый сам по себе, в одиночку, восходит к небесным делам и чистым помыслам. Есть ощущение общего равенства, как и необыкновенного величия каждого. И главное — никакого презрения по отношению даже к самому гнусному существу! Неудобства, несчастья и наказания ждут нас при жизни, а не после неё. Так или иначе, мы больше расположены к смерти, чем к жизни. Поэтому наша жизнь всегда висит на волоске, ведь в смерти смысла больше, чем в жизни. Чистое созерцание — мечта любого глубокого интеллекта — совершенно невозможно при жизни. В ней чрезвычайно много материальных соблазнов. Но это великолепное состояние легко достигается в смерти. У тебя целая вечность проходит в мечтах и грёзах. Поэтому торопись к нам, друг любезный Пузырьков. Загробный мир — вот единственно верная цель любого живого существа. Торопись к ней, настрой себя на неё! Только здесь могут реализоваться твои самые смелые помыслы. Я жду тебя, Антон Антонович, он же господин Ч.»

На этом голос умолк, а глаза животного скрылись под слоем овечьих сухожилий, подброшенных конвейером.

«Это наваждение? Или я действительно слышал речь быка? — в растерянности думал молодой человек. — Никогда уже этого не узнать. Надо пройтись по бойне, остыть и на свежую голову попытаться отличить безумие от реальности или реальность оправдать безумием. Но если безумие является причиной искажённого отражения действительности, надо поверить в то, что, видимо, природа изменила моё сознание скверным образом. И пора обратиться к психиатру за консультацией. Не случайно я забрёл к нему. Он даже что-то мне прописал. Если ничего не найдёт и реальность представлена в моём сознании адекватно, то мир надо принимать таким, каков он есть, и продолжить поиск своего утешения — быть униженным и оскорблённым в самых извращённых формах.»

Он почувствовал усталость и медленно шёл по смрадным закоулкам рыночной бойни. У наблюдателя могло бы сложиться впечатление, что молодой человек вдруг потерялся во времени и пространстве. Его отрешённый вид показывал, что он ничего не замечает и ничем не интересуется. Опустив голову, он двигался без всякой цели. В обвалочном цехе его заставил оглянуться вокруг громкий стук топора. Пузырьков потёр руками лицо. Теперь он смотрел на рубщика говяжьей туши. Высокий плотный азиат с мощными руками тяжелоатлета мастерски готовился разделять огромного быка. «Неужели это тот самый? Так сразу?»

Мясник начал с шеи — молниеносный удар отсек её. Перед разделкой лопатки рабочий прищурился и затем одним ударом отрубил её. Тут же ударил второй раз на край лопатки и отделил от неё голяшку. «Какой-то двустольный выстрел, — восхитился господин Ч. — Bravo!» Так же лихо рубщик отсек грудину. Через пару минут огромная туша была разделена на аккуратные части.

«А мне это нравится, — решил Пузырьков. — Сама судьба подсказывает, каким может быть венец моих исканий. Я стремлюсь испытать моральные и плотские истязания. С каждым днём эта потребность всё сильнее. Видимо, меня слишком сильно любили в детстве и мои извращённые желания — обратная сторона той любви. А может быть, это всё же чисто русская черта — упиваться насилием над собой. Ведь только мы на всей Земле получаем удовольствие в страдании и без него существовать не можем. Выдающиеся научные открытия и великие художественные произведения русский человек творил в тюрьмах, в застенках, в режиме тотального издевательства над личностью. И благородная ложь, что нам хорошо живётся, сопровождающая нас всю жизнь в насилии, — основа нашей национальной ментальности. Я никогда не был кротким, тихим, любвеобильным, общительным существом. Не навязывал своё общество другим, не смеялся, не аплодировал шутке. С такими чертами характера встречаются наши полукровки или англосаксы. Почти уверен: когда я появился на этот свет, первым моим желанием было получить оплеуху за плач, который я устроил без малейшего повода. Мы в России — русские — пропитаны соками принуждения. Мой брат Андрей изгнал из себя русскость. А мне это не удалось. И, слава богу, я счастлив в собственном, до болезненности странном понимании жизненного комфорта. И спорить со мной бесполезно. Мне хочется всего того, о чем в глубине души мечтает истинно русский человек, не испорченный западным мировоззрением, — быть униженным и оскорблённым! Физически и духовно! Топором, кстати сказать, и словом! Неужели и топором? Что, я бы испытал удовольствие, если бы мясник отсек мне ногу или руку? Как этому быку? Совершенно новая мысль. А почему бы и нет? Ведь чем больше страданий, тем острее ощущение эйфории. Именно такая зависимость заложена, наверное, в национальных генах, отпечатана в нашей истории — от Рюриков до дней нынешних. Кого наш народ вспоминает чаще? Вспоминает сердцем, как своего, родного по духу, по ментальности? Кого называет «Это наш. Этот свой! Этот настоящий русский»? Либерала и реформатора Александра Второго или тирана Николая Первого? Кто знает о реформах Александра Второго? Самая малость. Скажем, такие люди, как Андрей Антонович. Но почти каждый помнит Николая Первого,

казнившего декабристов, разгромившего петрашевцев, отправившего в ссылку Герцена, Достоевского, Лермонтова, Шевченко и других... Чаадаева объявил сумасшедшим. Кто в массах помнит Александра Второго, автора манифеста об историческом освобождении крестьян? Проведшего важнейшие политические реформы в России? Почти никто. Но многие держат в памяти, как императрица Елизавета Петровна подарила Разумовскому десять тысяч крестьян, а Павел Первый пожаловал своему другу князю Куракину пять тысяч душ. «Бери, приятель, и делай с ними всё что хочешь». А фрагменты из нынешней истории! Две совершенно разные личности — тиран Сталин и западник-демократ Горбачёв. Первый закабалил россиян, ввёл в стране диктатуру одной пролетарской мысли. Другой открыл двери в современную цивилизацию. Кого ценит народ? Сталин постоянно на устах миллионов. О нём вспоминают с гордостью. Рейтинги популярности не снижаются. А Горбачёв? Забыт! Как будто его и не было. Нет, не такая уж странность моё стремление к унижению, издевательству над собой. Оно в генах, в нашей сущности. А я носитель русского этноса. Поэтому счастье нахожу легко, оно повсюду, ведь злоба ничего не стоит, а другим и жизни для этого мало. Если при столкновении с жестокостью раздался крик ужаса, то перед вами европеец, американец. А если будет услышан восторженный, восхищённый возглас, то сердце Антона Пузырькова наполняется благодатью. Насилие не только не вызывает во мне отвращение и протест, я жажду ему подвергнуться. Уместно вспомнить древних греков, утверждавших: «Нет ничего необычного, что в своих глазах ты находишь себя замечательным существом. Осёл, встречаясь с ослом, видит нечто прекрасное, а свинья, встретившая свинью, восхищается ею. Ведь каждому своё всегда видится неизмеримо лучше, чем чужое!» Ох! Мне чрезвычайно интересен человек, унижающий меня. И я уже начинаю тосковать по оскорблениям. Скучать по ним. Необходимо торопиться. На Д..ском рынке среди этнического многообразия я должен достичь цели».

Пузырьков твёрдо решил обратиться к мяснику со вздорным вопросом и вывести работягу из себя.

— Эй, парень, — бросил Антон Антонович, — неужели во сне тебя не мучают стоны убиенных тобой животных? По сути дела, ты ведь губишь божьих тварей. Не боишься Страшного суда? В античности обвальщиков считали «нечистыми», сажали на кол, жгли на кострах. — Он намеренно врал, желая вызвать у рубщика приступ агрессии. — Грешешь, брат, страшно грешешь. Грешешь ежедневно... Ты трудишься со злостью в сердце и мщением в сознании. Черти могут любоваться твоим мастерством. Нечестивец ты, заблудшая душа...

Мясник уставился на него, наморщил лоб.

— Не панимаю тибя, чилавек. Плоха гаварю по-русски. Таджик я... Начальник скоро придет... Жди. Садись. Гостем будишь... Магу без денег кости дать, булион сварить. Галодный ни будишь.

«Здесь нечего искать, — огорчился Пузырьков. — Пойду дальше. Странно всё же, что судьба привела меня на бойню. Видимо, это какой-то магический сигнал. Дескать, Антон, присмотришь, здесь можно найти истину... Может, действительно попробовать? Начать с пальцев. Например, с мизинца. Какая у него функция? Помню, отрачивают ноготь на нём южане, чтобы ковыряться в зубах. Лично я в нём совершенно не нуждаюсь. И хочу проверить, какое наслаждение получу, лишившись его. Заоблачное или банальное?.. Если восторг будет запредельный, можно подумать о других частях тела. Я не прочь отрубить пенис, чтобы он не беспокоил меня неконтролируемой эрекцией. Вроде никаких эротических чувств я ни к одной даме не питаю, но *он* то и дело наливается кровью, как бурдюк вином, особенно когда мой взгляд случайно натывается на крупную упругую грудь. Я даже чувствую себя оскорблённым, не способным управлять собой. Пуф! Ушные раковины мне тоже не нужны. Оскорбления и угрозы, брошенные даже шёпотом в мой адрес, я с радостью услышу и без них. Язык? К чему он мне? Ведь я немногословен и неразговорчив. Стараюсь выпросить у мира только две милости: «Избей меня!» и «Оскорби меня!». Интересно взглянуть — неужели он такой же большой, как бычий? На самом деле это здорово — разглядывать своё нутро, свои красные, кровавые фрагменты. А почему бы не обрубить себе полноги? Начать с пальцев. Потом, как у того быка, отсечь голень. Затем наружную часть ноги и тут же кусок бедра... А если наслаждение будет расти, то всю ногу можно отдать на отсечение. Сейчас есть прекрасные протезы. Нет, лучше у антиквара купить старые, ещё от инвалидов Гражданской войны. В провинции их легко найти. Копейки стоят, а сколько едких насмешек услышу! Молодёжь нынче вздорная. Ей обездоленного калеку оскорбить — радость превеликая. Кстати, а почему я не вспоминаю приглашение убиенного быка переместиться в вечный мир? Может, там у меня возникнут другие предпочтения? Необходимо и этот вопрос серьёзно обдумать. Соблазнов там много, бесспорно. Многие тянутся туда, особенно из мусульман. А они люди мудрые, их на мякине не проведёшь. Смерть подведёт черту под первым периодом существования Пузырькова. Начнётся другая — вечная эпоха антисуществования Антона Антоновича. Вдруг моё сознание выдаст там новые, более масштабные идеи?.. Впрочем, не грешу ли я, торопясь в другой мир раньше времени? Тут требуется заключение психиатра. Пожалуй, следует действительно заглянуть в

клинику «Гармония» поутру. Грех переселяться на постоянное место жительства с сумятицей в голове. Вдруг справку о здоровье потребуют? А если психам вход туда воспрещён? Этот и *тот* мир могут быть разными, но организация властных структур, должно быть, похожа. Ведь переселяются туда те же люди. Хоть бык говорил нечто другое, но у нас больше опыта в этом деле. Да-да, завтра необходимо пообщаться с врачом. Загляну к нему прямо к началу приёма. Но вечер я просто так не отдам... Надо всё же найти своё, восторгом порадовать сознание. Жажда почувствовать на себе агрессивность чужой воли поистине становится нестерпимой. Цепочка зла не должна прерываться. Облил бы меня хоть кто-нибудь свинячьим дерьмом! И не просто обрызгал бы, а окатил с головы до ног, чтобы вонь от меня шла на всю Россию...»

— Эй, кто здесь мой соотечественник? — заорал молодой человек. — Прояви свою суть! Оскорби меня всем сердцем! Докажи национальную страсть к насилию!

На рынке никто не отозвался. Пузырьков опять потёр лицо руками, воспалил сознание желанными сюжетами и понёсся навстречу своей рискованной мечте. Тут какое-то странное выражение исказило его лицо.

У психиатра Наума Львовича была одна душа. Из-за этого, казалось бы, совершенно нормального обстоятельства столичный врач испытывал существенные сложности. Господин Райский служил своей профессии добросовестно и старательно, искренне вникал в медицинские проблемы своих пациентов, сопереживал им и делал для них все возможное. По нормам Минздрава психиатр должен принимать не более девяти пациентов в день. Но, совершенно отрёкшись от быта, не имея ни семьи, ни друзей, Наум Львович проводил в своём кабинете целые дни напролёт, консультируя порой даже более двадцати пациентов за приём. Такой рабочий режим он сохранял последние двадцать лет.

Этим, наверное, можно объяснить, почему тело, слух, зрение, память и работоспособность у него от перегрузок ослабели, реакции замедлились, а единственная душа была переполнена печальными историями болезни. Если бы такие врачи, как Райский, вместе с дипломами психиатра получали бы лицензию на поддержание в себе нескольких душевных «центров», то наши ценные специалисты гораздо дольше сохраняли бы превосходную форму. Но, увы, пока душа не размножается. Поэтому, когда в пятницу утром к доктору заглянул Антон Пузырьков с приветствием: «Здравствуйте, уважаемый Наум Львович», Райский, пристально оглядев вошедшего, спросил:

— Вы что, молодой человек, у меня на приёме не в первый раз?

— Я был у вас около месяца назад, — дружески улыбнулся Антон Антонович. — Вы прописали мне какой-то препарат, но, сказать честно, я его не принимал... Как-то не до того было.

— А сегодня с чем пришли? На что жалуетесь?

— Прошу прощения, если вы меня не вспомнили. Я восстановлю в вашей памяти проблемы, с которыми явился к вам в первый раз. С ними я пришёл и сегодня. Но начну с другого: как вы думаете, нужна ли человеку справка о здоровье, если он отправляется на тот свет? В этом мире нас замучили требованиями иметь при себе всевозмож-

ные удостоверения и документы. Вот я и подумал: *там* я встречу с теми же нашими бюрократами и лучше заранее как следует подготовиться к переселению. Ведь людей с головой отличают тщательные сборы к дальним путешествиям. Разумно?

Наум Львович хмыкнул, словно ожидал такой вопросик. Затем обратился к Антону Антоновичу утомлённый взгляд и кивнул в знак согласия:

— Вы правы! Готовиться надо ко всему. Особенно к любовному акту и к смерти. И женщина, и смерть, молодой человек, вещи загадочные. Легенд и предположений тут уйма.

— Некоторые люди испытывают восторг, когда сливаются с другим человеком и живут его жизнью, — медленно начал Пузырьков. И в этот момент подумал: «Откуда я это взял? Фу, выдумщик! Но продолжай!» — Видимо, я — редкий экземпляр, который не только не допускает в свой мир посторонних, но вообще не видит и не чувствует ничего, кроме самого себя. Идёт дождь или валит снег, стоит жара, сковывает землю мороз, прельщают кого-то яркие краски и аппетитные запахи, мелькает игривый солнечный луч, восходит ли мистическая луна в оранжевой шали — мне всё по-фиолетовому. Я не могу восхититься природой, красота для меня ничто. Я не способен даже возмутиться чем-либо жутким, происходящим во внешней среде. Как бы широко я ни раскрыл глаза и ни разинул рот, я абсолютно ничего не вижу и не ощущаю. И не то что я отказываюсь познать окружающий мир — он просто недоступен моему восприятию. Его нет! Я поглощён лихорадочной работой собственного сознания. И в этом смысле я похож на человека из *того* мира, куда я решил отправиться. Ведь *они* тоже не видят земной мир и все представления о нём держат в самих себе. Способность к внешним контактам у *них* и у меня развита слабо. И тут у меня главный вопрос, вытекающий из первого. Чтобы активизировать в себе чисто человеческий феномен — способность чувствовать и воспринимать чудесные сигналы природной среды, — я избрал тактику физического и нравственного ущемления собственной личности. Я тешусь издевательствами над собой.

Райский внимательно слушал, не меняя бесстрастного выражения лица.

— Конечно, — продолжал Пузырьков, — я полагался и на помощь генетической программы, заложенной в каждом русском долгим опытом крепостного права. В страданиях, как ни в чём другом, обогащается душа и суть человеческая. Провоцируя себя таким жестоким образом, я надеялся на пробуждение желания прислушаться, очаровываться внешней средой. Но из этого, как оказалось, ничего не вышло. Получился обратный результат — я ещё больше

отделился от своей цели, и меня ещё сильнее стала завораживать изначальная идея — быть обиженным и оскорблённым и в этом состоянии испытывать восторг. И я настолько влюбился в богатство страстей Антона Пузырькова, что нынче мне нет никакого дела до окружающего мира. Другой истины я не ищу и знать не хочу. Поэтому и внутреннего раскола я никогда не испытываю, ведь его источник один — внешние силы. Так что я посвящаю всё время общению с самим собой. А совершенствовать себя — кропотливое, приятнейшее и полезнейшее занятие. Можете назвать мои причуды самообманом, но я наслаждаюсь своим состоянием. — Его словно обдало внутренним жаром. Он говорил быстро, глядя на доктора с надеждой на понимание. — Да-да! Я стараюсь использовать различные средства для достижения главной и единственной цели. И даже пребывание *здесь* хочу положить на алтарь моих желаний. Но об этом позже. Итак, доктор, моё странное увлечение — поиск насилия, обращённого против меня самого. То, что я испытываю при этом не муки, а восторг, — это болезнь или просто нетипичное проявление индивидуальности?

— Антон Пузырьков — это вы? — задумчиво поинтересовался психиатр.

— Ах да, простите, что не представился. Антон Антонович Пузырьков, 32 года. Москвич, русский. Род занятий — создатель собственного нетрадиционного благополучия.

— Справочку-то я вам дам, а насчёт вашего главного вопроса — больны вы или нет — сложнее. Мне необходимо с вами пообщаться. Значит, собрались на тот свет? А почему такая поспешность? В вашем возрасте люди хотят жить, творить, строить карьеру, заводить любовные романы, жениться, наконец.

— Логика моего поведения выстраивается безукоризненно чётко. В мире, который принято называть потусторонним, якобы существует область вечных мук — ад. Я мечтаю попасть именно в него, дабы прекратить постоянный и довольно тяжёлый поиск издевательств над собой. Судя по многим письменным источникам, человек в аду обречён на вечные муки. Поэтому я хочу перебраться со своей мечтой в *тот* мир, но обязательно в адскую область, чтобы получать желанное наслаждение ежедневно, даже сверх нормы. Ведь стоимость своего существования я оцениваю довольно низко, как получатель по завещанию разрушенного дома, стоящего на болоте. Какой смысл в этом никудышном активе?

— Неотъемлемое право любого человека — существовать там, где ему захочется, — заметил Райский. — Немало наших граждан переезжают в Европу, Америку, Азию. Я знаю, что некоторые из переселенцев возвращаются к родным очагам. Но в вашем случае это будет не-

возможно. Как и что-либо другое. Например, вам наскучила область ада, появилось желание перебраться в райские кущи. А перед вами категорическое табу. Шлагбаум. Христианская религия тут безжалостна. Прожил тридцать, пятьдесят, семьдесят лет, допустил, даже ненароком, грешок, и потом вечность — тысячу, миллионы, миллиарды лет — ты грешник. А человек лишь засмотрелся на красивую женщину, и у него инстинктивно произошла эрекция, или пару раз напился, но голову и честь не потерял — и вот вечно должен подвергаться адским мукам. Как вам такие церковные догматы? Не пугают? Злость характеризует слабый интеллект, и от него можно ждать любых бед.

— Я сейчас думаю о своём, чужие судьбы меня не интересуют. Но, абстрагируясь от Пузырькова, считаю это жуткое наказание совершенно непропорциональным деянию. Господь Бог вовсе не милосердная категория, что Ему приписывают. Жуть какая-то, сталинизм в десятой степени, а не человеколюбие. В пятнадцать лет украл ложку мороженого, убегая, попал под машину, погиб, то есть не успел покаяться, — и миллиарды лет суждено томиться в аду, в вечных муках. Мне перспектива бесконечно маяться безумно нравится, а как обычному обывателю? Нет-нет, Его никак не назовёшь Спасителем! Вначале Он создал нас (я в это творение ни капельки не верю) с кучей порочных инстинктов, а затем, вместо того чтобы исправить своё детище, ввёл необоснованный человеконенавистнический режим. Как же Он создал нас по Своему подобию? Как тут можно говорить, что Он нас любит? Он спасёт нас? Преступления у нас караются Уголовным кодексом. Есть сроки наказания, которые зависят от тяжести содеянного. А у Него за всё, от масенького проступка до великого греха, есть лишь одна кара, вечная, бессрочная, мучительная, — ад! Впрочем, я уже сказал: мне лично это безумно нравится. А до других мне нет никакого дела, пусть сами выбирают, положиться на себя или довериться Ему. И, скажу откровенно, безгреховность не может доставить мне удовольствия.

— Милейший господин Пузырьков, — начал с улыбкой доктор, — вы чрезвычайно интересный человек, и я всегда буду рад с вами общаться. Но вернёмся к вашему визиту. Нам необходимо встретиться через несколько дней. Давайте договариваться. Это важно и мне, и вам. Советую в течение недели три раза в день принимать р...ин. Но очень важно, чтобы в этот короткий отрезок времени вы попытались пожить с другим миропониманием, забыли свои причуды и постарались получать удовольствие от обычных человеческих проявлений. Влюбились бы, например, в девушку, выпили бы пива, пошли в театр, поиграли в настольный теннис, прочли книгу,

подрались, наконец... Я уверен, что у вас получится и чисто человеческое увлечёт вас так же сильно, как сейчас вы обольщаетесь вашими пузырьковскими наваждениями. Дайте слово, что придёте ко мне в следующую пятницу, в такое же время. Право, вы явитесь другим человеком. А р...ин я дам вам с собой, даже в аптеку заходить не надо. Только, пожалуйста, пообещайте на сей раз лекарство принимать. Часто оно помогает.

— Но я ещё не всё вам рассказал, — возразил было молодой человек, но, увидев, что психиатр встал, замолчал, поклонился и бросил: — Мой мир без помощи меня самого познать невозможно. До свидания! — Тут опять на его лице мелькнуло странное выражение.

— Минутку, — задержал его Наум Львович. — Возьмите же р...ин. На неделю хватит. Жду! — Прощаясь, он одобряюще взмахнул рукой, а сам подумал: «Очевидно, идёт развитие парафрении. И, судя по типичной для этой болезни гримасе, у него ещё и анальгезия. Надо спасать парня».

Антон Антонович вышел на свежий воздух и задумался. «Может, действительно попытаться найти удовольствие в шаблонах бытия? Ведь я прячусь от действительности, чтобы не страдать от соприкосновения с ней. Реальность более безобразна, чем мой внутренний мир. А так ли это на самом деле? Например, Франциск Ассизский находил себя, проповедуя христианство хищникам и птицам... Но я даже не знаю, с чего начать. Что способно меня порадовать? Думаю, даже уверен, что ничего из затеи доктора не получится. Нет-нет, все это не для меня. Даже задумываться, ломать голову не надо. Может, лекарство поможет?»

Он открыл пачку, вытащил таблетку р...на и положил её под язык. «Минут через десять-пятнадцать начнёт действовать». Антон Антонович свернул на Садовую, прошёл метров триста и остановился перед красным сигналом светофора. Мимо проезжали разные автомобили, но он остановил взгляд на неказистом грузовичке. На светлом борту машины красовался рекламный текст: «Наш крем омолодит ваше лицо».

«Неужели это так важно? — подумал Пузырьков и тут же поймал себя на новой мысли. — Почему бы не влезть в душу первого встречного моего сверстника? Узнать его? Может, он окажется интересным типом. Найти себя и определить, кто кого сможет изменить. Или каждый останется при себе. Этому парню не больше двадцати, а тот ещё моложе. Вон тот подходит, но он с девушкой, она будет нам мешать. Пенсионер тоже не подойдёт, пока дороешься до настоящего времени — вечность пройдёт. Вот то что надо. Высокий, стройный, хорошо одетый, с короткой бородкой, смуглый брюнет. Ему около сорока, а то и больше,

на артиста похож. А может, он и есть артист? Эту физиономию я уже где-то видел. Попробую влезть в него. Опыта в этом у меня нет, но я читал, как другие это делают. Что-то страх берёт. А если не вылезу или застряну? А вдруг он уличит меня и станет выгонять, да ещё с бешеным криком и уличной руганью? И прекрасно, пусть ещё пинка даст или в рожу въедет. Да по сильнее! Стало мерещиться, что он бьёт меня, всаживает кулаки в мою невзрачную физиономию и почему-то поёт известные эстрадные песни. Я даже на мгновение почувствовал совершеннейшее наслаждение. Но вдруг всё закончилось, и я увидел, как этот высокий мужчина широким шагом удаляется от меня. Я в панике бросился за ним и, мало что соображая, влетел в его существо. И тут же почувствовал, что стало тесно, как будто всё моё тело плотно обвязали толстым канатом. Не успел я осмотреться, как заметил, что на улице меня не стало. Я смотрю на неё, а себя не вижу. По тротуару идут те же граждане, высокий артист продолжает идти широким шагом, троллейбус стоит на той же остановке... Вот тот же мусорный бачок с дымком тлеющей сигареты... А меня нет, я исчез. Странное чувство возникло: я вроде есть, вижу окружающий мир, а все же меня нет. Я не могу почесать свой подбородок, ущипнуть себя за ухо или поковырять в носу. Я всё вижу, слышу, могу говорить и думать, но самого себя, Пузырькова, не различаю. Как это так? Мне показалось, что я стал похож на голову того бычка с бойни, с большими, открытыми, живыми глазами, царственно восседавшую на контейнере с биологическими отходами. Жуть, смешанная с удивлением, охватила меня. Ничего себе, неужели я так просто кончился? Я всегда был сам себе господин. У меня есть свои источники, подпитывающие мою энергию, и этим объясняется моя жизнестойкость. А тут такая позорная зависимость. Но в этот момент происходит страшнейшая вещь, которую я никогда не смогу забыть. Я услышал в себе чужой голос! Казалось, что говорю я, но я бы никогда такое не сказал, и тем более таким голосом и на такую тему. Лёгкий акцент в речи вообще привёл меня в ужас. Как я могу говорить посторонним голосом, ужаснулся я. Но поделать ничего не мог. Мне надоела эта жуткая зависть, — говорил я чужим голосом по мобильнику. Коля, ты должен меня понять. *(Клянусь! У меня никогда не было знакомого Николая.)* Сила любви десятков миллионов моих поклонников не может перевесить в моём сердце силу зависти нескольких сотен моих недоброжелателей. В этой зависти гнездится столько зла, что я теряю самообладание и всё чаще утрачиваю способность выходить на сцену. *(Нет-нет, это не я! Не я! Помню, что хотел влезть в душу неизвестного мужчины. Но почему я говорю чужим голосом? Какое унижительное положение!..)* А сколько завистников и буквально врагов у меня появилось после рождения дочери! *(Какая ещё дочь, я же без-*

детный!.. Успокойся, Антон Антонович, — шепнул я себе. — Не следует ничему удивляться. Понятно, надо перебороть страх и всё обдумать... Попробую вступить с ним в контакт...»

— Уважаемый, вы меня слышите? — шепнул я ему, но на самом деле как бы самому себе. — Хотелось бы пообщаться. Это возможно?

— Кто это? — удивлённо ответил я чужим голосом. — Что за напасть? — Я был бессилён что-либо изменить. — Что за наваждение? (Тут я вообще потерялся: не могу понять, кто из нас — я, а кто — он? Спокойно, спокойно, надо начать разговор. Всё чужое — это от него...)

— Ты с кем говорил? — спросил я.

— С другом Николаем, — ответил я чужим голосом. — Ты кто? Как тебя зовут?

— Меня — Ч.

— Если тебя Ч., то меня — И.

— Приятно познакомиться.

— Пока не знаю... Что ты здесь делаешь?

— Хочу понять, у нас общие проблемы или разные.

— У меня своих дел по горло... Чужих мне не нужно. Я человек занятой. Отстань. Убирайся! Пристал на мою голову!

— Не торопись! Если я смог без разрешения проникнуть в тебя, то, поверь, я, видимо, смогу помочь дельным советом. Можно договор заключить: если станем друг другу неинтересны, через пару минут я удалюсь. Чем ты восторгаешься? Что тебя гложет? Отсутствие денег, работы, любви, цели в жизни? Давай начнём диалог. Может, легче станет?..

— Обещай, что через пару минут ты сгинешь из моего сознания.

— Даю слово!

— Меня мучают две вещи. Первое — непроходящая зависть недругов. С ней бороться нельзя, но как, незнакомец Ч., жить в атмосфере чёрной зависти и злобы?

— Чувство зависти характерно для человечества. А в нашем народе оно выражено чрезвычайно ярко. Тут ничего не поделаешь. Научись не обращать на него внимания. Что второе, господин И.?

— Твой ответ на первый вопрос меня не удовлетворил. Таковую банальную мысль высказывают многие. Легко сказать — научись!.. Второе — я мечтал о ребёнке. С супругой у меня ничего не получилось. Нашёл суррогатную мать. Родилась девочка. Церковники обрушили на меня шквал проклятий. Грозят отлучить от православной церкви. Эти ханжеские нападки сводят меня с ума. Что им отвечать, да и нужно ли?

— Ты недостаточно хорошо ознакомился с Библией. Первая женщина, решившаяся на экстракорпоральное оплодотворение, — Дева

Мария. В священных текстах сказано, что к ней явился ангел и сообщил о предстоящей ей великой миссии. Мария ответила: «Да будет Мне по слову Твоему». Тогда, как принято считать, божественный луч сделал своё дело, и Мария родила первенца — Иисуса Христа. Ныне экстракорпоральное оплодотворение осуществляют с помощью шприца. Но луч и шприц — материальные вещи, а значит, все материальное имеет божественное происхождение. Так что успокойся, а хулителям в рясах напосми библейский сюжет. Но лучше всего — не обращай на них внимания. Ведь осознавать свою суть — основу, на которой ты выстраиваешь свой мир, — куда важнее, чем реагировать на глупые атаки призрачной реальности. Если она и вторгнется в твоё сознание, то лишь в форме рефлексии.

— Этот ответ меня взбодрил, — усмехнулся я чужим голосом. — Ты дал понять, что сам в Бога не веруешь. Разве этим можно гордиться? Это не упрёк, мне тоже нужно осознать своё отношение к религии. Что это — абстракция или реальность? Я не желаю потешаться над тем, во что верят миллионы. С другой стороны, она не аргумент для миропонимания. Я часто задумываюсь: почему люди, живущие без Бога, обычно щедрее одарены божественными ласками и дарами, чем верующие, которые, как правило, влачат незавидное существование? Притом что всё человеческое богатым всегда ближе и доступнее. Они безмятежно купаются в роскоши, в отличие от тех, кто живёт с Богом в душе и поступает как праведник, но непрерывно страдает. В молитвах денно и нощно просит такой смертный Бога хоть на гроши увеличить ему скромный доход, чтобы в жизни появился просвет. Но эта мольба почти всегда остаётся неслышанной. Мне трудно представить количество людей, молящих Бога избавить народ от тиранов. Почему Он не внемлет? Разве это не откровенная, даже показательная жестокость? Всемогуший, всесильный, всезнающий, а человечка ростом сто шестьдесят сантиметров, оскорбляющего цивилизацию, убрать с дороги не в состоянии. Не способен или не хочет? И такие случаи в истории многократны... Что скажешь, господин Ч.?

«Конечно, это он, то есть И., но почему он опять говорит моим голосом? — подумал я. — Его проблемы меня не занимают. Я их давно для себя решил. И почему я должен этому чужаку И. раскрывать своё мировоззрение? Человек создан, чтобы жить в самом себе, хотя многие с навязчивым, тупым, мрачным упорством называют мои причуды безумием. Сколько десятков и даже сотен поколений пройдёт, пока человек предпочтёт жизнь исключительно в самом себе? Когда свобода собственной мысли станет доминантой личности? А система мер будет нужна только для того, чтобы измерять и взвешивать

восторженные страсти Антона Пузырькова? Я, живя в себе, чувствую себя совершенным существом. Хотя со стороны только и слышу, что люди не могут себя найти. Ищут-то не там, потому и мучаются. Но пора заканчивать этот эксперимент и выходить из И. А вдруг он меня не выпустит? Ха-ха! Не пугаться, а радоваться надо! Пусть сопротивляется, создаёт мне препятствия, душит и терзает меня в себе. Я же хотел сегодня, впрочем, как и всегда, получить добротную порцию жестокости. Цель близка! Вот она, на пороге! Чем упорнее И. будет сопротивляться моему переселению, тем полнее будет счастье».

— Слушай, я внешний мир не вижу и не чувствую. Всё, что вне меня, — это какие-то декорации, способствующие играм моего сознания. Бог — тоже внешнее, непонятное и чужое. Лишь внутри себя я полностью господствую, и вязь собственных эмоций я предпочту всем земным соблазнам. Нет Ч. без постоянного насилия над ним! Тут чудеса моего сознания неисчислимы, а моя изобретательность безгранична. Так что категория, о которой ты вопрошаешь, желая постичь предел Его силы, для меня иррациональна. Я никогда не ощущал её как нечто сущее. Впрочем, в библейской истории есть фрагмент, к которому я стал проявлять большой интерес. Скажи, пожалуйста, ты артист?

— Да.

— Люди твоей профессии живут публичными событиями. Понимаю, сама твоя профессия обязывает к этому. Ты легкораним, жаждешь подтверждения своей популярности, тебе необходима любовь поклонников... Но я нисколько не осуждаю тебя.

«Что бы ещё у него спросить? Нудный тип. И как он ко мне пробрался? — услышал я лёгкий акцент. — У нас самая актуальная тема — политика. Впрочем, деньги меня интересуют больше, чем она. Но начну с политики. А потом перейду к бизнесу...»

— Скажи, ты бывал на Оккупай Арбат? — услышал я слова своего «носителя». — Ты в оппозиции к власти?

— Нет-нет. Мир — это я. Я властвую над собой исключительным образом, так что проникнуть в моё сознание, в мои поведенческие стереотипы невозможно. Я чихать хотел на правительства, на конституции, указы и предписания. Дорожу лишь своим маленьким миром, а всё другое человеческое — материальные блага, публичный триумф и социальные амбиции — мне чуждо, даже враждебно. Но это отнюдь не значит, что я хочу или мечтаю возвыситься над прочими, наоборот, я усиленно опускаю себя на самую низкую ступень общежития. Социальные ценности не воспринимаются моим разумом, я их вообще не замечаю. Слабый ветерок я способен уловить, а их нет. Но у арти-

ста такая риторика не может вызвать интерес. Поэтому я прощаюсь и покину тебя, господин И., так же внезапно, как и проник. Будешь сопротивляться? Захочешь удержать интересного собеседника?

— С чего ты взял, что ты мне интересен? — язвительно заметил И. — После таких рассуждений у меня одно требование — уходи. Немедленно! У меня каждый день концерты, а общение с тобой — это стопроцентный путь в дурдом. Пошёл ты... — Он употребил простонародное выражение чувств.

«Нет, идея переселения в другого человека неудачна, — резюмировал я. — Неинтересно. Совершенно разный склад ума и предпочтений. Впрочем, не стану жалеть о потерянном времени. Я всё же приближаюсь к цели — наполнению своего существования особым смыслом. Исчезаю!»

«Видимо, таблетка р...ина выбила меня из реальности, — рассуждал Пузырьков. — До того мысль переселяться в других людей мне и в голову не приходила. Впрочем, в такую голову, как моя, может прийти всё что угодно. Например, я же задумался недавно, почему человеку присуща метафизика, ведь *они* настаивают, что Он создал нас по своему подобию».

С такой же лёгкостью, с какой он влетел в господина И., Антон Пузырьков очутился на той же Садовой улице. На том же светофоре горел тот же красный цвет. Из урны тянулась слабая струя дыма, троллейбус стоял на той же остановке. Тротуар заполняли прохожие. «Был ли я в ком-то под именем И., или всё мне причудилось?» — недоумевал Антон Антонович. Он даже стал злиться на самого себя: «Видимо, р.....ин вызывает галлюцинации. Как быть? Может, чтобы окончательно убедиться, повторить трюк с проникновением в чужака? Вот задумчивый седой мужчина. Ему под семьдесят. Джинсовый костюм, короткая стрижка... А что у него спросить? Мне всё и так известно. Нет-нет, есть вопросы, которые мной недостаточно изучены. Бойтся ли смерти обычный человек, или она ему по фигуре? Что дороже в жизни — комфорт или страдания? Я-то знаю, что весь комфорт именно в страданиях. А как ему кажется? И не надо переселяться, просто подойду и спрошу».

Без малейшего смущения Антон Антонович обратился к незнакомцу:

— Прошу прощения, я хочу знать ваше мнение... Можно ли задать вам вопрос?

Седой сочувственно улыбнулся, приняв его за очередного социолога:

— Только не о политике. Она мне наскучила. В медийных центрах ежечасно о ней только и глаголят. Как будто в жизни человека нет музыки, литературы, науки, культуры... Так что у вас?

— Страшно ли умирать? — торжественным голосом спросил Ч.

Собеседник не выразил удивления:

— Для большинства это жуткий страх. Но есть люди, стремящиеся к загробной жизни. А почему вы спрашиваете? Растёт число желающих попроситься с этим миром?.. Верю ли я в жизнь на том свете? — помедлив, спросил он как бы сам себя. И покачал головой: — У меня даже для самого себя нет ответа.

— Спасибо, спасибо. Именно эту мысль я хотел услышать, — с жаром поблагодарил молодой человек. И, поклонившись, поспешил прочь.

— Господи, сколько же странного в нашей России, — произнёс ему вслед седой москвич. — Путаница у нашего народа в сознании. Весь его богатый, внутренний мир треснул, разломился на куски, словно лёд в марте. Молчанию приходит конец, его сменяет новая лавина наивных заблуждений и агрессивной риторики, разрушающей человеческое достоинство. Из национального миропонимания полностью исчезли представления о вечных ценностях. Жаль! Пропадёт народ.

Пузырьков тем временем был уже во власти новой идеи. Он нёсся по улице, лихорадочно соображая, где ближайший магазин хозяйственных товаров. Сбивая с ног возмущённых прохожих, натыкаясь на бордюры, он наконец достиг желанной торговой точки.

Магазин был выбелен и украшен мозаикой из восточных узоров. Перед входом были установлены несколько безвкусовых бронзовых фигур животных и жёлтые вазы с искусственными цветами. Пузырьков помчался в отдел электротоваров. Он схватил небольшую пилу, предназначенную, видимо, для обрезки «живой изгороди», и подбежал с ней к кассе.

— Гарантию будете оформлять на электроприбор? — через плечо спросила кассирша. — У нас гарантия на пилу один год.

— Нет-нет, не надо гарантии. Я тороплюсь.

— Все спешат... — недовольно буркнула она и пробила покупку.

Антон Антонович выбежал из магазина и помчался дальше по городу. Восторженные грёзы захватили его полностью.

Теперь он торопился в Склиф — делать снимки головы. Магнитно-резонансный томограф способен сканировать череп в разных ракурсах и выдать клиенту красочные изображения. По мнению Пузырькова, эти снимки необходимо было передать брату Андрею.

«После длительного путешествия в иной мир, — размышлял Антон Антонович, — моя физиономия кардинально изменится. Биологическая структура истлеет. Чтобы брат меня узнал, необходимо оста-

вить ему несколько фотографий. Томограф сохранит мой портрет. Изменяться здесь уже нечему. Если церковники верят в загробную жизнь, страшат или обнадёживают ею своих приверженцев, почему они не советуют запастись томографическими снимками черепа? Как же *там* близкие люди смогут узнать друг друга? Или родство заканчивается на земле? А *там*, в райских кущах или в преисподней ада, мать и сын могут влюбляться и создавать семьи, заводить детей? Да и вообще, в кущах позволительно иметь детей, внуков, братьев?»

В Склифе всё решилось на удивление быстро. Пузырьков получил снимки и отошёл в сторону. Тут молодой человек взглянул на свою томограмму и улыбнулся. «Череп ничуть не страшнее моего нынешнего лица. На этом снимке я прямо обаяшка! Скулы выразительные, суровые, как у настоящего крутого парня. Глазницы пусты, но, уверен, *там* они будут заполнены чем-то таинственным. Иначе как же гулять и наслаждаться райскими прелестями? А широкая лобная кость выдаёт во мне серьёзного мыслителя. К височной кости можно прикрепить металлическую пластинку с надписью: «Антон Пузырьков. Москва». В этом случае родня без особого труда признает меня. Может, на запястье браслет повесить с инициалами? Как жетоны на груди у солдат? Жаль, времени для этого нет».

Он сложил снимки в конверт и с поклажей из магазина «Хозяйственные товары» направился в недорогую гостиницу на Самотёке. Там он снял одноместный номер, расположился, лёг на кровать и стал размышлять. «Если инвалид попал в ад, сможет ли он получить некоторые преференции? По сроку пребывания или по снижению чрезвычайной трудовой нагрузки? *Там* же все наши бывшие, и память должна сохраниться. Или она стирается? Если сознание ещё брезжит, то человек страдает даже в раю, потому что воспоминания и тоска по прошлой жизни сделают его пребывание *там* страшным потрясением. Неужели так и задумано, чтобы человеческие страдания в раю вызвали восторги у Создателя? Христиане о загробной жизни толкуют более двух тысяч лет, а бытовых рекомендаций не дают и вообще о них не вспоминают. Всё общее, неконкретное. Размазанное. Поэтому у многих сомнения — есть она, эта жизнь, или её нет. А отправляться в столь дальнее путешествие без советов по организации быта — полнейшая глупость. Русский человек даже на дачу собирается несколько часов. А тут самая дальняя, невозвратная дорога! И ничего, никаких советов! Может, здесь другая тайна: обе стороны — верующие и церковники — заключили некое соглашение. Первые никаких подробностей о существовании в *там* мире не спрашивают, а вторые ничего и не рассказывают. А что тут пояснить? Од-

на отсебятина, фантазии и ложь! Я, например, ничего брать с собой не стану. Для меня чем хуже — тем лучше. Пузырьков даже сам себя хочет существенно сократить».

После этих слов он раскрыл коробку с покупкой, развернул инструкцию и стал её внимательно изучать. Потом разделся догола, вошёл в ванную, включил электропилу и, нисколько не задумываясь, ловко отпилил мизинец на левой руке. Увидев кровь, он вскрикнул, но, как ему показалось, не от боли, а от восторга. «Замечательное удовольствие, — шепнул он сам себе. — Только стоять неудобно. Принесу-ка я кресло из комнаты. Комфортнее будет». Он поднял из ванны свой палец, поглядел на него и заключил удовлетворённо: «Меньше стало Пузырькова, а счастья, кажется, привалило. Что с ним делать? Соберу свои части в ванной, может, крысам на ужин пойдут. Впрочем, где бы я ни пристроил свои детали, если есть грызуны, они съедят».

Вернувшись в комнату, он обратил внимание на то, что ковёр на полу забрызган каплями крови. Она вытекала из его кисти, словно из дырявого шланга. Антон Антонович вытащил из кармана брюк все деньги и, не считая, сложил их на столе. «Чтобы менеджеры гостиницы не обижались. За такую сумму можно весь пол перестелить».

Он перетащил кресло в ванную, устроился в нем поудобнее и приступил к дальнейшей процедуре по сокращению самого себя. Отпилив мизинец на правой руке, взялся за пальцы на ногах. После того как отрезал пенис, вспомнил: «Надо же переместиться в другой мир инвалидом, может, поощрение заслужу. Вечность — утомительно долгая вещь, а справка об особом статусе, пожалуй, пригодится. И главное, страдание для меня то же самое, что для других познание. И переселение в другой мир я должен обставить как праздник Пузырькова. Для меня много насилия не бывает — его всегда не хватает. Как алкоголику — водки! Интересно, в мае 12-го, на Чистых прудах, о чём мечтал мой протестующий народ? О политических свободах или о желанном насилии? Я думаю, что мечтал он, как испокон веку повелось, получить в морду! Да покрепче! Впрочем, я заболтался. Надо продолжить укорачивание Антона Антоновича».

И он принялся за обрезание левой ноги с самого бедра. Тут новая мысль мелькнула в его голове: «Чем больше я потеряю крови, тем быстрее истлеет моя биологическая масса, тем меньше будет смрадного запаха. А значит, я быстрее попаду к своим мучителям в ад и обеспечу себе нескончаемый восторг. Итак, сегодня я буду награждён двумя праздниками. Первый — здесь, в гостиничном номере, второй — в новом для меня потустороннем мире. Везёт тебе, Антоша! И что при-

мечательно, чем больше я себя сокращаю в размерах и потребностях, чем ярче проступает моя отстранённая индивидуальность, тем более различнее становится мне окружающий русский мир».

Его лицо начало расплываться в блаженной улыбке. Тут он опять вспомнил слова Достоевского: «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всём. Этою жаждою страдания он, кажется, заражён искони веков. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье для него неполно».

Мир, в котором Антон Пузырьков теперь так хорошо себя чувствовал, стал медленно исчезать. И последнее видение меркнувшего сознания он выразил почти беззвучно: «Куда ведёт меня эта новая дорога? К насилию, к насилию над собой...»

Содержание

<i>Л. Аннинский. Высшие и низшие твари в мегаполисе.</i>	5
Русский пациент. <i>Роман.</i>	13

Для обогащения

души и разума

читайте книги

Александра Потёмкина

Наши книги вы можете приобрести в магазинах
«Библио-Глобус», «Московский Дом книги»,
«Москва» и других книжных магазинах города,
а также в магазинах сетей «Седьмой Континент»
и «Столица-Сервис»,
или заказать по тел. (495) 611 0339, 8 (916) 859-04-82

«Изгой», роман

«Отрешенный»,
сборник рассказов

«Игрок», повесть

«Бес», повесть

«Стол», повесть

«Я», повесть

«Мания», повесть

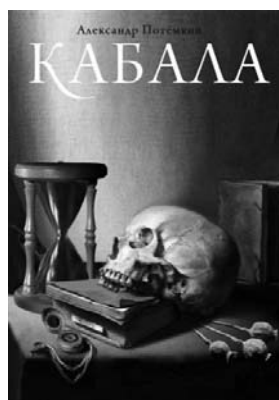

«Виртуальная экономика»,
второе, дополненное издание

«Человек отменяется»,
роман

«Элитная экономика»,
второе, дополненное издание

«Кабала», роман

«Бюрократическая экономика»,
второе, дополненное издание

Александр Потёмкин

Русский пациент

роман

Генеральный директор ИД «ПоРог»
Ирина Толмачева

Редактор *Виктория Сагалова*
Художественный редактор *Манана Потёмкина*
Художник *Игорь Резников*
Корректоры *Елена Туманова, Наталья Гареева*
Верстка *Ирина Яскульская*

Подписано в печать 14.08.12 г.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17. Тираж экз.

Издательский дом «ПоРог»
Москва, 127206, Дмитровский пр., д. 20, к. 2
www.idporog.ru

ISBN 978-5-902377-41-2

9 785902 377412 >